

A woman with long, wavy brown hair and green eyes is the central figure. She wears a traditional Russian folk costume, including a white short-sleeved blouse with gold and red embroidery, a dark skirt with a colorful pattern, and a red shawl. She is adorned with a gold headband, large earrings, a necklace, and a bracelet. Her right hand is raised near her face. The background is a dark, patterned curtain. A large, ornate yellow frame surrounds the woman. The text 'Бертрис СМОЛА' is in the upper right, and 'Навсегда в моем сердце' is at the bottom.

Бертрис
СМОЛА

Навсегда
в моем
сердце

Сага о Скай О`Малли

Бертрис Смолл

Навсегда в моем сердце

«Издательство АСТ»

1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Навсегда в моем сердце / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1985 — (Сага о Скай О`Малли)

ISBN 978-5-17-106523-2

У прелестной, решительной и упрямой Велвет де Мариско было двое мужчин в жизни. Ее первая любовь и первый муж, ее боль и мука – отважный и суровый шотландский горец Александр Гордон, которого она горько оплакивала, считая погибшим. Ее второй супруг – таинственный индийский правитель из династии Великих Моголов, открывший молодой женщине мир тонких чувств и изысканных наслаждений. Но однажды Велвет узнает: молва лгала и в действительности Александр жив и разыскивает ее. Как ей поступить? Как выбрать между прошлым и настоящим?.. Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Мое сердце».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106523-2

© Смолл Б., 1985
© Издательство АСТ, 1985

Содержание

Пролог	6
Часть I. Дочь лорда	12
Глава 1	12
Глава 2	43
Глава 3	65
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Бертрис Смолл

Навсегда в моем сердце

Bertrice Small
This Heart of Mine

© Bertrice Small, 1985

© Перевод. Е. А. Ильина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Пролог

Январь 1586 года

– Святые мощи господни! – прозвучало подобно раскату грома.

Елизавета Тюдор резко остановилась, развернулась и вперила горящий гневом взгляд в стоявшую напротив женщину.

– Вы осмеливаетесь говорить «нет» мне, мадам? Мне, вашей королеве?

– У меня нет королевы, – последовал спокойный ответ. – И, коль уж на то пошло, благодаря вам у меня нет и родины.

– Мерзавка! – прошипела Елизавета. – Вы всегда были у меня бельмом в глазу! Не я ли дала кров вам и вашему супругу? Не я ли привечала ваших детей при дворе? И такова благодарность за мою доброту?

Королева окинула гневным взглядом присутствующих, словно ожидая слов поддержки.

– Доброту? – Собеседница королевы язвительно рассмеялась. – Давайте-ка вспомним историю наших с вами взаимоотношений, ваше величество. Когда-то с вашего молчаливого согласия я была изнасилована лордом Дадли. А все потому, что у вас самой не хватило духу всецело отдаться своей любви. И это вы вынудили меня выйти замуж и уехать на чужбину, обещая защитить земли, принадлежащие моему малолетнему сыну, которые затем без зазрения совести у него отняли. А еще я помню, как, желая заручиться моей помощью и поддержкой, вы приказали выкрасть мою дочь, дабы я не смогла вам отказать.

– Я тоже помню, как вы захватили мои корабли, тем самым лишив Англию финансовой поддержки, в которой она так нуждалась! – воскликнула королева, уязвленная напоминанием о лорде Дадли.

– Напомню, что мое участие в этом так и не было доказано, – возразила ей собеседница.

– Хотя нам обоим прекрасно известно, что это сделали именно вы!

Находившиеся в комнате мужчины с восхищением наблюдали за этой перепалкой. Один из них был самым преданным слугой ее величества, а второй – супругом дерзкой дамы.

«Они друг друга стоят!» – думал государственный секретарь королевы лорд Берли. И все же этой ссоре следовало положить конец, ибо в сложившихся обстоятельствах время играло существенную роль. В последнее время королева чувствовала себя неважно. Непрерывающиеся интриги вокруг ее заключенной в темницу кузины, шотландской королевы в изгнании Марии Стюарт, отнимали немало сил и подрывали здоровье. Испанцы тоже не желали отказываться от священной мести Елизавете Тюдор, вынуждая ее прикладывать все силы к тому, чтобы опережать их коварные замыслы.

Уильям Сесил, лорд Берли, тихо вздохнул. Перевалило за полночь, и ее величество уже собиралась отправиться в постель, когда явились гости. Королева настояла на том, чтобы принять их, едва только они прибудут в Гринвич, поэтому гостей немедленно доставили в ее покои. Она встретила их в стеганом халате из белого бархата, расшитом золотом и украшенном мелкими гранатами, а чтобы скрыть от взора присутствующих свои редующие седые волосы, водрузила на голову элегантный рыжий парик. Однако это не помогло скрыть отсутствие макияжа, и теперь королева выглядела далеко не лучшим образом и на свои пятьдесят два. Чопорно поджатые губы лорда Берли растянулись в улыбке, ибо он понимал, что гнев ее величества отчасти вызван именно этим обстоятельством, тем более что ее оппонентке никто бы не дал ее сорока пяти.

– Мадам, позвольте вас прервать, – обратился он к своей госпоже, и та милостиво кивнула. – Эта ссора между вами не поможет решить наши проблемы. – Затем повернулся к госте. – Леди де Мариско, как вам известно, мы уже послали одну экспедицию в Ост-Индию.

Губы Скай О'Малли, леди де Мариско, изогнулись в улыбке, и она с усмешкой заметила: – Да, милорд, мне это известно. Уильяма Хокинса, торговца из Лондона, в сопровождении бывшего ювелира и живописца. Весьма занятный выбор послгов.

– Мы решили действовать осмотрительно в свете того, что португальцы стремительно укрепляют свои позиции в Индии, – парировал Уильям Сесил.

– К черту португальцев! – воскликнула королева. – Все дело в испанцах. Ведь это они задают сейчас тон в Португалии! Они намереваются прибрать к рукам все богатство Ост-Индии, как проделали это в Новом Свете с золотыми и серебряными рудниками. Я этого не допущу! Ост-Индия должна принадлежать Англии!

– Только вот согласится ли с вашим мнением принц, правитель Индии, мадам, – сухо заметила Скай.

Елизавета Тюдор бросила взгляд на свою давнюю соперницу и произнесла то, чего никто из присутствующих никак не ожидал услышать.

– Мне нужна ваша помощь, моя дорогая! Никому, кроме вас, не под силу сделать того, в чем я очень сильно нуждаюсь.

Мужчины удивленно переглянулись, а Скай посмотрела на своего мужа, Адама де Мариско, и прочла в его взгляде именно то, что и ожидала. Еще ни разу в жизни королева не была так близка к тому, чтобы умолять о помощи, стоя на коленях. Подернутые поволокой голубые глаза Адама решительно смотрели на жену, и Скай вдруг отчетливо услышала его слова, как если бы он произнес их вслух. «Ты не можешь отказать ей сейчас. Не упорствуй, детка. Будь великодушна в минуту своего торжества».

– Мадам, могу ли я попросить вашего позволения присесть? – произнесла Скай. – Мы проделали очень долгий путь за короткое время. С некоторых пор я заметила, что не могу проводить в седле так же много времени, как раньше. Это стало доставлять мне страдания.

Королева кивнула, благосклонно указав рукой на удобное кресло подле камина, а потом уселась напротив, ребячливо оперлась на локти и, подавшись вперед, с улыбкой произнесла:

– Со стороны может показаться, будто наши зады изрядно задеревенели, но это совсем не так. Теперь и я не могу охотиться, как в старые добрые времена, не испытывая страданий.

Повисшую в комнате тишину нарушила Скай:

– Почему Джон Ньюбери, Уильям Хокинс и их сопровождающие путешествуют по суше, мадам?

– Хокинс решил, что это вызовет меньше подозрений.

– А мне кажется, он просто захотел прикарманить деньги, сэкономленные на подготовке экспедиции должным образом, – возразила Скай. – При тщательно спланированном путешествии по морю он вряд ли встретился бы с чужими кораблями. На суше же кучка англичан-путешественников непременно вызовет интерес местного населения, что, в свою очередь, привлечет внимание властей. Впрочем, он уехал не так давно, и пока рано бить тревогу, мадам. Почему вы так спешите снарядить повторную экспедицию?

– Агенты короны в Испании сообщили, что супруг нашей дражайшей покойной сестры Филипп намерен послать против Англии целую флотилию военных кораблей. Оплачиваться эта война будет добытыми в Индии богатствами. Правитель страны, могущественный принц, давно торгует с Португалией, а, стало быть, с Испанией. Португальцы слишком деспотичны, и готова биться об заклад, что, если бы нам удалось просунуть ногу в дверь, ведущую в Индию, император Акбар увидел бы преимущества Англии и стал охотнее торговать с нами, тем самым значительно сократив доходы Испании.

– Рано или поздно Уильям Хокинс и его компания достигнут Индии, но ваши корабли доберутся туда гораздо быстрее, моя дорогая Скай. Вы всегда славились своим умением добиваться невозможного. Полагаю, причиной тому ирландское везенье. И все же в том, что касается торговли, вашему с сэром Робертом Смоллом тандему нет равных.

– Робби стал слишком стар для подобных предприятий, мадам, – запротестовала Скай.

– Хотелось бы мне увидеть, как он отреагирует, когда вы сообщите ему об этом, – усмехнулась Елизавета. – Но если это вас так беспокоит, отправляйтесь в экспедицию без него. Честно говоря, я уже давно решила, что ехать нужно именно вам, как обладательнице огромного опыта по ведению переговоров. Ведь вы можете быть весьма искусным дипломатом, если это доставляет вам удовольствие.

– Но у меня семья, мадам. Я не могу просто взять и бросить все на произвол судьбы.

– Ваши дети давно выросли.

– Но не Велвет. Она еще слишком мала. Ей нет и тринадцати.

– Пришлите ее ко мне, – предложила королева. – Она моя крестница, и я буду очень рада ее видеть.

– Никогда! – страстно возразила Скай. – Прошу меня простить, мадам, но моя дочь еще слишком невинна, и мне хотелось бы, чтобы она оставалась таковой как можно дольше. Ваш двор – потрясающее место для тех, кто уже обрел житейскую мудрость, и вы, мадам, образец добродетели и целомудрия, но моя малышка может стать доверчивой игрушкой в руках тех, кто не обладает такими качествами. Если я приму ваше предложение, Велвет должна остаться в родном доме на попечении сестры сэра Роберта леди Сесили Смолл.

– «Если», мадам? – Королева прищурила свои темно-серые, почти черные глаза.

Скай вздохнула.

– Нам придется отправиться в путь как можно скорее, если хотим поймать попутный ветер в Индийском океане. А посему у нас почти не останется времени на то, чтобы снарядить корабли должным образом.

– Мы сделаем все, что в наших силах, дабы ускорить процесс, дорогая Скай, – пообещала ее величество.

– Что еще мне будет пожаловано? – прямо спросила Скай. – Наши с вами услуги друг другу никогда не обходились дешево, мадам.

Елизавета Тюдор рассмеялась, а затем кивнула.

– Не хотите вернуть себе титул графини? Окажите мне услугу, и я дарю вам графство Ланди.

– Которое будет передаваться по наследству по женской линии нашей семьи, – продолжила Скай. – Однажды титул перейдет Велвет, поскольку у нас с ее отцом нет ни общих сыновей, ни надежды обзавестись таковыми. А еще я рассчитываю на долю тех доходов, что принесут вам мои усилия.

– По рукам! – воскликнула королева с восхищенной улыбкой.

– И какова же будет ваша доля? – поинтересовался Уильям Сесил, неизменно заботившийся о благополучии своей госпожи.

– Мы с Робби подумаем над этим, – пообещал Адам де Мариско. – Королева, как всегда, получит львиную долю. Уверен, вы никогда не находили ошибок в наших отчетах.

– Так и есть, милорд, – кивнул Берли. – На наших с вами сделках мы не потеряли ни пенса.

– Тогда решено, – с довольным видом подытожила королева. – Налейте-ка нам всем вина, Сесил: нужно отпраздновать это событие. Но помните – ваши намерения необходимо держать в секрете. Ведь если о них прознает Филипп, успеха нам не видать.

– Да уж, – согласилась Скай, взяв в руки протянутый ей кубок.

Все присутствующие подняли кубки за успех предприятия, а затем с милостивого позволения королевы лорд и леди де Мариско удалились.

– Их шансы на успех не слишком велики, – заметил Уильям Сесил, когда гости покинули покои его госпожи. – Даже если им удастся выехать за пределы Англии, не возбудив подозре-

ний у испанцев, предстоит длительное путешествие к берегам Индии, где на пути к дворцу императора Акбара они будут вынуждены избегать встреч с португальцами.

– Знаю, – согласилась Елизавета, – но я действительно верю, что Скай О’Малли – наша единственная надежда. О, душа моя, что бы я делала все эти годы без твоей помощи и поддержки?

– Не один я готов служить вашему величеству, – возразил лорд Берли, тронутый признательностью королевы, особенно словами «душа моя», которые она придумала для него.

– Таких, как ты, больше нет. Многие сочли бы меня сумасшедшей, узнав, что я обратилась за помощью к Скай О’Малли после того, что между нами произошло. Как давно я сослала ее в Куинс-Молверн? С той поры минуло без малого одиннадцать лет. И за все это время я о ней даже не вспоминала. Святые мощи господни! – Елизавета поморщилась. – Эта женщина совсем не изменилась, а между тем уже обзавелась внуками! Должно быть, жизнь за городом и прогулки верхом помогли ей продлить молодость. И все же от меня не ускользнуло выражение ее глаз. Ей ужасно хочется вновь выйти в море. О да, ей этого ужасно хочется! – Рассмеялась королева.

Как это ни странно, но почти то же самое сказал супруге Адам де Мариско.

Королевская яхта доставила Скай и Адама вверх по реке в их лондонский дом Гринвуд. На протяжении всего пути они хранили молчание, ибо знали, что матросы, как и все королевские слуги, обожали сплетни. Лишь оказавшись в собственных покоях, Адам воскликнул:

– Я думал, ты счастлива в Куинс-Молверне, любовь моя!

– Так и есть. Помоги-ка мне расшнуровать корсет. Я ужасно устала и хочу поскорее лечь в постель.

– Стало быть, ты хочешь поехать. – Пальцы мужчины проворно принялись расстегивать пуговицы на платье жены.

– Конечно же, хочу! – Освободившись от корсета, Скай повернулась к мужу. – Я жила вдали от моря более десяти лет, и хоть очень счастлива в Куинс-Молверне, рада, что у нас появилась возможность вновь пуститься навстречу приключениям... О, Адам!

Скай обхватила мужа за шею и накрыла его губы в поцелуе.

– Жаждешь приключений, малышка? – рассмеялся он. – А я-то думал, ты повзрослела. Куда подевалась уравновешенная и благопристойная супруга, коей ты была с самого нашего приезда в Куинс-Молверн?

– Надеюсь, ты не считаешь меня слишком благопристойной, дорогой, – захихикала Скай. – О, Адам, ты не возражаешь? Не могла же я отказать королеве, верно?

Адам глубоко вздохнул.

– Нет, мы не могли ей отказать, хотя, видит бог, должны были попытаться. Мне ужасно не хочется оставлять Велвет, дорогая, ведь она еще слишком мала.

– Мы могли бы взять ее с собой, – предложила Скай. – В конце концов, в ее жилах течет кровь О’Малли.

– Нет, любовь моя, не стоит. Путешествие, которого ты так ждешь, довольно опасно. Мы берегли нашу малышку на протяжении многих лет, и когда вернемся, она уже будет готова стать женой сына моего старинного друга графа Брок-Керна. Пусть остается в Англии на попечении славной доброй леди Сесили и учится всему тому, что необходимо знать, чтобы стать хорошей женой молодому Александру Гордону, который однажды унаследует титул отца.

Скай тихо засмеялась.

– Хочешь сказать, тому, чему не обучила ее я сама? Но она прекрасно образована, и ее супругу не придется краснеть, когда придет время представить ее шотландскому двору.

Адам улыбнулся: его супруга придавала огромное значение образованию детей, и не только сыновей, но и дочерей. Только вот если бы не леди Сесили, что живет в их доме на

протяжении многих лет, девочка вряд ли научилась бы вести хозяйство: в списке приоритетов Скай это умение занимало самую нижнюю строчку.

– Нет, Велвет не посрамит имя Брок-Кернов, любовь моя, – кивнул Адам. – Но за время нашего отсутствия ей нужно научиться управлять огромным поместьем и его обитателями. Ты все это умеешь, хотя и ужасно не любишь, а вот Велвет и понятия об этом не имеет. Как же без этих навыков выходить замуж?

– Знаю. И это еще одна причина, почему мне так не хочется ее покидать. Ведь мы пропустили целых два года жизни нашей дочери. И эту потерю королева Елизавета ничем не восполнит. – Скай посмотрела на мужа и, вздохнув, коснулась его щеки. – Мы были очень счастливы, дорогой, не правда ли? Я жажду приключений, но в то же время не хочу лишиться Куинс-Молверна. А здесь столько счастливых событий впереди! Нас не будет здесь, чтобы помочь Робину и Элисон устроить празднество в честь первого дня рождения малышки Элизабет. А еще мы не увидим второго малыша Элисон, который должен вот-вот появиться на свет. Грядущим летом Эван и Гвинет обещали привезти из Ирландии детей, а мы ведь еще не видели их самого младшего, Уолтера. Мерроу захочет поехать с нами, а я обещала Джоан, что в ближайшее время не отпущу его в столь длительное путешествие. Ты хотя бы понимаешь, что он единственный раз оказался дома во время рождения своих детей, когда прошлым летом на свет появились их близнецы? Он отсутствовал столь часто, что они с женой не смогли обзавестись наследниками пять лет.

– Ты прямо настоящая глава семьи, любовь моя, – поддразнил жену Адам.

– Я ею стала в семнадцать лет, когда отец отдал мне титул О’Малли. Слава богу, в последние годы меня освободили от этого бремени! О, Адам! Мне и хочется отправиться в Индию, и в то же время не хочется!

– Но мы должны! Семья справится и без нас, хотя, уверен, все будут по тебе скучать.

– И по тебе тоже, дорогой! Несмотря на то что Велвет наш единственный общий ребенок, остальные мои дети любят тебя как родного отца. Ты такой же глава семьи, как и я, и четырнадцатую годовщину нашей свадьбы мы отпразднуем в сентябре в Индии.

Адам счастливо рассмеялся.

– Не перестаю поражаться твоей способности во всем видеть что-то хорошее, любовь моя. Стало быть, решено: Велвет останется под опекой леди Сесили в Куинс-Молверне, остальные наши дети будут жить как прежде, а мы с тобой, дорогая, отправимся в это последнее путешествие на благо короны, прежде чем обрести покой в старости.

– О какой старости ты говоришь! – возмущенно воскликнула Скай, но лицо ее тотчас же осветила озорная улыбка, а пальцы принялись ловко расстегивать пуговицы на сорочке мужа. – Я никогда не состарюсь, Адам де Мариско, и не буду готова уйти на покой.

Теплые губы прошли по заросшей кудрявыми волосами груди мужа, пробуждая во всем теле Адама чувственную дрожь, и во взгляде Скай заплясали озорные искорки.

– Как ты смотришь на то, чтобы начать наше приключение прямо сейчас, дорогой?

Смех Адама эхом прокатился под сводами спальни, и с улыбкой он произнес:

– Наше невинное дитя пришло бы в ужас. Ведь девочка считает нас весьма уважаемой и степенной парой.

– И это неудивительно, – согласилась Скай. – Ей еще слишком рано задумываться о чувственной стороне отношений между мужчиной и женщиной. У нее будет достаточно времени, когда мы вернемся из Индии, а пока пусть насладится детством.

– Но она ведь помолвлена.

– Да Велвет уже давно забыла о существовании сына Брок-Керна. Помолвка состоялась, когда ей было всего пять лет. И помни: я согласилась лишь потому, что ты поклялся предоставить ей выбор, когда придет ее время. Я не намерена заставлять дочь выходить замуж против ее воли, как поступил когда-то со мной мой отец. Ведь несмотря на то что вас с Брок-Керном

связывает многолетняя дружба, его сын не проявил за эти годы ни малейшего интереса к нашей дочери. Но рано об этом беспокоиться. Пусть Велвет поживет пока беззаботно под крылом леди Сесили: катается на своих лошадях да лопаёт сладости, которые без конца выманивает у всех подряд. Она ужасно избалована.

– Ты права, – кивнул Адам с улыбкой. – У Велвет впереди ещё много времени.

Часть I. Дочь лорда

*Адама де Мариско
Вот пришел и месяц май —
Сердце юноши играй!
Фа-ла-ла,
Фа-ла-ла,
Фа-ла-ла-ла-ла-ла-ла!
Каждый день меж ветвей
Пляшет с девушкой своей.
Фа-ла-ла,
Фа-ла-ла,
Фа-ла-ла-ла-ла-ла-ла!*

Старинная песенка

Глава 1

– Что, черт возьми, значит «женись без промедления», отец?

Александр Гордон недовольно взирал с высоты немалого роста на прикованного к постели отца, однако на графа Брок-Керна его взгляд не произвел ни малейшего впечатления. Точно так же он сам смотрел в дни своей молодости на более влиятельных людей, пытавшихся диктовать ему свои условия. «Господи, – думал граф, глядя на сына, – да он такой же, каким был когда-то и я сам: так же высок и худощав, с такими же черными, как вороново крыло, волосами и суровым, словно вытесанным из гранита, лицом. Проклятье! Не случись со мной этого несчастья, мы сейчас выглядели бы как братья».

Ангус Гордон испустил тяжелый вздох. Ему претило признаваться в собственной немоции, и все же, заскрежетав от досады зубами, он произнес:

– Ты должен понять, Алекс, что мне не дожить до весны. С каждым днем я становлюсь все слабее и уже не могу себя обслужить. Проклятье! Я даже не в состоянии дойти до уборной! Не хочу так жить. Да и лекарь из Абердина говорит, что лучше мне уже не станет. Я знаю, что умираю.

Молодой человек, явно захваченный врасплох откровенностью отца, лишь переминался с ноги на ногу.

– Мне осталось несколько недель, а ты мой единственный наследник мужского пола, – продолжил граф Брок-Керн. – После того как эпидемия унесла жизнь твоей матери и брата Найджела, у меня не осталось никого, кроме тебя и твоей сестры. Не хотелось бы отдавать Дан-Брок Анабелле и ее слабохарактерному мужу. У тебя есть невеста, Алекс. Женись на ней! И подари мне внука!

– Господи, отец! Ты говоришь о маленькой англичанке, которую я не видел много лет? Она же сама еще совсем ребенок и вряд ли сможет родить! Болезнь повредила твой рассудок.

– Верно, – резко ответил граф, – ты не видел свою невесту со дня вашей помолвки. И чья в том вина, сын? Ты хотя бы представляешь, сколько лет прошло? Почти десять. Так что девица де Мариско вполне себе подросла и созрела для брака. Ты просто обязан на ней жениться! Хотя, может, твоим сердцем завладела другая? Если так, не стану тебя неволить: хочу, чтобы ты был счастлив в браке, как был счастлив я сам. Твоя мать была любовью всей моей жизни,

и, как ни грустно мне покидать тебя, сын, я рад, что скоро снова ее увижу. Год, что миновал со дня смерти моей дорогой Изабеллы, показался мне вечностью.

Голос графа сорвался, и Алекс, ощутив, как непрошеные слезы обожгли ему глаза, заморгал, чтобы не дать им пролиться, и тихо сказал:

– У меня нет возлюбленной, отец. И ты это знаешь.

– Тогда поезжай в Англию и женись на девушке, что я для тебя выбрал. Она принадлежит тебе. Мы с Адамом де Мариско всегда мечтали породниться. Это мое предсмертное желание, Алекс. Я не стал бы отбирать тебя у другой девушки, но, коль скоро таковой не существует, ты просто обязан выполнить свой долг и жениться на дочери моего друга. Ты никогда раньше не говорил ни слова против. Посему выполни мою последнюю волю, сынок.

Сквозь порывы ледяного зимнего ветра, протяжно завывавшего в серых каменных башнях Дан-Брока, Александру Гордону вновь и вновь слышались слова покойного отца, умолявшего о скорейшей женитьбе. Сидя во главе стола в главном зале замка, он бросил взгляд на своего зятя Иена Гранта и в который раз понял, что выбора у него нет. Совсем недавно он услышал, как один из его племянников сказал другому: «Папа говорит, что однажды все это станет моим, а сам я буду графом».

Эти невинные и вместе с тем наполненные гордостью слова старшего сына сестры внезапно напомнили Алексу предсмертную мольбу отца. Чтобы Грант унаследовал титул графа Брок-Керна? Никогда!

Алекс понимал, почему отец нашел ему невесту в Англии. Английская королева, несмотря на свой преклонный возраст, оставалась девственницей и посему не имела прямых наследников, которым могла бы передать трон, так что однажды на престол взойдет ее кузен, король Шотландии Джеймс Стюарт, приходившийся кузеном и ему.

Несмотря на то что Алекс старался как можно реже бывать при дворе, для него не являлось секретом стремление Джейми Стюарта поскорее вступить в наследство и перебраться на юг, славившийся более цивилизованными нравами. Английские представители знати причиняли своим королям меньше беспокойства, нежели их шотландские сородичи, а английские монаршие особы отличались завидным долголетием, чего нельзя было сказать о представителях династии Стюарт. Ни один из шотландских королей, начиная с самого первого Джеймса Стюарта, не прожил больше сорока лет, и ни один из них не умер своей смертью. Нынешний король Джеймс, как и всякий нормальный человек, желал жить долго. Только вот Шотландия совсем не подходила для этой цели. Когда же он унаследует трон и отправится в Англию вместе со своим двором, в наиболее выгодном положении окажутся те из его подданных, кто уже успел жениться на англичанке и обзавестись связями, поэтому Ангус Гордон и нашел для своего сына невесту-англичанку.

Алекс, откинувшись на стуле, наблюдал за Иеном Грантом из-под полуопущенных век. Его зять, в сущности, неплохой человек, но ему давно уже пора научиться заботиться о себе и своей семье самостоятельно. Иен очень уж привык к спокойной и сытой жизни в Дан-Броке, позабыв о собственном доме в долине, так что придется ему намекнуть, что пора возвращаться в свое заброшенное поместье и попытаться привести его в порядок. Сестре Анабелле надо посоветовать, усмехнулся Алекс, чтобы взялась за мужа как следует.

– Через несколько недель я намерен отправиться в Англию, – начал Алекс.

– И зачем тебе это, скажи на милость? – тут же откликнулась сестра, запихивая в рот большой кусок пирога с голубиным мясом.

Что-то она в последнее время заметно поправилась. Неужели опять ждет ребенка? Или же виной всему сытая жизнь?

– Собираюсь просить руки своей невесты. Мне давно уже пора жениться и обзавестись потомством. Так пожелал перед смертью отец.

Едва не подавившись пирогом, Анабелла Грант ошеломленно посмотрела на брата, однако, прежде чем успела проглотить еду и что-то сказать, перехватил инициативу ее супруг:

– Жениться? Да, ведь тебе почти тридцать, приятель! Но даже если и надумал, то почему не выбрать девушку из приличной шотландской семьи? К чему мешать свою кровь с кровью этих презренных англичан?

– Я был помолвлен с этой англичанкой десять лет назад, Иен. Кроме того, в Шотландии нет ни одной девушки, на которой мне захотелось бы жениться. Честь требует, чтобы я сдержал слово. К тому же она дочь одного из старинных друзей отца.

– Кого именно? – обрела наконец дар речи Анабелла.

– Адама де Мариско. Судя по всему, в молодости наш отец провел некоторое время во Франции. У этого его друга отец англичанин, а вот мать – француженка. Отец и де Мариско встретились в доме ее второго мужа – замке Аршамбо. Тогда они были совсем детьми, но дружба их продолжилась, и долгие годы они состояли в переписке. Десять лет назад, когда Иен только начал за тобой ухаживать и ты не обращала внимания ни на что другое, мы с отцом предприняли путешествие в Англию. Там-то и состоялась моя помолвка с дочерью де Мариско – крохой пяти лет от роду. Я почти не запомнил церемонию, а о девочке могу сказать лишь то, что она довольно сильная личность.

– Сильная личность? – озадаченно переспросила Анабелла.

– Она была самой младшей, но могла дать фору любому мальчишке.

– Вот как! – фыркнула сестра. – Потакая сентиментальному желанию умирающего, ты решил оседлать коня и отправиться в Англию, чтобы жениться на своей суженой. А что, если этот самый де Мариско и думать забыл о тебе и глупой помолвке? Да на тебя спустят цепных собак! О, братец, если уж ты надумал жениться, женись, но на приличной шотландской девушке с гор. Должна признаться, я всегда питала надежду увидеть на твоём месте в Дан-Броке своего старшего сына, но на нет и суда нет. Только не позволяй выставить себя идиотом из-за каких-то давних договоренностей.

– Да, – вставил Иен Грант, – не осрамись перед этими презренными англичанами.

Внезапно Алекс ощутил острый приступ раздражения. Анабелла была на пять лет младше его, но создавалось впечатление, что она уже родилась зрелой женщиной, да и муженек оказался ей под стать. Ни он сам, ни сестра никогда не покидали тех мест, где родились. Эти двое ничего не знали о том, что происходит за пределами их маленького мирка, и явно не собирались ничего менять.

– Все эти годы отец и де Мариско не прерывали общения, – терпеливо пояснил Алекс. – В библиотеке стоят два больших сундука. В одном хранятся письма, и недавно я их просмотрел. Дружба отца и де Мариско была такой же крепкой, как моя с пасынком де Мариско и сводным братом моей невесты графом Линмутом. Помнишь, мы учились вместе в Париже? В другом сундуке хранятся миниатюры с изображением дочери де Мариско. Ее портреты писали каждый год после нашей помолвки. Так что никто ни о чем не забыл, и теперь, когда отца больше нет с нами, я обязан жениться без промедления. Думаю, пришла пора и тебе забрать сыновей и вернуться к себе домой, сестренка. В Дан-Броке будет не слишком уютно во время моего отсутствия, поскольку я уже отдал приказ вычистить его и проветрить от башен до погребов. Покои герцогини тоже будут переделаны к приезду моей невесты. Твой собственный дом тоже давно уже нуждается в заботе хозяйки: ты ведь не появлялась там больше года.

– Ты отсылаешь меня из родного дома? – оскорбилась Анабелла.

– Нет, сестренка, я отсылаю тебя в твой дом. Дан-Брок перестал быть твоим, когда ты вышла замуж, и хозяйка в нем будет только одна – моя жена. Уверен, твой муж тоже скучает по своему поместью. Верно, Иен?

При мысли о мрачном сооружении из серых камней под названием «Грантхольм», Иен передернулся. У него никогда не было денег ни на ремонт, ни на дрова. К тому же в доме жил

призрак, который, если его потревожить, страшно завывал под сводами и швырялся посудой. Иен хотел уже сказать, что охотнее поселился бы в болоте, нежели в Грантхольме, но поймал на себе гневный взгляд шурина и промямлил:

– О, д-да! Будет здорово снова оказаться д-дома, Алекс. Правда здорово!

Анабелла с неприязнью посмотрела на мужа. Когда дело касалось Алекса, Иен превращался в трусливого червяка. Иногда Анабелла задавалась вопросом, почему вообще вышла за него замуж, но тут же готова была рассмеяться, ибо знала ответ. Никто – она была в этом уверена – не смог бы любить ее так, как Иен Грант. Всепоглощающая любовь к жене была его единственным достоинством.

Анабелла развернулась к брату и в гневе воскликнула:

– Вот как! Стало быть, я больше не желанная гостья в родном доме. Никогда бы не подумала, что подобное может случиться, Алекс. Ты хорошо скрывал от родителей свое истинное отношение ко мне. Мать захлебнулась бы слезами, а отец перевернулся бы в могиле, узнай об этом.

– Мама не позволила бы тебе задержаться в этом доме и недели, если бы не умерла, да и отец вышвырнул бы через месяц, но он был слишком слаб, а у меня не было на то никаких полномочий. – Алекса явно забавляло происходящее. Тактика сестры играть на чувстве вины прекрасно подошла бы в случае с ее супругом, однако новоявленный граф явно из другого теста. – Ты всегда желанная гостья в Дан-Броке, но я не допущу, чтобы твой бесхребетный муж и сопливые сыновья чувствовали себя хозяевами в моем замке. Отец прожил бы долгую жизнь, если бы не тот несчастный случай на охоте, и я тоже еще очень молод, сестрица. Будь уверена, в течение года после свадьбы я обзаведусь наследником, а следующие пять лет буду производить каждый год по сыну. В Дан-Броке появится достаточное количество Гордонов! На протяжении трех столетий наша семья владела этим клочком земли в горах Шотландии и будет владеть им еще триста лет. А Гранты пусть довольствуются Грантхольмом, если, конечно, у тебя, Иен, не достанет ума отправиться ко двору Джейми Стюарта.

Как и ожидал Алекс, Иену Гранту стало не по себе. Он часто задавался вопросом, что удерживает его весьма амбициозную сестру рядом с таким мягкотелым и слабовольным человеком.

Анабелла гневно взглянула на брата, но тот улыбнулся в ответ. Его сестра была весьма привлекательной: с темно-каштановыми волосами и пронизательными серо-голубыми глазами, внешностью и фигурой она напоминала мать, только вот присущей ей мягкости не унаследовала ни капли.

– Итак, – насмешливо протянула Анабелла, – ты отправляешься за невестой. Бог даст, эта англичанка тебе не откажет.

– Откажет? – Алекс посмотрел на сестру так, словно та вдруг лишилась рассудка. – Мы же с ней помолвлены, забыла? На наш брак согласился ее отец, и это самое важное. В таких делах у женщин нет выбора.

Анабелла рассмеялась.

– Ах, Алекс, тебе предстоит еще многому научиться. Важно, какие чувства испытывает сама девушка. На дворе шестнадцатое столетие, братец! Хоть она и обручена с тобой, но если не захочет выходить за тебя... – Она помолчала. – Кстати, как ее зовут?

– Велвет, – ответил Алекс, озадаченный ехидным замечанием сестры.

– Велвет, – повторила Анабелла. – Очень похоже на название мягкой и весьма податливой ткани. Остается лишь надеяться, что твоя невеста окажется столь же нежной и послушной, братец.

– На что это ты намекаешь? – раздраженно спросил Алекс.

– Я не намекаю, а говорю прямо. Ты ничего не знаешь о женщинах! Совсем ничего!

– Проклятье! – взорвался Алекс, и Иен вжался в спинку стула с такой силой, что едва не опрокинулся вместе с ним. – Да что ты знаешь обо мне? Плотские утехы я впервые познал, едва мне исполнилось двенадцать лет! А уж сколько их было, всяких разных...

– О да, ты знаешь, как уложить девицу в постель, с этим не поспоришь! – выкрикнула в ответ Анабелла. – Но спать с женщиной и любить ее не одно и то же! Я лишь надеюсь, что твоя Велвет окажется достаточно терпеливой и сумеет тебя этому научить! – Сестра порывисто поднялась со своего места, так что подол ее темного платья взметнулся вверх. – Идем, Иен! Нам необходимо собрать свои вещи, коих немало.

И она вышла из зала, сопровождаемая бледным от страха мужем.

Алекс фыркнул, с грохотом отодвинул стул и тоже поспешил прочь, на глазах у заговорщически переглядывавшихся слуг. Им не терпелось поскорее разнести по всему замку весть, что молодой граф наконец-то решил жениться. Слугам тоже хотелось бы, чтобы выбор их господина пал на девушку из шотландской семьи, но они понимали, что такому старинному роду, как Гордоны из Дан-Брока, свежая кровь тоже не помешает. Известие о женитьбе Александра Гордона наверняка разобьет немало сердец в замке и его окрестностях, ибо молодой граф славился своей любвеобильностью, и свидетельством тому служило немалое количество детишек, очень на него похожих. Слуги гадали, оставит ли он свои пристрастия при супруге, и сошлись во мнении, что граф совершенно не походил на примерного семьянина, способного ограничиться одной женщиной.

Алекс отправился в библиотеку, намереваясь заглянуть в шкатулку с миниатюрами. Интересно, как теперь выглядит его невеста. Да, он держался смело и решительно в разговоре с Анабеллой, хотя, по сути, совсем ничего не знал о маленькой англичанке. В том, что за десять лет он даже не удосужился вспомнить о ней, был виноват лишь он сам. Собственная нервозность приводила Алекса в замешательство, и ему оставалось надеяться, что портреты невесты дадут ему хоть какое-то представление о ее личности.

Непослушными пальцами он порывисто поднял крышку шкатулки. В выстланных черным шелком овальных углублениях покоились небольшие портреты в золоченых рамках. Алекс поднял один и перевернул. На обратной стороне виднелась аккуратная подпись: «Велвет де Мариско 5 лет. 1578 г. от Р. Х.». Алекс снова перевернул миниатюру и взгляделся в лицо изображенной на ней девочки. По-детски пухлые румяные щечки украшали очаровательные ямочки.

Неожиданно для себя Алекс улыбнулся, припомнив, как малышка робко пряталась за материнские юбки. Выманить ее и усадить к себе на колени удалось лишь с помощью большого круглого леденца. Мило пришепetyвая, девочка тихо поблагодарила незнакомца, а потом, не сводя с него любопытного взгляда больших ясных глаз, соскользнула с его колен и поспешила к матери. Алекс припомнил, что потом еще видел ее игравшей с многочисленными кузенами и кузинами. Потряхивая шелковистыми кудрями и притопывая пухлой ножкой, девочка всегда командовала, проявляя при этом недюжинный характер и вместе с тем вызывая умиление. «Вот же маленькая плутовка!» – подумал тогда Алекс.

Вернув портрет на место, молодой человек взял в руки следующую миниатюру и прочитал надпись на ее оборотной стороне. «Велвет де Мариско 6 лет. 1579 г. от Р. Х.». Судя по всему, крошечные изображения девочки были расположены в порядке ее взросления. На портрете девятилетней Велвет стали заметны некоторые изменения во внешности. Детская округлость лица исчезла, а волосы, казавшиеся раньше совсем темными, слегка посветлели, как и глаза.

Алекс поднял верхний слой миниатюр, движимый непреодолимым желанием увидеть портрет, написанный совсем недавно, всего год назад, когда Велвет исполнилось четырнадцать. При взгляде на него, у Алекса перехватило дыхание, а рот помимо его воли открылся. Хотя

удивляться было нечему: ведь уже детские изображения Велвет де Мариско свидетельствовали о том, что со временем она превратится в настоящую красавицу. Более всего Алекса поразили волевые черты ее прекрасного лица. Гордое выражение глаз словно бы говорило: «Я знаю себе цену». Вкупе с природной красотой – молочной кожей, нежным румянцем, золотисто-каштановыми волосами и ясными зелеными глазами – оно производило неизгладимое впечатление.

Что же это за девушка? Как бы Алексу хотелось услышать ее голос. Как он меняется, когда она говорит, смеется или... томится от страсти? При мысли об этом щеки Алекса запылали. Образованна ли она? Умелая ли наездница? Любит ли музыку? Внезапно ему ужасно захотелось узнать про нее все, даже то, что пока еще не мог сформулировать. Письма отца и Адама де Мариско не давали ответов на многочисленные вопросы. Складывалось впечатление, что едва помолвка их детей состоялась, друзья утратили всяческий интерес к обсуждению данной темы. Время от времени имя Велвет все же упоминалось, но информации было так мало, что составить о ней впечатление не представлялось возможным.

Алекс едва не застонал от досады. Ну почему за эти десять лет он ни разу не удосужился съездить в Англию? У него появилась бы возможность мало-помалу узнавать Велвет, и, возможно, она влюбилась бы в него, ну или хотя бы прониклась симпатией.

Алекс тряхнул головой, чтобы привести в порядок мысли. Они с Велвет помолвлены, и девушка станет его женой, хочет того или нет: дочь должна исполнять волю отца и беспркословно подчиняться его требованиям, – и будет безропотно рожать ему наследников и подчиняться его воле. Такова женская доля. Женщин необходимо держать в узде, иначе станут совершенно неуправляемыми. Господь свидетель, его сестра Анабелла живое тому доказательство. Нет, не стоит терзаться из-за того, что все эти годы он игнорировал существование Велвет. Они помолвлены. И этого достаточно.

О, он бывал в Италии и Франции, где мужчины порой выставляли себя полными идиотами из-за любви к женщине, но шотландцы не такие. Женщина была создана Всевышним для услужения мужчине. Ее обязанность рожать детей, чтобы сохранялся род и семейное имя, дарить наслаждение и согревать мужчину в холодные ночи. Мать Алекса, само воплощение покорности, обожала мужа и с радостью исполняла любые просьбы или приказы. Алекс никак не мог взять в толк, почему, имея перед глазами такой пример, его сестра выросла столь упрямой и своевольной. Впрочем, вину за это он возлагал на Иена Гранта. Если бы с первых дней брака его зять приструнил ее и хотя бы пару раз как следует отхлестал жену, Анабелла не вела бы себя столь дерзко.

Алекс не собирался повторять его ошибки. Пусть он сам никогда и не поднимал руку на женщину, но жене сразу же намеревался указать ее место и дать понять, что хозяин в Дан-Броке только один и что в семейной жизни пальма первенства всегда будет принадлежать ему. Он не допустит, чтобы им руководила женщина.

Алекс не сводил с миниатюры взгляда своих янтарных глаз. Черт возьми, да она красавица! На последнем портрете золотисто-каштановые волосы девушки красивыми завитками ниспадали на нежные плечи и многообещающе округлую грудь. Алекс улыбнулся. Красота Велвет оказалась дополнительным бонусом. Он сегодня же напишет письмо Адаму де Мариско и завтра утром отправит с посыльным, а через несколько дней и сам будет готов к путешествию – какой смысл откладывать. В начале мая его невесте исполнится пятнадцать лет. Вообще-то их родители сошлись на том, что свадьба должна состояться летом, после того как Велвет стукнет шестнадцать, но в сложившихся обстоятельствах дату можно изменить. Безвременная кончина отца заставляла Алекса жениться как можно скорее из-за необходимости обзавестись наследником. Пришло время потребовать то, что было обещано ему солнечным летом 1578 года. Алекс самодовольно улыбнулся при мысли, что вскоре его дом украсит своим присутствием прекрасная девушка.

Вокруг башен Дан-Брока кружились последние снежинки, подхваченные порывами резкого ветра, молчаливо празднуя предстоящее торжество.

Тем временем будущую невесту совершенно не радовала уготованная ей судьба. Честно говоря, она совершенно не помнила своего нареченного, ведь была совсем малышкой, когда состоялась их помолвка и последующее празднование этого события. Не сводя исполненного гнева взгляда со своего ошеломленного дяди Конна, младшего брата матери, она громко проклинала крушение своей спокойной и размеренной жизни, вызванное приездом гонца из Дан-Брока.

– Нареченный супруг? Что за нареченный супруг? Я ничего не понимаю, дядя! У меня нет нареченного супруга! – Велвет де Мариско гневно взглянула на лорда Блисса, словно он лично был виноват в охватившем ее смятении.

Эйден Сен-Мишель успокаивающе погладила скрытую под рукавом бархатного камзола руку мужа и тихо предложила:

– Позволь мне, Конн.

Лорд Блисс вздохнул с облегчением, ибо спорить с охваченной гневом Велвет было выше его сил.

– Велвет, дорогая, – мягко начала леди Блисс, – возможно, ты не помнишь данного события, но я хочу попросить тебя напрячь память. Подумай-ка хорошенько. Когда тебе едва исполнилось пять лет, состоялась твоя помолвка с наследником графа Брок-Керна. Он давний друг твоего отца, вот они и решили, что будет просто замечательно, если их семьи породнятся. В то лето твои бабушка и дедушка как раз вернулись из Франции и привезли с собой почти всех твоих родственников. Во время празднования у Уиллоу начались преждевременные роды, и здесь, в Куинс-Молверне, на свет появился твой племянник Генри. Спустя несколько дней малыша крестили. В роли крестного выступил граф Брок-Керн, а тебе позволили нести елей. Неужели не помнишь? Говорят, праздник удался на славу!

– Вы с дядей Конном тогда что, не были женаты, – спросила Велвет, – раз на празднике не присутствовали?

По лицу Эйден пробежала тень, но тотчас же сменилась улыбкой.

– Женаты мы с Конном уже были, но, к сожалению, не смогли попасть на твою помолвку. Обо всем нам рассказала твоя мама. Неужели ты совсем ничего не помнишь?

Сдвинув брови, Велвет задумалась.

– Я помню, как родился Генри. Помню чашу с елеем и бабушку с дедушкой. Но, тетя Эйден, никакой помолвки я не помню! Наверняка это неправда! Мама всегда говорит, что я не выйду замуж без любви!

– Не сомневаюсь, что молодой граф искренне тебя полюбит, дорогая, – вступил в разговор дядя Конн, а его жена закусила губу, чтобы сдержать смех.

– А что, если я не смогу его полюбить! – воскликнула девушка. – Ну почему здесь нет мамы и папы! Они уехали почти два года назад и непременно вскорости вернутся, а до тех пор я замуж не выйду! Впрочем, в любом случае я не стану женой человека, к которому не питаю никаких чувств!

Резко развернувшись, Велвет выбежала из комнаты.

– О господи, – вздохнула Эйден Сен-Мишель. – Не стоило Скай и Адаму оставлять нас так надолго. Что делать, Конн? Если уж твоя племянница вбила что-то себе в голову, переубедить ее никому не удастся, ты прекрасно это знаешь. И что толкнуло ее родителей отправиться в столь длительное путешествие, не дождавшись, когда она обзаведется собственным домом и семьей?

– Это путешествие совсем не входило в их планы, любовь моя. В Индию они отправились по личной просьбе ее величества, чтобы обеспечить Англии возможность открыто тор-

говать с Великим Моголом. Позиции португальцев в Индии прочны, как никогда, а богатства этой страны поистине неисчерпаемы. Почему ими должны пользоваться лишь португалыцы и испанцы? Они и так богаты!

– А почему бы не послать представителей какой-нибудь торговой компании? Отчего выбор пал на флот О’Малли?

Эйден живо интересовалась такими делами, поскольку происходила из семьи лондонских торговцев.

– Подозреваю, на то было несколько причин. Небольшая, но в то же время процветающая судоходная компания О’Малли и Смолл никак не связана с именем ее величества и посему не вызовет подозрений у португальцев. К тому же тот факт, что Скай придерживается старинной веры, может дать ей преимущество. Ведь среди обитателей португальских колоний в Индии сильно влияние иезуитов. Им даже удалось стать своими при дворе Великого Могола.

– Но я все равно не понимаю, почему в Индию отправили именно Скай и Адама, – ведь на протяжении последних лет с этой миссией прекрасно справлялся Робби Смолл.

Конн одарил свою очаровательную жену полной любви улыбкой.

– Робби стареет, к тому же моя сестра не выходила в море с тех самых пор, как возвратилась в Англию, хотя до того всегда жила у моря. Вернуться из Франции ей позволили с условием, что она поселится в самом сердце Англии. Наша королева весьма коварна и больше ни за что не допустит, чтобы моя сестра снова стала для нее угрозой. И все же, когда назрела необходимость путешествия в Индию, ее величество настояла, чтобы предприняла его именно Скай. Должно быть, Бесс попросту не может без нее обойтись.

– А мне кажется, королева нарочно поставила во главе экспедиции такую красавицу, да еще благородного происхождения: наверняка решила, что португалыцы попросту не воспримут ее всерьез, – заметила Эйден.

– Черт возьми, а ведь ты права! – воскликнул Конн. – Вот уж воистину наша королева и Уильям Сесил хитроумная парочка. Наверняка Скай догадалась об их замыслах, но не стала возражать, ведь ей предстояло снова ощутить под ногами палубу и вдохнуть полной грудью соленый морской воздух. К тому же моя сестра всегда обожала приключения. Одно слово, О’Малли.

– Что бы там ни было, отсутствие Скай оставляет нас один на один с проблемой, возникшей благодаря ее капризной и весьма своенравной дочери, – обреченно проговорила леди Блисс. – Так что же нам делать, Конн?

– Сходи за Велвет, дорогая, а я пока все обдумаю, – предложил ей супруг, наполняя кубок отменным бургундским из погребов замка Аршамбо и опускаясь в большое удобное кресло перед камином.

Лорд Блисс провел своей большой ладонью по волосам и тяжело вздохнул. Два года назад, когда его сестра Скай и ее муж Адам де Мариско попросили его присмотреть за их единственной любимой дочерью, задача не показалась Конну такой уж сложной. Он знал, что избалованная и ужасно упрямая Велвет будет в безопасности в поместье родителей. Большую часть своей жизни она провела здесь, в Куинс-Молверне, если не считать нескольких визитов во Францию, где проводила лето в замке отца Бель-Флер. Конну не было нужды перевозить племянницу в свой дом, поскольку его земли граничили с Куинс-Молверном. За девочкой присматривали леди Сесили, сестра Роберта Смолла, няня и множество слуг, окружавшие ее с самого детства. Все было спокойно до тех пор, пока не доставили это проклятое письмо!

Конн, допив остатки вина, рассеянно вертел в пальцах украшенный драгоценными камнями золотой кубок в попытке решить, что же делать дальше. Конн, урожденный О’Малли, крупный широколицый мужчина с черными точно вороново крыло волосами и зелено-серыми глазами, приехал в Англию вместе с сестрой почти пятнадцать лет назад. Самый младший представитель семейства, он оказался достаточно умен, чтобы понять: в Ирландии

ему рассчитывать не на что. Не имея за душой ничего, кроме привлекательной внешности, обаяния и острого ума, он прибыл ко двору Елизаветы Тюдор. Как бы то ни было, но этих его качеств хватило, чтобы снискать расположение королевы, поскольку ее величество всегда питала слабость к привлекательным и остроумным мужчинам. Конн был сразу же определен в личную охрану королевы и начал свое восхождение по социальной лестнице. Ту небольшую сумму денег, что получил от каперских набегов своих старших братьев, он вложил в процветающую торговую компанию своей умной и дальновидной сестры Скай и довольно скоро разбогател.

Деньги и должность в личной лейб-гвардии королевы заставили английскую знать забыть о его ирландском происхождении. Королева настолько благоволила Конну, что даже позволяла называть ее флиртующим именем Бесс. Будучи обворожительным и плутоватым, он никогда не переступал границ дозволенного. Жертвами чар Конна становились не только юные красавицы, но и умудренные опытом матроны. Подобно большому шмелю он предпочитал перелетать с цветка на цветок и собирать сладкий нектар, не желая при этом делать окончательный выбор.

Излишняя самоуверенность навредила немалому количеству мужчин. Вот и Конн О'Малли внезапно оказался в центре весьма неловкого скандала, в который была втянута благородная леди, две ее дочери-близняшки и жена посла. Осаждаемая оскорбленными мужьями, которые требовали наказать Конна по всей строгости, королева вынуждена была лишить его своей благосклонности, но, чтобы не казаться слишком суровой, одарила любимчика последней милостью: женила на своей подопечной Эйден Сен-Мишель.

Оказавшись при дворе после смерти отца, Эйден исполняла обязанности фрейлины ее величества. Желая подыскать жену для своего любимца, Елизавета Тюдор вспомнила, что принадлежащие Эйден земли граничат с имением Куинс-Молверн, куда была сослана сестра Конна Скай вместе с мужем.

Членов семьи Сен-Мишель никак нельзя было назвать представителями голубой крови, да и на рынке невест их девушки ценились не слишком высоко. Прадедущка Эйден, состоятельный лондонский торговец, оказал в свое время большую услугу Генриху VII и был удостоен за это титула и земель. Спустя три поколения Эйден осталась единственной представительницей своего рода, именно поэтому находившийся на смертном одре лорд Блисс упрямил королеву дать будущему жениху его дочери их титул и имя. Королева согласилась, поскольку подобное было не редкостью, а уж для Конна О'Малли такое решение отца Эйден и вовсе оказалось весьма выгодным. В конце концов, О'Малли вокруг слишком уж много, а посему никто даже не заметит, что стало одним меньше. Зато у Конна появится титул.

Эйден Сен-Мишель нельзя было назвать писаной красавицей. Она была выше своих подруг и обладала довольно широкой костью, но, словно для того, чтобы компенсировать эти недостатки, природа наградила ее нежной молочной кожей, медно-рыжими волосами и красивыми серыми глазами. К тому же Эйден получила прекрасное образование и в этом могла поспорить с собственным супругом. Веселая и открытая, она всем сердцем полюбила Конна О'Малли. Первые годы брака дались им непросто, и все же они вели именно такой образ жизни, о котором всегда мечтал Конн: ни в чем не нуждались и обзавелись замечательными детьми.

Иногда Конна посещала мысль, что их жизнь стала слишком уж комфортной и размеренной. И вот в один из таких моментов он дал согласие присмотреть за племянницей, искренне полагая, что забота о капризной девочке несколько не нарушит мирного течения их с Эйден жизни, но немного разнообразит. Ну до чего же он был наивен! Как-никак Велвет дочь Скай, а та всегда слыла возмутительницей спокойствия.

Конн поудобнее устроился в кресле. Письмо, адресованное лорду де Мариско, прибыло лишь вчера. Леди Сесили принесла его собственноручно, поскольку, узнав печать Брок-Кернов, сочла, что в нем содержится какая-то важная информация. Эта пожилая дама прекрасно помнила помолвку Велвет десять лет назад и беспокойство Скай по этому поводу. Скай нико-

гда не забывала о собственной помолвке, завершившейся похожим на кошмар браком, и совершенно не желала, чтобы дочь повторила ее печальную судьбу, но Адаму так хотелось породниться с другом, что сдалась. К тому же муж пообещал расторгнуть помолвку, если молодые люди друг другу не понравятся. Чтобы окончательно успокоить жену, он сказал, что Велвет его единственная и горячо любимая дочь. Скай любила мужа, верила ему и знала, что он никогда не причинит вреда их ребенку.

Конн не сразу решился вскрыть не ему адресованное письмо, но Адам наверняка вернется еще не скоро, а содержащаяся в письме информация могла оказаться очень важной. Конн не сомневался, что Адам поймет его правильно, и, сломав печать, быстро пробежал глазами по строчкам. Известие о тяжелой болезни и кончине графа, его жены и младшего сына, ужаснуло настоятельное желание двадцативосьмилетнего Александра как можно скорее жениться на Велвет привело в замешательство. Поскольку он остался последним представителем мужского пола рода из Брок-Керна, ему нужен был наследник. Тон письма показался Конну резким и даже грубоватым.

Ошеломленный таким поворотом событий, Конн тем не менее понял состояние молодого графа, но все же не чувствовал себя вправе принуждать племянницу к браку с фактическим незнакомцем. Мысль, что он не отец Велвет, принесла ему некоторое облегчение. Он знал отношение сестры к данному вопросу, как и то, что Адам не станет принуждать к нежеланному браку свою единственную дочь лишь потому, что когда-то дал обещание собственному другу. Слово Конна в данном случае не имело особого значения, но все же какое-то решение принять следовало.

Молодой граф пообещал приехать в Англию в ближайшие недели. За это время Адам и Скай не успеют вернуться. Жених имел полное право настоять на немедленном бракосочетании, поскольку был официально помолвлен с Велвет. Друзья учли все, кроме одного обстоятельства: юная леди Велвет де Мариско совершенно не желала выходить замуж.

– Дядя Конн? – Девушка беззвучно проскользнула в дверь и уселась на колени к нему, как повелось с самого детства, хотя теперь – при росте пять футов девять дюймов – ее никак не назовешь уже малышкой.

– А, Велвет, детка. Только не пытайся меня умаслить, крошка: пойми, я и сам в затруднительном положении.

– Но я не желаю выходить замуж, дядя Конн! Я хочу остаться в Куинс-Молверне с мамой и папой. – Голос Велвет звучал по-детски трогательно и наивно.

– Все девушки рано или поздно выходят замуж, дорогая. Через неделю тебе исполнится пятнадцать лет, и твоя мама в этом возрасте уже вышла замуж, так что в этом нет ничего страшного.

– Мама ненавидела своего первого мужа! – взорвалась Велвет. – Говорила, что он был отвратительным животным. Вот почему я никогда не выйду замуж за нелюбимого человека, тем более в отсутствие родителей.

Конн развернул племянницу к себе лицом, так чтобы видеть ее глаза. Святые мощи господни! Изумлению его не было предела. Велвет рассуждала как ребенок, хотя выглядела взрослой барышней. И когда она успела превратиться в такую красавицу? Велвет всегда была миленькой, но теперь черты ее прекрасного лица поражали совершенством: изящный овал с высоким лбом и скулами, унаследованный от отца нормандский нос, широко посаженные миндалевидные глаза, напоминавшие цветом прозрачные изумруды, в обрамлении длинных пушистых ресниц.

Конн отметил про себя аккуратный подбородок племянницы и пухлые чувственные губы, также доставшиеся ей от отца, а вот кожа ее была молочно-белой, как у Скай. Ко всему прочему, природа наградила девушку роскошными волосами. Темные в детстве, со временем они приобрели богатый золотисто-каштановый оттенок. Точно такие же волосы были у ее матери и

бабушки-француженки. Длинные шелковистые локоны Велвет неизменно вызывали зависть ее многочисленных кузин. Впрочем, Конн пришел к выводу, что, несмотря на наличие множества фамильных черт, племянница не походила на своих родителей.

– Уверен, у твоих родителей и в мыслях не было выдавать тебя замуж против твоей воли. Насколько я помню, в брачном соглашении говорится, что свадьба состоится по достижении тобой шестнадцатилетия. Но графу, потерявшему отца, мать и брата, необходимо жениться как можно быстрее, чтобы обзавестись наследником, – пояснил Конн.

– Жениться? Обзавестись наследником? Дядя, но я ведь даже еще не была представлена королеве, а мама, я знаю, хотела, чтобы я провела некоторое время при дворе, прежде чем выйду замуж. За всю свою жизнь я нигде не была и ничего не видела! Все мое детство прошло здесь, в Куинс-Молверне, Бель-Флере или в замке Аршамбо, принадлежащем бабушке и дедушке. Моя светская жизнь состояла лишь из семейных торжеств. Я никогда не бывала в Лондоне и не видела Парижа, так что не согласна ни на какое замужество! Дикий шотландец увезет меня в свою холодную сырую страну, чтобы запереть в ужасном промозглом замке, и принудит рожать ему детей! Никуда я не поеду! Не бывать этому! Вы не можете позволить ему забрать меня! Мы должны дождаться возвращения родителей. Уверена, они вернутся совсем скоро! – В сорвавшемся голосе Велвет послышались нотки отчаяния.

Конн прекрасно понимал ее чувства. Родители всегда тщательно оберегали свою горячо любимую дочь, само ее появление на свет казалось им настоящим чудом, и до своего отъезда ни Скай, ни Адам ни на минуту не выпускали ее из поля зрения.

– Мы все объясним графу, когда он прибудет в Куинс-Молверн. Уверен, он нас поймет и проявит благоразумие, – пообещал лорд Блисс в надежде, что окажется прав.

Велвет поцеловала дядю в гладко выбритую щеку и соскользнула с его колен. Несмотря на кажущуюся покорность, она не собиралась сидеть сложа руки, отдавшись на волю судьбе. Ясно же, что граф непременно настоит на немедленной свадьбе, если она позволит принимать решение ему. Велвет, замечала, как поглядывают на нее мужчины, и неожиданно появившийся в ее жизни жених наверняка ничем не лучше. Ну нет, ее не проведешь! Она ведь знает, что мужчины считают женщин своей собственностью.

– Я не выйду замуж, – упрямо пробормотала она себе под нос. – Во всяком случае, до тех пор, пока не полюблю!

Велвет озорно улыбнулась, и дядюшка Конн явно испытал облегчение, наивно решив, будто все уладил. Славной старой леди Сесили, считавшей Велвет ангелом во плоти, и в голову бы не пришло, что ее любимица может превратиться в настоящего дьяволенка. Девушка была уверена, что в ближайшие несколько дней никто ее не потревожит, так что у нее достаточно времени, чтобы привести в исполнение план, который вынашивала с того самого момента, как узнала о предстоящем визите графа Брок-Керна.

Велвет всегда была очень близка со своей сестрой Дейдрой, несмотря на то что та старше на целых шесть лет. Дейдра и ее муж лорд Блэкторн жили всего в нескольких милях от ее дома, в Блэкторн-Прайори. В начале мая супруги должны были принимать у себя королеву, начинавшую свое ежегодное летнее путешествие по стране. Велвет не помнила, чтобы когда-то видела королеву, хотя Елизавета Тюдор была одной из ее крестных, в то время как второй была королева Франции Марго.

На протяжении нескольких месяцев Дейдра обещала, что позволит сестре взглянуть одним глазком на королеву, когда та будет гостить в Блэкторн-Прайори. Так что Велвет намерилась познакомиться с королевой и стать одной из ее фрейлин. Граф Брок-Керн наверняка не пойдет против воли ее величества и не осмелится забрать ее фрейлину без монаршего благословения. К тому же Велвет знала отношение королевы к мужчинам, похищающим ее служанок. Девушка тихонько засмеялась, довольная собственной сообразительностью. Рядом с

королевой она будет в безопасности, а тем временем вернуться ее родители, и вопрос с помолвкой будет решен.

– Я собираюсь проехать в Блэкторн-Прайори и взглянуть на ее величество, – объявила Велвет леди Сесили утром первого мая, когда та вернулась из сада, где собирала цветы, все еще блестящие от росы. – Возможно, еще помогу сестре, у которой наверняка дел невпроворот.

– Какая же ты замечательная, детка моя! – всплеснула руками пожилая леди. – Но разве ты забыла, что сегодня день твоего рождения? Ты действительно хочешь посвятить его приготовлениям к встрече королевы?

– Дейдра опять беременна, леди Сесили. В последнее время она очень устает, и я уверена, что моя помощь будет весьма кстати. Кроме того, мне действительно очень хочется увидеть королеву. Я никогда с ней не встречалась, а ведь мне уже пятнадцать лет!

– Что ж, тогда поезжай, дитя мое, посмотри на Бесс Тюдор, – улыбнулась пожилая леди. – Поскольку твои родители все еще в отъезде, веселого праздника по случаю дня рождения все равно не получится.

Велвет едва не завизжала от радости, оседлав коня, чтобы преодолеть несколько миль до Блэкторн-Прайори. До поместья сестры она добралась без происшествий и, соскочив с коня, беззаботно бросила поводья услужливо подбежавшему груму.

В доме царил настоящий хаос, и в центре всего этого стояла с несчастным изнуренным видом Дейдра Блейкли, леди Блэкторн. Ее щеки лихорадочно пылали, волосы выбились из прически и торчали во все стороны.

При виде младшей сестры в голубых глазах хозяйки дома вспыхнула радость, и сердце Велвет на мгновение сжалось: Дейдра так напоминала мать.

– Велвет, малышка, слава богу, ты приехала! Я просто не знаю, за что братья, а королева должна прибыть уже к двум часам! – в отчаянии воскликнула Дейдра.

Велвет порывисто обняла сестру.

– Я приехала на помощь, сестренка. Только скажи, что нужно делать.

Стройная Дейдра с заметно выдающимся животом тяжело опустилась в кресло.

– Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать. Я никогда раньше не принимала у себя королеву. Даже не представляю, откуда она узнала про Блэкторн-Прайори, но ее секретарь прислал письмо, в котором говорилось, что ее величество услышала про наши прекрасные сады и желает на них взглянуть. От кого она услышала про сады? Из нашей семьи никто, кроме Робина, не появляется при дворе, да и он отошел от этого после смерти Элисон. Хотя сомневаюсь, что Робин упоминал при королеве о наших садах – наш брат такими вещами не интересуется.

– Не стоит так суетиться, Дейдра. Своим визитом королева оказывает вам с Джоном честь. Ведь она далеко не часто выезжает в Вустершир.

– Лучше бы она вообще не забиралась в такую даль! – с раздражением воскликнула Дейдра. – Ты хотя бы представляешь, сколько стоит развлечь королеву? Хотя нет, откуда тебе это знать? Ты же еще совсем ребенок!

– Жаль, что этого не понимает мой нареченный жених из Шотландии, – пробормотала Велвет, но старшая сестра ее не услышала, поглощенная собственными проблемами.

– Визит королевы и ее свиты стоил нам целого состояния. Конечно же, Джон написал инспектору ее величества сэру Джеймсу Крофту, что мы не сможем принять у себя весь двор: наше поместье попросту слишком мало, чтобы разместить всех этих людей. И знаешь, что он ответил? Что ее величество возьмет с собой в дом лишь пятьдесят человек, а остальная ее свита разместится в шатрах на лужайках перед домом! Ты представляешь, во что превратятся наши лужайки после того, как по ним пройдут пять сотен человек со своими конями и набитыми поклажей каретами? Нам потребуется лет пять, чтобы вернуть им былую красоту! – Она

энергично затрясла головой. – Нет, я совсем не хочу показаться негостеприимной, Велвет, но что мы получим взамен, кроме долгов и возможности всем рассказывать, что ее величество ночевала в розовой спальне, которую мы, естественно, просто обязаны будем переименовать в спальню королевы? При этом она даже не будет спать в нашей постели, поскольку всегда путешествует со своей собственной и не соглашается ни на какую другую.

Велвет слушала сестру со все возрастающим изумлением, потому что никогда не видела ее такой. Дейдра всегда считалась самой спокойной и беззаботной из дочерей и никогда не беспокоилась по пустякам, как Уиллоу или она сама.

– Все это выше моих сил, – продолжала причитать Дейдра. – Наверняка у нас не хватит ни еды, ни напитков, чтобы прокормить такую орду. Мы непременно опозоримся, можно не сомневаться.

С каждой минутой сестра нервничала все сильнее, и Велвет попросила, чтобы успокоить ее:

– Расскажи лучше, что ты уже успела сделать.

– Весь дом перевернули вверх дном, – начала Дейдра. – Розовую спальню полностью перделали. Лишь Небесам ведомо, где я размещу остальных гостей! Слава Всевышнему, они останутся всего на одну ночь. Святые мощи господни! Мне остается лишь надеяться, что у нас хватит еды для всей этой оравы!

– Что у вас есть?

Дейдра сдвинула брови, припоминая.

– Шесть дюжин бочонков с устрицами, засыпанных льдом, двадцать четыре молочных поросенка, три кабана, речная форель, двенадцать бараньих ног, дюжина говяжьих туш, по полдюжны косуль и оленей, две дюжины окороков, пять сотен пирожков с начинкой из жаворонков, каплуны в имбирном соусе, по меньше мере три дюжины гусей, фаршированные утки, пироги с голубиным мясом и крольчатиной – и тех, и других по сотне штук. Для нас готовят в каждом доме по соседству. – Дейдра на мгновение замолчала, чтобы перевести дыхание. – Кроме того, мы приготовили блюда с молодым латуком, кресс-салатом, редисом и зеленым луком. Мы так же поставим на столы артишоки в белом вине и глазированной медом морковь. А хлеба у нас столько, что можно накормить целую армию! На десерт подадут фигурное желе, марципан всевозможных расцветок, пирожные с яблоками, персиками, абрикосами и сливами, сладкий заварной крем и первую в этом сезоне клубнику со взбитыми сливками! – торжествуя закончила Дейдра, потом, помолчав, с беспокойством спросила: – Как думаешь, этого хватит?

– Выглядит не слишком изысканно, но, думаю, сойдет, – поддразнила сестру Велвет. – А про вино ты не забыла?

– Нет, конечно. У нас в погребах хранится по две сотни бочонков белого и красного вина из Аршамбо – да благословит Господь твоих деда и бабу! – и сотня бочек девонского сидра, что прислал из Линмута Робин. Ну и, конечно, наш собственный октябрьский эль.

– Ну и ну, – протянула Велвет, – если твои гости не лопнут от обжорства, то уж наверняка потонут в вине!

– О, как бы я хотела, чтобы мама была здесь, а не в Индии! – заломила руки Дейдра.

– Она тебе не нужна, сестренка. Ведь ты подготовилась к встрече королевы точно так же, как это сделала бы она.

– О, Велвет, что бы я без тебя делала, малышка! Ты же останешься на ночь, верно?

Сердце девушки на мгновение замерло в груди.

– Но где же ты меня разместишь? Мне ужасно хочется увидеть королеву. Давай я просто взгляну на нее из-за спин слуг, а потом вернусь домой.

– Нет, ты должна остаться со мной, без тебя я не справлюсь. Особенно в моем нынешнем положении. А переночевать ты можешь в моей гардеробной.

– Кого это ты собираешься уложить спать в гардеробной? – прогремел голос Джона Блейкли, появившегося на пороге залитой утренним солнцем гостиной, где расположились сестры.

– Велвет, – ответила Дейдра. – Я хочу, чтобы она погостила у нас во время визита королевы, Джон.

– Да ради бога, дорогая, – ответствовал лорд Блэкторн, наклоняясь, чтобы поцеловать супругу в лоб. – Насколько я помню, ее величество крестная твоей сестры, так что им не помешает наконец познакомиться. – Джон подошел к столу и наполнил кубок вином из хрустального графина. – К тому же полезно иметь своего человека при дворе.

– Благодарю вас, милорд, и надеюсь, что вы правы, – с притворной застенчивостью произнесла Велвет, приседая перед зятем в реверансе.

Лорд Блэкторн широко улыбнулся в ответ и, глядя на девушку поверх головы жены, заговорщически подмигнул. Святые мощи господни! Сердце Велвет едва не ушло в пятки. Неужели он что-то заподозрил? Но нет, он не может знать о ее планах. Ну конечно, не может!

– Когда вы ожидаете приезда графа в Куинс-Молверн?

Вопрос зятя заставил ее беспокоиться еще сильнее.

– В письме говорится, что это дело нескольких недель, милорд. Точной даты он не назвал, что довольно беспечно с его стороны.

– Что ж, надеюсь, в ближайшие два дня этого не случится, так что ты сможешь погостить у нас в Блэкторн-Прайори. Да и Дейдре твое присутствие совсем не помешает. – Джон переключил внимание на жену. – Идем, дорогая, я хочу, чтобы ты немного отдохнула перед встречей наших монарших гостей. Я лично проверил, как идут приготовления, и ты, как всегда, оказалась на высоте. Ты прекрасная жена, Дейдра.

– Вот видишь! – Лицо Велвет осветила торжествующая улыбка. – Не об этом ли я тебе говорила, глупая гусыня?

Дейдра покраснела от удовольствия, а потом обратилась к сестре:

– Нужно послать грума в Куинс-Молверн за подходящим нарядом для тебя, Велвет. – Она тяжело поднялась с кресла: седьмой месяц беременности давал о себе знать. – Да, пожалуй, мне действительно лучше прилечь.

Лорд Блэкторн проводил жену в ее покои, а Велвет написала записку леди Сесили и, отправив ее в Куинс-Молверн с одним из конюхов, опустилась в кресло, чтобы в полной мере насладиться собственным торжеством. Девушка совершенно не испытывала угрызений совести из-за того, что решила использовать в своих целях ничего не подозревающую сестру. Кто-то должен взять ситуацию в свои руки, а дядя Конн, судя по всему, совершенно на это не способен. Велвет не покидало ощущение, что она, несмотря на все свои логически обоснованные протесты, все же может оказаться замужем за самоуверенным графом Брок-Керном еще до приезда родителей. А когда те все же возвратятся домой, будет уже поздно. Велвет остро нуждалась в могущественном покровителе. А кто может быть могущественнее королевы Англии? Девушка самодовольно улыбнулась собственным мыслям.

– А, я сразу понял, что ты что-то задумала, – произнес лорд Блэкторн, вновь появляясь на пороге гостиной.

– Это все ваше воображение, милорд, – поспешно возразила Велвет.

– Нет, дорогая, ничего я не вообразил. Надеюсь, ты не собираешься впутывать королеву в историю со своим замужеством. Елизавета Тюдор всегда считала, что нужно беспрекословно подчиняться родителям и непременно исполнять заключенные соглашения. – Лорд Блэкторн внимательно посмотрел на свояченицу, но лицо девушки оставалось совершенно бесстрастным.

– Джон, должно быть, вы считаете меня невероятно испорченной и невоспитанной, коль предполагаете, что я могу втянуть ее величество в семейное дело, – едко заметила Велвет. – Я

не собиралась обсуждать свое замужество с королевой, а в Блэкторн-Прайори приехала, чтобы помочь Дейдре чем смогу. И позвольте напомнить вам, что сестра еще несколько месяцев назад обещала, что я смогу приехать и взглянуть на королеву, если та решит остановиться в вашем поместье. Если же вы полагаете, что я появилась здесь, чтобы оказаться в центре скандала, то, пожалуй, сообщу Дейдре, что у меня разболелась голова, и отправлюсь домой.

Лорд Блэкторн не мог отделаться от ощущения, что его юная свояченица вынашивает в голове какой-то план. Но Велвет никогда не была лгуньей, и если сказала, что не станет обсуждать с королевой своей замужество, то ему оставалось лишь поверить ей на слово.

– Нет, дитя мое, останься. Я просто не хочу оказаться втянутым в семейные скандалы, как не хочу и поссориться с твоими родителями. Ведь тебе известно, что когда-то они считали меня неподходящей парой для Дейдры.

От этих слов Велвет ощутила некоторое чувство вины. Ее семья переехала в Куинс-Молверн, когда ей едва исполнилось два года. Дейдре было восемь, а Джону Блейкли – двадцать восемь. Тогда его первая жена, жизнь с которой напоминала сущий ад, была все еще жива. Мария Блейкли лишилась рассудка после того, как спустя десять месяцев после свадьбы их единственный ребенок появился на свет мертвым. Целых восемь лет потом она просидела в собственной спальне: постоянно что-то бормотала, непрерывно плакала, – и никаких признаков выздоровления.

Поначалу лорд Блэкторн привязался к Дейдре потому, что его мертворожденная дочь была бы ее ровесницей. Жизнь самой девушки была не слишком сладкой, но когда все наладилось, она, почти не зная отца, внезапно обнаружила, что обзавелась сразу двумя. Адам де Мариско относился к падчерице с теплом и любовью, хотя и не мог скрыть, что свет в окошке для него Велвет, единственный ребенок. Не окажись рядом Джона Блейкли, жизнь Дейдры была бы куда безрадостнее. Они оба так и не поняли, в какой момент его любовь переросла из отеческой в страстную, а ее – из детской в серьезную и чувственную.

Мария Блейкли утопилась в местном озере, когда Дейдре исполнилось тринадцать лет. Спустя год и день после этого события лорд Блэкторн сделал девушке предложение, и та с радостью его приняла.

Только вот родителям Дейдры перспектива подобного брака пришлась совсем не по душе, и они отказались благословить влюбленных, поскольку считали Джона Блейкли слишком старым для Дейдры, но сгоравший от любви лорд Блэкторн в отчаянии молил их передумать. Дейдра сохла от тоски и с рыданиями отвергала предложения руки и сердца всех завидных женихов, которые к ней сватались. В конце концов настойчивость влюбленных победила, и они сочетались браком спустя четыре месяца после шестнадцатого дня рождения невесты. Еще некоторое время Скай и Адам де Мариско переживали, что их дочь несчастлива в браке, и лишь незадолго до своего отъезда наконец убедились, что Джон Блейкли – самый что ни на есть подходящий муж для их нежной и тихой Дейдры.

– Клянусь вам, Джон, что не доставлю никаких хлопот, – пообещала Велвет.

– Тогда ступай к сестре, дитя мое. Она слишком взволнована, чтобы заснуть, но прилечь все же согласилась.

Стараясь держать себя в руках, Велвет спокойно вышла из комнаты и поспешила в покои сестры. К ее облегчению, Дейдра все же задремала, и Велвет расположилась в гардеробной. Мама и папа наверняка не рассердятся на нее за отказ спешно выйти замуж за шотландского графа. В конце концов, она не говорила, что не намерена выполнять условия соглашения, а всего лишь хотела получше узнать своего суженого и дождаться возвращения родителей из путешествия, прежде чем принять окончательное решение. Не так уж много она просит, вопреки мнению дяди и зятя.

Велвет прикрыла глаза и задремала, а разбудила ее служанка, которая принесла ей одежду.

– Что, уже пора?

– Да, госпожа. Лодема приготовила ванну для вас и миледи.

Велвет поднялась, и служанка помогла ей раздеться. Дейдра уже плескалась в дубовой лохани возле камина со счастливой улыбкой на лице, пока вокруг нее суетилась Лодема, ее бесконечно преданная служанка, сварливо приговаривая:

– Надумали купаться в вашем-то положении. Не слишком это полезно, миледи, вот что я вам скажу.

– Глупости! – Отдых вернул Дейдре уверенность и хорошее настроение, и она крикнула младшей сестре: – Поспеши, Велвет, иначе вода остынет!

Велвет робко вышла из гардеробной, смущаясь собственной наготы, быстро забралась в лохань и зажмурилась от удовольствия.

– Левкой! О, Дейдра, ты не забыла!

– Гиацинты для меня и левкой для тебя. Конечно же, я не забыла. На мой двенадцатый день рождения мама подарила мне собственный аромат. Узнав об этом, ты плакала до тех пор, пока она не выбрала аромат и для тебя, хотя ты и была еще слишком мала, чтобы пользоваться духами.

Велвет захихикала.

– Я помню. Просто мне хотелось во всем походить на старшую сестру, а значит, и у меня должен быть собственный аромат.

– Глупости! – решительно возразила Дейдра. – Все дело в том, что ты была слишком избалованной, сестренка, и с тех пор ничего не изменилось! Но не сойти мне с этого места, если природа не наделила тебя изрядной долей очарования. Мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то умел так убеждать, как ты.

– Вы собираетесь принимать королеву в одной сорочке, миледи? Ведь если вы сейчас же не вылезете из ванны, одеться во что-то другое у вас попросту не останется времени! – проворчала Лодема и, когда Велвет снова захихикала, бросила на нее уничижительный взгляд. – А что до вас, госпожа, то мойтесь-ка поживее, иначе тоже отправитесь вслед за сестрой в одной сорочке! Пошевеливайтесь! Обе!

Сестры закончили купаться и вылезли из своих ванн, чтобы горничные могли их насухо вытереть и напудрить. Велвет быстро натянула шелковое нижнее белье, не желая стоять обнаженной перед незнакомыми служанками. Бросив взгляд на выпирающий живот Дейдры, она подумала, что даже в таком виде ее сестра оставалась самой красивой женщиной на свете и почти точной копией их матери.

Принесли платья. Сестры выбрали бархат, поскольку день выдался довольно прохладным. Дейдре достался наряд глубокого рубинового оттенка с нижней юбкой из белоснежного атласа, расшитого серебром. Этот же белый атлас выглядел из прорезей пышных рукавов-буфов. Шею Дейдры украшала нить превосходного жемчуга, к которой был прикреплен крупный рубин в форме сердца. В ушах хозяйки дома покачивались серьги из грушевидных жемчужин, прикрепленных к основе, выложенной крошечными рубинами. Ее черные как смоль волосы служанка собрала в простой пучок у основания шеи и закрепила украшенными драгоценными камнями шпильками. На тонких пальцах Дейдры красовалось несколько изящных колец.

Фасон платья Велвет с элегантной юбкой-колоколом был почти таким же, как у сестры. Из-под роскошного бархата цвета сочной хвои выглядывала атласная нижняя юбка более светлого оттенка, расшитая золотыми узорами. Из прорезей в рукавах виднелась золотистая парча. Это единственное модное платье в своем гардеробе Велвет получила в подарок ко дню рождения от дяди и тети. Восхитительные золотисто-каштановые волосы девушки ниспадали на плечи блестящими тугими локонами, а шею ее украшала простая золотая цепочка с медальоном в форме сердечка, украшенным изящной резьбой.

Дейдра одолжила сестре прелестные сережки из жемчуга, поскольку у той в силу юного возраста почти не было драгоценностей. Критически окинув взглядом юную леди, Лодема приказала одной из служанок принести из вазы две распустившиеся ярко-желтые розы, связала зеленой ленточкой и, закрепив их на прическе девушки, коротко кивнула:

– Ну вот, теперь вы нас не посрамите.

Сестры поспешили вниз, где их поджидал лорд Блэкторн. Велвет ощутила себя лишней, когда старшая сестра любовно смахнула невидимую соринку с рукава темно-синего камзола своего улыбающегося мужа. Джон выглядел великолепно: красивый мужчина в самом расцвете сил, выше жены на целую голову, с ладной фигурой, хотя и не плотной. Свои темно-каштановые волосы, кое-где посеребренные сединой, он коротко подстригал. Аристократическое лицо с прямым носом и тонкими губами украшали широко расставленные светло-голубые глаза. Эти довольно суровые черты смягчала обаятельная улыбка. Сэр Джон очень любил и ценил хорошую шутку.

Род Джона Блейкли владел Блэкторн-Прайори еще со времен Вильгельма Завоевателя. Старинный монастырь с прилегающими к нему землями был пожалован благородному дворянину, отбившему его у взбунтовавшихся саксонских монахов. Звали того дворянина Сьюр Блейкли. Все Блейкли были истинными англичанами, преданными своей родине и самоотверженно ее защищавшими. Они сражались за Англию под предводительством Ричарда I и Черного Принца Эдварда, но при этом никогда не вращались при дворе и не интересовались политикой. В этом состояло их спасение.

Ни один из английских монархов не посещал отдаленный монастырь до тех пор, пока королева Елизавета не узнала – одному богу ведомо как – о прекрасных садах Блэкторн-Прайори, о которых знали лишь немногочисленные соседи. За садами, начало которым было положено около двух веков назад, тщательно и любовно ухаживали, и каждая очередная хозяйка поместья приносила что-то новое. Дейдра, как и ее покойная бабка О’Малли, обожала розы, и в розарии выращивалось множество различных сортов. Однако сады славились не только своими розами, но и другими цветами, довольно редкими в Англии: например, персидскими и турецкими тюльпанами, луковицы которых были вывезены с Востока на кораблях флотилии О’Малли. Здесь так же располагался хитроумный самшитовый лабиринт, а королева была известна своей любовью к лабиринтам. Сейчас сад пестрел всеми красками радуги, ибо здесь пышным цветом расцвели поздние тюльпаны, нарциссы, примулы и водосбор. Королева останется довольна.

Внезапно на тщательно посыпанную гравием подъездную аллею выбежал босоногий сынишка главного садовника с воплями:

– Едут! Едут!

– Прочь с дороги, глупец! Прочь с дороги! – выкрикнул суетливый мажордом, и мальчишка поспешно отскочил на зеленую лужайку, отпустив при этом какую-то непристойность в его адрес.

Младшие служанки, выстроившиеся в ряд по старшинству, тихонько захихикали, однако строгий взгляд экономки заставил их уgomониться. Весь обслуживающий персонал поместья, начиная от старших слуг и заканчивая мальчишками-прислужниками, получил строгий приказ тщательно вымыться, и теперь стоял, нарядженный в чистое платье, в ожидании прибытия королевы и ее свиты.

Некоторое время не было слышно ни звука: казалось, даже птицы примолкли, – но потом ветерок донес приглушенный звон бубенчиков и громкие голоса. Слуги заметно напряглись и вытянули шеи, чтобы как можно скорее увидеть приближающуюся процессию. Наконец, точно по волшебству, из-за поворота появилась Елизавета Тюдор, сопровождаемая многочисленной свитой, и ожидающие дружно испустили вздох восхищения.

Первый всадник гарцевал на прекрасном гнедом мерине с церемониальным мечом в руках. За ним следовала королева верхом на великолепном ослепительно-белом жеребце, сопровождаемая графом Эссексом, королевским шталмейстером. Он ехал рядом со своей госпожой на невероятной красоты черном мерине и во исполнение своих прямых обязанностей держал уздечку ее коня. Королеву окружала охрана. Следом ехал главный казначей, лорд-канцлер и другие должностные лица: сэр Фрэнсис Ноллис – любимый кузен королевы, лорд Хандстон – главный королевский камергер, сэр Джеймс Крофтс – королевский инспектор, лакеи, слуги и, конечно же, королевский двор.

Наряд королевы был верхом изящества и соответствовал последним веяниям моды. Подол черного бархатного платья, полы которого расходились в стороны, был расшит крошечными жемчужинами. Ряды жемчужин перемежались с алыми шелковыми бантами, украшенными бусинами из черного янтаря и черными бантами с россыпью гранатов. Точно так же были украшены валики на плечах королевы и сужавшийся книзу корсаж, который к тому же венчал большой бант из алого шелка со свисавшей с него жемчужиной в форме слезы. Из-под бархатного чехла выглядывала атласная юбка, отороченная кружевом. Точно такой же белый атлас виднелся в прорезях рукавов. Шею королевы обнимал гофрированный круглый воротник, с нижнего края которого свисало восемь рядов жемчужин, спускавшихся, подобно каплям дождя, на расшитый веселыми бантиками рубинового цвета лиф. Голову королевы венчал ярко-рыжий парик, на котором покоилась круглая шляпка из черного бархата. Закрепленные яркой рубиновой брошью перья развевались на ветру. Сжимавшие уздечку руки королевы были затянuty в надушенные перчатки из белой кожи, расшитые жемчугом, агатами и янтарем.

Вокруг Елизаветы Тюдор ехала на горячих гарцующих лошадях разодетая в пух и прах свита. Роскошные пестрые наряды дам и джентльменов словно бы подчеркивали изящество облачения королевы. По обе руки от ее величества ехали ярко одетые всадники – сэр Уолтер Рейли и молодой Эссекс. Рейли исполнял роль капитана королевской гвардии и личного телохранителя Елизаветы. Эссекс – королевский шталмейстер – занимал пост, когда-то принадлежавший его отчиму Роберту Дадли, графу Лестеру. Дадли был некогда близким другом королевы, но утратил ее расположение из-за своей женитьбы на ее кузине Летиции Ноллис. И все же, несмотря на это, Елизавета по-прежнему питала к нему теплые чувства.

Когда всадники остановились возле дома, лорд Блэкторн выступил вперед, чтобы помочь королеве спуститься с лошади, а потом преклонил перед ней колено, выражая свое глубочайшее почтение. Дейдра и Велвет присели в глубоком реверансе.

– Более очаровательных птишек я еще не встречал, – вполголоса обратился граф Эссекс к сэру Рейли. – Думаешь, они сестры?

Заметив, как напряглась королева, услышав слова графа, Рейли ничего не ответил, хотя и, улыбнувшись Эссексу, одобрительно провел пальцем по усам.

– Добро пожаловать в Блэкторн-Прайори, ваше величество, – произнес с поклоном Джон Блейкли. – Не знаю, чем мы заслужили такую честь, мадам, но надеюсь, что вы останетесь довольны пребыванием в нашем доме.

Он подал знак старшему конюху, и тот подвел к хозяину превосходную арабскую кобылу редкой бледно-золотистой масти. На ее спине покоилось серебряное седло, расшитое жемчугом, топазами, голубыми цирконами, рубинами и мелкими бриллиантами. Уздечка тоже была отлита из серебра.

– Примите в дар, мадам, в знак нашей преданности и огромного восхищения. Мне несказанно повезло жить во времена вашего правления, – сказал Джон Блейкли.

Королева окинула опытным взглядом кобылу и ее убранство, и на душе у нее потеплело от столь неожиданной щедрости хозяина поместья. Его велеречивость тоже доставила ей удовольствие, поскольку, она верила, слова его шли от сердца. Ведь это придворные надеялись с помощью лести заполнить какие-нибудь очередные блага, а лорду Блейкли это ни к чему.

Королева благосклонно протянула руку для поцелуя:

– Благодарим вас за такой прекрасный подарок, милорд.

Джон Блейкли коснулся губами перчатки королевы.

– Моя супруга прекрасно управляется с животными, и эту кобылу дрессировала самостоятельно. Вы увидите, насколько она хороша в галопе и прыжках. Кажется, будто сам Господь Бог создал ее для единственной цели – охоты. Именно поэтому я выбрал именно ее.

Елизавета Тюдор улыбнулась – ничто на свете не доставляло ей такого удовольствия, как охота.

– Познакомьте меня с членами вашей семьи, лорд Блэкторн! – потребовала королева. – Мне очень хочется взглянуть на леди, столь умело объезжающую лошадей.

Джон Блейкли взял Дейдру под руку и подвел к королеве.

– Познакомьтесь с моей женой Дейдрой, ваше величество.

Дейдра вновь присела в реверансе.

– Святые мощи господни! – воскликнула Елизавета Тюдор, внимательно всматриваясь в лицо леди Блэкторн. – Вы же дочь Скай О'Малли, верно?

– Да, и лорда Берка, – присела в реверансе Дейдра, – но я совсем не помню своего отца, мадам. Он умер, когда я была совсем малышкой. Позвольте представить вам мою младшую сестру Велвет де Мариско.

Девушка выступила вперед и тоже присела в элегантном реверансе, смиренно опустив глаза.

Королева изящной рукой, затянутой в перчатку, мягко взяла ее за подбородок.

– Поднимись, дорогое дитя, и позволь мне взглянуть на тебя. Какая же ты хорошенькая! Последний раз я видела тебя совсем крохой, но ты, должно быть, этого не помнишь. Сколько тебе лет, Велвет де Мариско?

– Сегодня исполнилось пятнадцать, ваше величество, – прозвучал нежный голосок.

– Сегодня? – воскликнула королева. – Сегодня день твоего рождения?

– Да, ваше величество. Я бы могла сейчас быть королевой торжества в нашей деревне, но предпочла приехать сюда, чтобы увидеть вас. – Эти слова прозвучали столь бесхитростно, что Елизавета Тюдор улыбнулась.

– В таком случае мы должны преподнести тебе подарок, дитя мое. Я все-таки твоя крестная, Велвет де Мариско. До твоего рождения я была ужасно зла на твоих родителей: ведь они не испросили моего позволения на брак, – но твоя умная мать смогла меня задобрить, упросив стать твоей крестной, хотя я до сих пор не знала точной даты твоего рождения. Скажи мне, дорогая, что тебе подарить?

Вопрос королевы так ошеломил Велвет, что глаза ее стали огромными как блюдца, что очень развеселило королеву.

Похоже, судьба сама давала в руки девушке шанс, о каком она не смела даже и мечтать. Теперь ей не придется думать, как подольститься к королеве, и все же действовать нужно умно и решительно. Велвет прижала руки к щекам и выдохнула:

– Мадам, моя дорогая королева, я и помыслить о подобном не могла.

Елизавета Тюдор улыбнулась и, добродушно потрепав девушку по щеке, незлобиво поддразнила:

– В разумных пределах, конечно. Помни, я всего лишь королева Англии.

Велвет постаралась успокоиться и с обожанием посмотрела на ее величество.

– Мадам, у меня есть почти все, что только можно пожелать: родители всегда были очень щедры, так что я ни в чем не испытываю нужды, – но я всегда мечтала служить вам в качестве одной из фрейлин. Сможете ли вы исполнить мою мечту, мадам? Если вы действительно хотите сделать мне подарок, подарите счастье служить вам.

Лорд Блэкторн успел сжать руку жены, чтобы предостеречь от необдуманных слов. Хитрость свяченицы не могла не восхищать: она и данного ему обещания не нарушила, но и все равно добилась своего.

– Милое дитя! – воскликнула королева и так широко улыбнулась, что все ее лицо порезали мелкие морщинки.

По традиции королеве прислуживали восемнадцать фрейлин: четыре смотрительницы королевской спальни – самые старшие по возрасту, замужние женщины с титулами; восемь смотрительниц королевских апартаментов – также замужние и благородного происхождения; а еще шесть фрейлин – девушек из хороших семей, амбициозные родители которых были уверены, что служение ее величеству повысит их значимость на рынке невест. Эти восемнадцать прислужниц присматривали за гардеробом королевы, ее меню и за всем, что происходило в ее личных покоях. Они были ее самыми близкими компаньонками.

Должность фрейлины считалась весьма престижной, и при других обстоятельствах королеве пришлось бы отказать своей крестнице, поскольку вакансий никогда не было, но по случайному стечению обстоятельств одна из фрейлин совсем недавно родила ребенка прямо в своей спальне. Разгневанная королева заключила мать и дитя в Тауэр вместе с несчастным отцом семейства. То обстоятельство, что молодые люди тайно обвенчались еще год назад, ничуть не смягчило гнева ее величества. Родители молодоженов сразу же впали в немилость за то, что умудрились вырастить таких дерзких и непослушных наследников.

Претендентки на столь привлекательную должность, которой провинившаяся особа тотчас же лишилась, нашлись бы немедленно, но королеву столь возмутило происшествие, ставшее, как на считала, закономерным результатом падения нравов в среде ее приближенных, что никто не смел поднимать данный вопрос. И вот теперь это милое и неиспорченное дитя просит подарить ей возможность послужить своей королеве. И все же Елизавета Тюдор не позволила сентиментальности взять верх над комичностью сложившейся ситуации. Эта девочка – дочь Скай О’Малли, возмутительной гордячки и бунтарки, высокомерной непокорной упрямцы, которая осмеливалась перечить самой королеве, имела наглость торговаться с ней, а два года назад отвергла предложение взять под опеку принцессу. Какая удивительная ирония судьбы!

– Конечно же, ты можешь стать одной из моих фрейлин, Велвет де Мариско! – широко улыбнулась королева. – Когда мы отправимся в путь, поедешь вместе с нами. Теперь, когда твои родители далеко отсюда, я чувствую моральную обязанность взять тебя под свое крыло. И все же я хочу, чтобы у тебя осталось и материальное напоминание о нашей с тобой первой встрече.

Елизавета сняла с изящного пальца изумительной красоты перстень из червонного золота, украшенный изящной филигранью внутри и снаружи с квадратным изумрудом в обрамлении мелких бриллиантов.

– Носи это кольцо в память о Елизавете Тюдор, мое дорогое дитя.

Опершись на руку лорда Блэкторна, ее величество направилась в дом, а Велвет, надев кольцо на мизинец, с восхищением взирала на подарок, когда сверху раздался низкий мужской голос:

– Оно идеально подходит к вашим глазам, дорогая.

Велвет подняла глаза и чопорно произнесла:

– Мы с вами незнакомы, сэр.

Девушка успела отметить, что незнакомец с вьющимися рыжими волосами и яркими карими глазами весьма привлекателен: высок и прекрасно сложен, в темно-голубом бархатном камзоле, отороченном серебристым кружевом.

Незнакомец со смехом повернулся к своему не менее изысканно одетому спутнику:

– Представь нас друг другу, Уот.

– Госпожа де Мариско, – отозвался второй джентльмен, – позвольте представить вам королевского шталмейстера Роберта Деверо, графа Эссекса. Милорд граф, познакомьтесь с госпожой Велвет де Мариско.

Граф Эссекс отвесил изящный поклон, и в его карих глазах заплясали озорные искорки.

– Но, сэр, вас я тоже не знаю! – воскликнула Велвет.

– Это легко исправить, – весело произнес Роберт Деверо. – Поскольку теперь вы знаете, кто я, позвольте представить вам капитана королевской гвардии сэра Уолтера Рейли. Уот, познакомься с госпожой Велвет де Мариско. Ну вот и все: мы познакомились и можем стать друзьями.

– Милорд, – сердито сдвинула брови Велвет, – не такая уж я деревенская простушка, как может показаться на первый взгляд, и знаю, как вас обожает королева. Если вы пробудите в ней ревность, мне не позволят ее сопровождать...

Велвет хотела было пройти мимо, чтобы догнать сестру, направлявшуюся в дом, но граф, преграждая девушке дорогу, пробормотал:

– Свежая сладкая кровь. Похоже, поездка не будет скучной.

– Робин, ты с ума сошел! Девушка права, и тебе прекрасно это известно, – укорил друга Рейли. – Королева действительно тебя обожает, хотя не приложу ума почему: ведь я гораздо привлекательнее. Кроме того, я немного знаю родителей юной леди: из вас сделают отбивную, милорд граф, а потом съедят на обед и даже не поперхнутся.

Велвет с интересом взглянула на Рейли. Он был явно старше красивого графа, но выглядел моложе, да и одет куда элегантнее Роберта Деверо: в камзол из темно-коричневого бархата, богато расшитый медной нитью. Наряд прекрасно гармонировал с его похожими на темный янтарь глазами, рыжеватыми волосами и бородой. Крепко сложенный и не такой высокий, как его приятель, он, однако, обладал превосходной фигурой и невероятно стройными ногами. Велвет еще ни разу не видела, чтобы обувь смотрелась на мужчине столь привлекательно.

Напомнив себе, что пора бы уже отправиться к Дейдре, девушка бесцеремонно оттолкнула графа и поспешила в дом. Эссекс на мгновение опешил, а потом рассмеялся.

– Ну и ну! Судя по всему, эти де Мариско весьма вспыльчивы, Уот! Наверное, будет лучше, если мы действительно останемся с юной леди лишь друзьями. Ох уж эти девственницы – такие эмоциональные!

Приятель рассмеялся и направился в дом, чтобы занять свои места подле королевы.

Елизавета Тюдор уже расположилась в главном зале, где хозяин дома предложил ей прохладительные напитки. Дейдра же, заметив сестру, набросилась на нее, гневно сверкая глазами:

– Как ты могла, Велвет!

– О чем это ты? – удивилась девушка.

– Что мы теперь скажем графу Брок-Керну, когда приедет? Он ведь проделает такой путь, чтобы жениться на тебе, и что?

– Ну почему все так переживают из-за графа, – возмутилась Велвет. – И почему никто не думает обо мне? Родители все решили за меня, когда я была совсем крохой. Господи, да я даже лица его не помню! Мама сказала, что я не должна выходить замуж без любви, и я не выйду! Ведь ты же не вышла. К тому же не собираюсь отправляться к алтарю без родителей, а те вернутся лишь через несколько месяцев. Возможно, я и влюблюсь в графа, но ведь может статься, что и нет. Как бы то ни было, я не допущу, чтобы меня насильно тащили под венец, – во всяком случае, не раньше, чем я побываю при дворе. В общем, этому дикарю из Шотландии придется дожидаться возвращения моих родителей. Всем известно, что королева ужасно не любит, когда посягают на честь ее фрейлин, так что крестная точно не даст меня в обиду!

Велвет лукаво посмотрела на сестру, а та воскликнула:

– Я все расскажу королеве! Ты ставишь нас в неловкое положение!

– Только попробуй: я сбегу во Францию, к бабушке и дедушке, и тогда разразится грандиозный скандал! Помолвку расторгнут, и все из-за тебя! Если моим родителям действительно нужен этот союз, они не похвалят тебя за вмешательство. Я же буду стоять на своем, как в свое время ты, желая стать женой Джона! Мы с тобой сестры. Да, у нас разные отцы, но и в твоих, и в моих жилах течет горячая бунтарская кровь нашей матери. Так почему мои желания должны отличаться от твоих? – Велвет заглянула Дейдре в глаза и попыталась подольститься: – Думаю, ты предпочтешь, чтобы я осталась в Англии под протекцией королевы.

– Черт бы тебя побрал, плутовка! – пробормотала с улыбкой Дейдра. – Ладно! Ему вовсе не обязательно знать, что, едва услышав о его скором приезде, ты буквально умоляла королеву сделать тебя фрейлиной. Но дядю Конна точно хватит удар, сестренка! Не хотелось бы мне оказаться на его месте, когда он сообщит графу, что ты теперь обитаешь при дворе, а вовсе не в Куинс-Молверне, и посему не можешь стать его женой. Господи, как же все запуталось!

Конн Сен-Мишель остался на удивление спокойным, узнав тем же вечером о выходке племянницы, только сухо заметил:

– С Бесс она будет в целости и сохранности. Да благословит Господь маленькую плутовку, самостоятельно отыскавшую выход из положения.

– Но, дядя, ты говоришь так, словно одобряешь поведение Велвет! – ошеломленно воскликнула Дейдра.

– Если честно, детка, мне совсем не хотелось выдавать Велвет замуж за этого Брок-Керна без Адама и Скай. Плутовка избавила меня от необходимости принимать решение. Королева скорее отдаст свою новую фрейлину родителям, но не шотландскому графу, тем более если сама юная леди не желает замуж.

Теперь, когда проблема разрешилась сама собой, лорд Блисс сопровождал свою супругу и племянницу в главный зал, заполненный гостями. Лучи заходящего солнца окрасили пол и стены зала с огромными полукруглыми окнами в алый цвет, соперничая с языками яркого пламени, полыхавшего в четырех больших каминах, призванных прогнать из помещения холод. Конн опустился перед ее величеством на колени и поднес ее руку к губам. Взгляд темно-серых глаз Елизаветы потеплел, и она пробормотала, вспомнив романтический вечер, который они провели вместе несколько лет назад накануне его свадьбы с Эйден:

– Конн, дьявол!

– Бесс, вы прекрасны, как всегда, – шепотом проговорил лорд Блисс. – По-прежнему разбиваете сердца?

Выпустив руку королевы и поднявшись с колен, Конн бросил взгляд на стоявших поодаль Эссекса и Рейли, и Елизавета Тюдор с улыбкой произнесла:

– Господи, лорд Блисс! Вы все тот же ирландский мошенник с острым языком.

– И еще более острым умом, – парировал, к удовольствию королевы, лорд Блисс. – До меня дошли слухи, будто моя племянница вскоре станет одной из ваших фрейлин?

– А, вы о Велвет? Чудесное дитя! Очень рада знакомству с ней.

– Она никогда не бывала при дворе, мадам, – мягко заметил лорд Блисс. – Да и вообще в Лондоне.

– А в Париже? – поинтересовалась королева.

– И в Париже тоже. Несмотря на свою красоту, она совершенно невинна. Ее берегли как зеницу ока.

– Она с кем-нибудь помолвлена?

– Да, с сыном друга лорда де Мариско, но свадьба состоится лишь после того, как ей исполнится шестнадцать лет.

– Не переживайте, милорд, – пообещала королева, догадавшись об опасениях лорда Блисса. – Я буду обращаться с ней как с собственной дочерью, хотя, по сути, она таковой и является. Разве я плохо заботилась в свое время о вашей жене Эйден?

– Нет, мадам, и благодарю вас за это.

Что ж, Конн сделал все, что от него зависело, и теперь лишь оставалось ждать возвращения Скай и Адама. Освободившись от груза ответственности за племянницу, он едва сдержался, чтобы не испустить громкий вздох облегчения.

В то же самое время на другом конце зала Велвет вдруг оказалась в центре всеобщего внимания, и голова ее уже кружилась от смелых комплиментов, расточаемых джентльменами из свиты королевы, заинтригованными появлением новой фрейлины. В отличие от других придворных дам девушка не жеманничала, высказывалась предельно честно, но без дерзости или скрытых намеков, а если еще прибавить к этому ее красоту и богатое наследство... Словом, все присутствующие кавалеры готовы были попытать счастья, рискуя обрушить на свои головы гнев королевы. Как раз в тот момент, когда терпение Велвет почти иссякло, возле нее оказались, словно почувствовав, что ее пора спасать, сэр Уолтер Рейли и молодой граф Эссекс.

– Сожалею, джентльмены, – заявил Эссекс, – но мы с Уолтом взяли на себя смелость защищать эту девушку от чьих бы то ни было посягательств. И запомните: она нам как сестра, так что горе тому, кто осмелится отнестись к ней легкомысленно. Разве только она сама того пожелает!

– Вы с ума сошли! – воскликнула Велвет, когда он крепко ухватил ее за локоть и отвел к камину, где уже сидел Рейли.

– Да, госпожа де Мариско, но признайтесь, что все эти напыщенные павлины ужасно вам наскучили. Уверяю, наше с Уолтом общество гораздо интереснее. Вы помолвлены?

– А почему вы спрашиваете? – с подозрением прищурилась Велвет.

– Да потому, глупышка, что хочу узнать, не вызовут ли меня на дуэль.

– Мой жених в Шотландии, милорд, к тому же я не имею ни малейшего понятия, как он выглядит, так что в попытке скрыть свое общение с вами я лишь потеряю время! – дерзко сверкнув глазами, парировала Велвет.

Молодые повесы расхохотались, а затем Рейли, как старший по возрасту, спросил:

– Вы позволите нам называть вас по имени? А вы зовите нас Уот и Робин.

– Моего брата зовут Робин, посему, милорды, я буду звать вас Уот и Плут. Что-то мне подсказывает, что вы, милорд граф, еще тот фрукт.

Велвет в упор посмотрела на Роберта Деверо, и у того хватило совести покраснеть, а Рейли рассмеялся:

– Вы слишком юны и, подозреваю, наивны для фривольного и искушенного окружения королевы, но проницательны и обладаете острым умом, так что справитесь.

В этот момент к ним подошли две совсем юные девушки. Одна – с милым лицом, длинными, совершенно прямыми темно-русыми волосами и спокойным взглядом серых глаз, зато вторая поражала воображение своими сильно выющимися густыми золотистыми волосами, мятежно ниспадавшими на плечи, и удивительными глазами цвета бирюзы.

– Я Элизабет Трокмортон, фрейлина королевы, – представилась русоволосая и застенчиво улыбнулась. – Хотя все зовут меня просто Бесс. Ее величество вверила вас моей заботе, госпожа де Мариско. А это моя подруга Эйнджел Кристман. Добро пожаловать ко двору.

Велвет присела в ответном реверансе и предложила:

– Прошу вас, зовите меня Велвет. Надеюсь, мы с вами подружмся.

– Господи помилуй! До чего же она наивна! – воскликнула красавица блондинка.

– Эйнджел, да не пугай же ты ее так! Ведь она впервые покинет родной дом.

– Вы тоже фрейлина? – поинтересовалась у блондинки Велвет.

Эйнджел рассмеялась:

– Нет, я всего лишь подопечная королевы. Мой отец, узнав о тайной связи моей матери, убил обоих любовников, после чего покончил с собой, а в своем предсмертном письме просил королеву взять меня, его единственную дочь, под опеку. Конечно же, ее величество, известная своей добротой, не смогла отказать, так что я вполне счастливо росла при дворе. Все, на что я могу рассчитывать, – это более щедрое приданое, чем если бы осталась с кем-то из своих родных. А такие должности, как ваша, госпожа де Мариско, берегут для девушек более высокого происхождения.

– Эйнджел, любовь моя, твой дух вполне благороден, – пробормотал Эссекс, флиртливо обнимая девушку за тонкую талию.

Громко фыркнув, та шлепнула графа по руке.

– Руки прочь, мерзкий развратник, иначе мне никогда не найти достойного мужчины. Вам это может показаться странным, милорд граф, но ни один уважающий себя мужчина не захочет довольствоваться тем, что осталось после вас!

– Эйнджел! – возмутилась Бесс Трокмортон, явно шокированная словами подруги.

– Но ведь это правда, Бесс. У тебя за спиной влиятельная семья, а я вынуждена самостоятельно защищать свою честь и доброе имя!

– Кому нужна язвительная мегера? – возразил Эссекс. – А ведь именно в такую вы рискуете превратиться, моя дорогая Эйнджел.

Желая сменить тему разговора, Бесс Трокмортон сказала:

– Ее величество поручила нам поехать завтра с вами, чтобы помочь собрать все необходимое для жизни при дворе. Это далеко?

– Нет, всего несколько миль. Вы ездите верхом?

– Да, – хором ответили девушки.

– Вот и хорошо! Завтра утром и отправимся.

– Мы с вами, – вмешался Уолтер. – Негоже трем девицам путешествовать без сопровождения.

Велвет хотела было возразить, но, представив, как будет выглядеть в компании двух изысканных джентльменов из свиты королевы, передумала и лишь поддразнила приятелей:

– И вы сможете встать так рано?

– Встать рано? Да мы вовсе не собирались спать! Жизнь при дворе не располагает ко сну, так что привыкайте.

Леди Сесили, получив от Дейдры записку, в которой та поведала о выходке Велвет, в компании няни поджидала воспитанницу. Обе женщины неодобрительно сдвинули брови, при виде целой компании, сопровождавшей девушку. Леди Сесили, опрятная пожилая дама с пронизывающим взглядом голубых глаз и серебристыми буклями, хоть и была сама доброта, сейчас с трудом сдерживала раздражение и даже нервно притопывала.

– Мама будет недовольна вами, Велвет. Что мы скажем его светлости, когда он приедет? – принялась распекал свою подопечную леди Сесили, когда та спрыгнула с лошади.

– Глупости! – весело возразила воспитанница. – Помните, она обещала, что меня не выдадут замуж без моей на то воли?

– Но вы прекрасно знали о его визите! И что я вижу? Вы собираетесь отправиться ко двору, стать фрейлиной!

Леди Сесили вырастила не только Велвет, но и ее братьев и сестер, так что все воспринимали ее как бабушку, и это давало ей право высказывать свое мнение и вмешиваться в дела воспитанников, когда она считала необходимым.

– Не могла же я отказать самой королеве, – невинно захлопала глазами Велвет.

– Не лгите! Вы сами упростили королеву взять вас на должность фрейлины, мне это хорошо известно! – последовал сердитый ответ. – Вы ужасно испорчены, дитя мое. Отцу сле-

довало пороть вас с самого детства. Но нет! Адам де Мариско пылинки с вас сдувал, и посмотрите, к чему это привело!

Леди Сесили продолжила бы бушевать, но вдруг вспомнила о гостях и осеклась на полуслове. Тогда сладким, точно патока, голосом Велвет представила всех четверых:

– Граф Эссекс, сэр Уолтер Рейли, госпожа Бесс Трокмортон и госпожа Эйнджел Кристман. А это леди Сесили Смолл, сестра сэра Роберта, которую я очень люблю и считаю своей бабушкой.

– Добро пожаловать в Куинс-Молверн, – вежливо произнесла пожилая дама, с трудом приседая в реверансе. – Прошу вас, проходите в дом и отведайте вина с печеньем.

Леди Сесили развернулась, предлагая гостям следовать за ней, а Рейли поддразнила:

– Как же так, Велвет? Вы не встречались со своим суженым? Но ведь это же так старомодно – помолвки, устроенные родителями.

– Мне было всего пять лет, когда состоялась эта помолвка с сыном папиного друга, так что я не запомнила его лица, – пробормотала Велвет. – К тому же мама всегда говорила, что мне вовсе не обязательно выходить за него замуж, если я этого не хочу.

– А вы хитры не по годам, Велвет де Мариско, не так ли? – засмеялся сэр Рейли.

– Я восхищен силой вашего духа! – присоединился к другу Эссекс. – Мне бы такую девушку, которая умеет добиваться своего!

– Это вам-то? Да у вас каких только не было! – огрызнулась Эйнджел.

– Милорд, Эйнджел, прекратите немедленно! – воскликнула Бесс. – Мы здесь для того, чтобы помочь Велвет собраться, так что вы, джентльмены, пейте свое вино, а мы будем заниматься делом.

Приятели улыбнулись и поспешили за стремительно удалявшимися по коридору юбками леди Сесили, а Элизабет Трокмортон, одна из любимиц королевы и в свои двадцать четыре года самая старшая из девушек, обернувшись к своей новой подопечной, скомандовала:

– Показывайте, где ваша комната, Велвет!

Кивнув, девушка направилась вверх по лестнице, а Эйнджел Кристман, взяв ее под руку, заметила:

– Если Бесс возьмет вас под свое крыло, вам несказанно повезет: она очень славная в отличие от остальных. Но вы и сами скоро это узнаете.

Эйнджел была всего на два года старше Велвет, но жизнь при дворе кого угодно заставит выглядеть умудренной опытом матроной. Наложила она свой отпечаток и на Эйнджел.

Велвет очень скоро поняла, как ей повезло с подругами. Осмотрев ее гардероб, девушки пришли к выводу, что все платья устарели да и выглядели слишком провинциальными, и с сочувствием предупредили, что ее попросту высмеют при дворе. Поскольку первое впечатление очень важно, они посоветовали Велвет остаться дома, обновить гардероб, а спустя неделю присоединиться к свите королевы.

– Нет, я не могу! – в ужасе воскликнула Велвет. – Он приедет со дня на день, и тогда мне уже отсюда не выбраться! Лучше уж я стану предметом насмешек придворных, чем...

Она осеклась, поняв, что чуть было не призналась в своих тайных опасениях, и Бесс, не желая показывать снедавшего ее любопытства, заметила:

– Что ж, возможно, вашей портнихе удастся переделать несколько платьев за ночь, тогда вы сможете поехать с нами. Только имейте в виду, что вам понадобится несколько белых платьев. Королева предпочитает, чтобы все леди при дворе одевались в черное, а ее фрейлины – в белое.

– Просто белых или платья можно чем-то украсить? – спросила Велвет.

– Можно, – рассмеялась Бесс. – Только это и помогает нам не стать похожими на французских монахинь. Можно надеть нижнюю юбку другого цвета или подобрать какой-нибудь

неброский орнамент. Но не беспокойтесь: на различные торжества или маскарады вы будете надевать красивые и яркие наряды. Просто королева порой бывает... не в духе.

– И это еще мягко сказано. Дело в том, что ее величество стареет и ужасно из-за этого раздражается, – усмехнулась Эйнджел. – Вот ей и кажется, что на фоне одетых в белое и черное придворных она выглядит более величественно.

– Но королева очень добра! – попыталась защитить свою госпожу Бесс.

– Только к тем, кто ей во всем потакает и не противоречит, но еще она очень ревнива, и тебе это прекрасно известно. Она не выносит, когда кто-нибудь из фрейлин ее покидает, чтобы обрести счастье в браке, ведь сама она замуж так и не вышла. Горе той девушке, которая хотя бы заикнется в присутствии королевы о своем желании обзавестись мужем.

– Но ведь есть и такие, кто вышел замуж с ее благословения, – возразила Бесс.

– Да, но только те, что уже были помолвлены, как Велвет: другие же подвергаются жестоким наказаниям. Ты знаешь, что я говорю правду, Бесс, иначе бы так не осторожничала?

– Эйнджел! – воскликнула девушка с мукой на лице.

– Хорошо-хорошо. Только вот еще что: я, слава богу, всего лишь смиренная воспитанница королевы. – Эйнджел с дерзкой улыбкой на губах повернулась к Велвет: – А вы, маленькая мышка, видимо, горите желанием поскорее покинуть свое уютное сельское гнездышко?

– О да! – горячо воскликнула Велвет, обрадовавшись, что разговор ушел в сторону от темы брака.

Когда девушки вошли в спальню, Велвет с удивлением обнаружила там поджидавшую ее служанку Дейзи.

– По вашим лицам понятно, что вы уже побывали в гардеробной, – заметила та.

– О, Дейзи, большинство моих платьев такие... такие...

– Старомодные и детские, – дерзко перебила девушку служанка. – Да, что верно, то верно. Но не извольте беспокоиться, госпожа Велвет: платья вашей матушки всегда отвечают требованиям моды, хотя она больше не бывает при дворе. Поскольку ее здесь нет, а наряды просто висят без дела, не вижу причины, по которой мы не могли бы переделать некоторые из них для вас.

– Разумное решение, – заметила Бесс. – Можем ли мы взглянуть на платья, которые вы считаете подходящими?

– Сейчас принесу. В гардеробную госпожи могу заходить только я.

– Старая мегера! – буркнула Эйнджел. – Давно она служит вашей матери?

– Почти тридцать лет. Дейзи была очень недовольна, когда мама отказалась в этот раз взять ее с собой в путешествие. У нее огромная семья, потому что каждый раз, когда ее муж Брэн Келли возвращается из плавания, она беременеет, – хихикнула Велвет.

– И сколько же у них детей? – поинтересовалась Бесс.

– Десять: семеро сыновей и три дочери – Пэнси, Мэриголд и Кlover, – причем все здоровые и сильные.

Прежде чем Велвет успела рассказать что-то еще, вернулась Дейзи в сопровождении девочки: обе тащили платья.

– Мы с Пэнси принесли пять туалетов, – пояснила Дейзи. – Эти цвета подойдут вам больше всего. В кладовой хранятся отрезки тканей, так что можете выбрать себе любые, а из них сошью новые наряды.

Платья сорвали вздохи восхищения с губ Бесс и Эйнджел, но зависти девушки совершенно не испытали. Роскошные наряды Скай были усыпаны драгоценными камнями и расшиты золотыми и серебряными нитями. Три платья напоминали по цвету драгоценные камни: сапфир, аквамарин и аметист, – а два других имели пастельные оттенки: бледно-зеленый и нежно-розовый. Только сейчас Бесс и Эйнджел с удивлением осознали, что их юная подруга из

очень богатой семьи: девушка выглядела такой неиспорченной, невинной и совершенно неприязнительной.

Дейзи быстро помогла Велвет освободиться от амазонки и нарядила ее в одно из платьев матери. Окинув девушку критическим взглядом и что-то пробормотав себе под нос, она окликнула дочь:

– Пэнси, приведи-ка сюда портниху!

Девочка опрометью бросилась в коридор, а Дейзи сказала:

– Собираюсь отправить ее с вами в качестве служанки. Я ее всему обучила, так что будете довольны.

– А как же Вайолет?

– Вы же не думаете, что из няни получится хорошая камеристка, госпожа Велвет? Она хорошо показала себя, пока вы жили в Куинс-Молверне, а также и во Франции, у бабушки с дедушкой, но при дворе королевы Тюдор? Нет! Кроме того, Вайолет ждет ребенка, так что скоро выйдет замуж.

– За помощника кучера! – радостно воскликнула Велвет.

Бесс Трокмортон и Эйнджел Кристман переглянулись и захихикали. Обоим пришло в голову, что сплетничают не только при дворе, но и здесь, в сельской глубинке.

Дейзи вдруг почувствовала себя неуютно. Ей совсем не хотелось выглядеть глупой провинциалкой в глазах этих двух утонченных дам. В конце концов, она служила при дворе, когда их еще на свете не было.

– Знаете, что, – зашипела она на Велвет, – не вашего ума это дело! Вашего батюшку хватил бы удар, узнай он, что вы слушаете сплетни.

К счастью, в этот момент вернулась Пэнси в сопровождении Бонни, местной портнихи, и она тотчас же взялась за работу. Велвет оказалась на дюйм выше своей красавицы матери, но подолы платьев были подшиты с запасом, так что подогнать их по длине не составило труда, а вот в груди и талии платья пришлось ушивать, поскольку девушка была тоньше матери и обладала не столь пышной грудью. Портниха сделала на платьях пометки, а потом собрала их в охапку и унесла с собой.

После этого Дейзи нарядила свою подопечную в домашний шелковый халат и повела девушек в кладовую, где хранились многочисленные отрезы дорогих тканей.

– Святые небеса! – воскликнула Эйнджел. – Да тут хватит на весь королевский двор и еще останется.

– Так и есть, – гордо кивнула Дейзи.

Велвет не потребовалось много времени, чтобы сделать выбор, ибо она прекрасно знала, чего именно хочет. Ей не слишком нравился тяжелый бархат, поэтому для летних платьев она выбрала восхитительный шелк двух оттенков – золотистого топаза и морской волны, для форменных платьев – с дюжину отрезов разнообразной белой ткани: и совсем простой, и расшитой разноцветными и серебристыми нитями или украшенной драгоценными камнями. Затем, заметив, с какой тоской восхитительная Эйнджел смотрит на шелк цвета бирюзы, а Бесс – на точно такой же шелк, только цвета алого мака, Велвет предложила, указав на выбранную подругами ткань:

– Возьми эти два отреза тоже. Пусть Бонни снимет мерки с госпожи Трокмортон и госпожи Кристман, сошьет для них платья и пришлет вместе с моими.

– О нет, Велвет! – запротестовала Бесс. – Это слишком щедро с вашей стороны.

– Не говорите глупости! Здесь ткани хватит на весь двор, как справедливо заметила Эйнджел. Прошу вас, Бесс! Вы мои первые подруги при дворе, и мне очень хочется сделать для вас что-нибудь приятное.

Глаза Бесс Трокмортон наполнились слезами: как же мила эта новая фрейлина! – и, часто заморгав, чтобы прогнать слезы, она произнесла:

– Спасибо вам за доброту и щедрость, Велвет де Мариско.

– Аминь! – не слишком почтительно выдохнула Эйнджел, а когда Бесс бросила на нее укоризненный взгляд, как ни в чем не бывало добавила: – Я подумала, ты не согласишься взять эту ткань, Бесс. У тебя есть поддержка семьи, а королевской воспитаннице на многое рассчитывать не приходится.

Бесс Трокмортон покачала головой:

– Нет, Эйнджел. Будь я богатой, давно уже вышла бы замуж, но брат потерял мое приданое, неудачно вложив в дело. Так что, несмотря на все свои связи, я ничем не лучше тебя.

– В таком случае да благословит Господь королевский двор, давший нам, бедным, но благородного происхождения церковным мышам, кров и одежду, пусть и не слишком роскошную, – рассмеялась Эйнджел, к которой вернулось хорошее настроение.

Вскоре Велвет де Мариско обнаружила, что принцессой была лишь в Куинс-Молверне, а вот при дворе оказалась чуть ли не на самой низшей ступени иерархической лестницы. Среди высокопоставленных дам и благородных кавалеров наследница Ланди, как ее здесь называли, считалась мелкой рыбешкой, и все же те, кто отваживался познакомиться с ней поближе, любили юную, веселую, начитанную и, несмотря на свой непростой характер, совершенно незлобивую девушку.

Поскольку Велвет была самой молодой и неопытной из фрейлин королевы, ей поручались лишь очень простые задания: следить, чтобы разноцветные шелковые нитки в королевской корзинке с рукоделием содержались в полном порядке: не путались, не завязывались в узлы и располагались строго по цветам радуги; чтобы ножницы в корзинке ее величества всегда были хорошо наточены, а запас нужных иголок не иссякал. Если Елизавета Тюдор желала поработать над гобеленом или вышивкой, наследница Ланди тотчас же приносила ей корзинку. Велвет исполняла роль хранительницы королевской корзинки с рукоделием, как некогда ее тетушка Эйден.

Велвет не сразу привыкла к кипучей жизни при дворе и посему была очень благодарна судьбе за таких подруг, как Бесс и Эйнджел. Без них она чувствовала бы себя совсем одиноко, поскольку остальные фрейлины совершенно не проявляли дружелюбия. Некоторые обладали громкими именами, но не имели за душой ни гроша. Другие хоть и происходили из богатых и титулованных семейств, но не шли ни в какое сравнение с привлекательной Велвет. Большинство девушек ей попросту завидовали.

– И откуда только у королевы берутся все эти крестницы? – презрительно бросила одна высокопоставленная леди.

– И большинство из них гроша ломаного не стоят, – поддакнула другая. – Их родители выбирают королеву в крестные лишь потому, что больше их ребенок ничем не сможет выделиться среди остальных.

Щеки Велвет горели от обиды и гнева. Она уже хотела наброситься на обидчицу и выцарапать глаза на ее уродливом лице, но, поймав предостерегающий взгляд Бесс Трокмортон, удержала гнев.

– Это верно: моя мать происходит из семьи простого ирландского клана, – но зато отец, чье имя я с гордостью ношу, благородного происхождения. Моя сестра Уиллоу – графиня Олсестер, брат Робин – граф Линмут, сестра Дейдра – леди Блэкторн, брат Падрек – лорд Берк, которого вы все обожаете. – Велвет с притворной наивностью взглянула на подруг и, прежде чем опять склониться над корзинкой с рукоделием, добавила: – Падрек очень хорошо о вас всех отзывается.

Бесс Трокмортон с трудом сдержала рвущийся из груди смех и одобрительно посмотрела на свою протеже. Велвет ненавязчиво поставила всех на место, даже не повысив при этом голоса.

– Роберт Саутвуд и Падрек Берк – ваши братья? – удивленно вскинула брови одна из фрейлин и уточнила: – Лорд Берк из Клирфилда и Роберт Саутвуд, граф Линмут?

– Да.

В комнате повисла тишина, пока фрейлины переваривали услышанное. Наконец все та же девушка нарушила молчание:

– Мы скоро отправимся в замок Линмут.

– В самом деле? – переспросила Велвет. – О, летом там чудесно. Очень люблю Девон, а вы?

– Ваш брат все еще вдовствует?

– Да. Он так переживал из-за смерти Элисон во время последних родов, что поклялся никогда больше не жениться. Но мне кажется, он просто еще не встретил подходящую леди.

Велвет одарила присутствующих такой невинной улыбкой, что никто даже и не заподозрил бы, что в ее голове при виде дам, в обществе которых она вращалась последние несколько недель, роятся безнравственные мысли. В большинстве своем это были довольно злобные и недалекие особы, и Велвет ничуть не сомневалась, что теперь, когда узнали, что ее братья привлекательные и богатые холостяки, они непременно начнут искать дружбы с ней. Незаметно разглядывая королевских фрейлин из-под длинных пушистых ресниц, Велвет решила, что ни Робин, ни Падрек не захотели бы закрутить ни с одной из них даже незначительную интрижку. Бесс была лучше всех их, вместе взятых, и в последнее время Велвет начала догадываться, что место в ее сердце прочно занял сэр Уолтер Рейли, хотя молодые люди не проявляли друг к другу ни малейшего интереса, во всяком случае на людях.

Вскоре королевский двор покинул Блэторн Прайори и направился на юг, в сторону Лондона. Поговаривали, что в этом году опасность нападения испанцев серьезна, как никогда, и что многочисленный флот уже готов выйти в море и напасть на Англию. Советники настаивали, чтобы королева вернулась в Лондон, где ей смогут обеспечить должную защиту, поэтому традиционное летнее путешествие закончилось самым неожиданным образом.

Узнав, что ее величество не сможет посетить Девон, граф Линмут собрал отряд бойцов для ее защиты и отправился в Лондон, чтобы развлекать ее в своем прекрасном особняке Линмут-Хаус, расположенном на Стрэнде.

До Велвет дошли слухи о приезде Робина, и она упросила королеву освободить ее на время от всех обязанностей и позволить повидаться с братом. Чтобы расторгнуть ненавистную помолвку, потребуются союзники. Велвет не сомневалась, что Дейдра и леди Сесили уже сообщили Робину об изменениях в ее жизни.

На пристани возле Уайтхолла Велвет наняла лодку. В Линмут-Хаусе, также расположенном на берегу реки, один из слуг Саутвуда помог ей выбраться из утлого суденышка и расплатился с его хозяином. Девушка поспешила в дом, окруженный роскошным садом, но заметила на террасе брата.

– Робин!

Роберт Саутвуд, граф Линмут, поднял глаза, и уголки его губ изогнулись в радостной улыбке. Одет он был по-домашнему, и полурасстегнутая шелковая сорочка, являвшая взору окружающих широкую мускулистую грудь. Его глаза цвета спелого лайма пробежались по фигурке сестры в длинной черно-белой накидке с украшенными агатами серебряными застежками. Когда легкий ветерок чуть приподнял полы накидки, Робин успел заметить, что на Велвет модное платье из белого шелка, отороченное серебристым кружевом. Самая младшая из дочерей их матери равно как и ее сестра Уиллоу, была его любимицей.

– Привет, маленькая проказница! – поприветствовал он девушку, обнимая и целуя в макушку.

– О, Робин, и ты туда же? – простонала Велвет. – Только не надо читать мне нотаций. Ну почему никто не хочет принять мою сторону?

Граф обнял сестру за плечи и повел к ближайшей скамье под цветущей яблоней.

– Полагаю, для начала ты должна рассказать мне свою версию происходящего, а уж потом я решу, бранить тебя или нет. Я получил два весьма эмоциональных письма: одно от леди Сесили, а второе – от нашей сестрицы Берк.

– Я не знала, что помолвлена, – с несчастным видом произнесла Велвет, – а потом пришло это письмо от шотландского графа.

– Графа Брок-Керна, – уточнил Робин.

– Да-да, именно так его зовут. Имя такое забавное, что я постоянно его забываю. А потом дядя Конн рассказал мне о помолвке, и несмотря на то что по условиям договора свадьба должна состояться не раньше моего шестнадцатого дня рождения, граф вдруг пожелал жениться как можно скорее, чтобы произвести на свет наследника.

– Подобное порой случается, в этом нет ничего необычного, и я хорошо понимаю Брок-Керна.

– Но, Робин, еще месяц назад я даже не подозревала, что обещана какому-то незнакомцу! Я не хочу ехать в Шотландию, не узнав этого человека, и уж точно не готова рожать ему наследников. Мама обещала, что меня не выдадут замуж против моей воли. Кроме того, без родителей я не пойду к алтарю, и это мое окончательное решение!

– А ты не могла объяснить все это графу, сестренка? Вряд ли он настолько бессердечен, что оставил бы без внимания страхи юной девушки. Уверен, он откликнулся бы на твою просьбу подождать несколько месяцев, пока не вернутся родители.

– Дядя Конн иного мнения, Робин. Да и вдруг граф отказал бы мне? По закону я обязана выйти за него замуж. Вот я и попросила ее величество взять меня с собой, чтобы избавиться от притязаний графа до возвращения мамы. Ничего ужасного я не совершила, дорогой братец. Вряд ли этот Брок-Керн расстроится, если узнает, что его будущая супруга состоит на службе у королевы.

Робин покачал головой и с улыбкой заключил:

– Ты слишком умна для девушки, Велвет. Матушка наверняка поступила бы точно так же. Только не передавай ей мои слова. А теперь лучше расскажи, как тебе при дворе.

– Это самое чудесное место на свете, Робин! Никогда бы не подумала, что смогу обходиться несколькими часами сна и при этом не уставать. Но я могу! А еще я обзавелась двумя подругами. Одну из них зовут Бесс Трокмортон, и с самого начала она окружила меня теплом и заботой, в то время как другие фрейлины напыщенны, точно павы, хотя и не представляют собой ничего особенного. Они и знать меня не желали, пока не выяснилось, что у меня есть два весьма привлекательных и богатых брата.

Робин не смог сдержать улыбки при виде торжества на лице сестры.

– А другая подруга?

– Ее зовут Эйнджел Кристман, она воспитанница королевы и невероятно красивая, хоть и бедна как церковная мышь – так она сама про себя говорит – и очень ко мне добра. Когда мы с Бесс освобождаемся от своих обязанностей, то вместе с Эйнджел, Уотом и Плутотом идем гулять по городу. Я даже в театре побывала!

– И что же за пьесу вы смотрели?

– Совсем новую, называется «Тамерлан Великий». Ее написал Кристофер Марло. Уот говорит, что более талантливого драматурга Англия еще не видывала.

– Так и есть, – кивнул Роберт. – А кто такой этот Уот, чье мнение ты считаешь столь авторитетным?

– Как, ты не знаешь? Я говорю о сэре Уолтере Рейли. Кажется, он влюблен в Бесс, хотя оба не смеют поднять глаз друг на друга в присутствии королевы. Плут говорит, что королева отправит их в Тауэр, если заподозрит, что между ними что-то есть.

– И снова ты меня озадачила, сестренка, – нахмурился Робин. – Вот уже дважды ты упомянула какого-то Плута, а я никак не могу взять в толк, кто скрывается под этим прозвищем.

– Это граф Эссекс. Все остальные зовут его по имени, но я отказалась, поскольку в моей жизни существует лишь один-единственный Робин – ты.

Роберт Саутвуд заметно напрягся. Граф Эссекс слыл покорителем дамских сердец и преуспел в этом не хуже своего приемного отца графа Лестера. Робин знал, как долго и настойчиво граф Эссекс обхаживал его мать после смерти ее мужа Джеффри Саутвуда.

– Стало быть, сестренка, – как можно спокойнее спросил Робин, – ты подружилась с Эссексом?

– Он такой славный! Говорит, что я похожа на его сестру Дороти. Они в Уотом предупредили всех джентльменов при дворе, чтобы даже не смели со мной заигрывать. О, Робин, мы так хорошо проводим время все вместе!

– Значит, он не пытался за тобой приударить?

– Кто?

– Эссекс.

– Нет, что ты! – Девушка рассмеялась. – Он так старательно обхаживает ее величество, что ему не до меня. Хотя, если честно, я немного разочарована: думаю, целоваться с ним было бы весьма приятно. Ведь впервые целоваться нужно с тем, кто нравится, правда?

Велвет заглянула брату в глаза, и Робин, очарованный искренней непосредственностью сестры, ответил:

– Ты права.

Как мать с Адамом умудрились вырастить ее так, что она понятия не имела, как на самом деле устроена жизнь? Робин поднялся со скамьи и подал сестре руку.

– Идем в дом, Велвет. Ты ведь еще не бывала в Линмут-Хаусе. Хочу, чтобы ты здесь освоилась, поскольку через несколько дней я ожидаю приезда королевы, и тебе предстоит играть роль хозяйки дома.

– Я буду помогать тебе принимать гостей? Я полагала, что это ты доверишь Уиллоу.

– Поначалу я именно так и хотел сделать, но в Лондон приехала моя очаровательная младшая сестра, которая должна научиться устраивать пышные приемы для высокопоставленных особ. Возможно, когда-нибудь тебе придется принимать Стюарта.

По красивому лицу Велвет пробежала тень недовольства, но исчезла так быстро, что Робин ничего не заметил.

– Не думаю. Вряд ли я выйду замуж за этого шотландца, а значит, и Стюарта не увижу.

– Не говори так: ведь ты не знаешь графа Брок-Керна. Вот встретишься с ним, тогда и будешь судить. При дворе тебе ничто не угрожает, а до возвращения родителей еще несколько месяцев, так что первый бой ты выиграла. Так будь же великодушна в своей победе, сестренка.

Глава 2

Роберт Джефффри Джеймс Генри Саутвуд, граф Линмут, унаследовал титул еще до того, как ему исполнилось три года. Он совсем не помнил своего отца, на которого был так похож. В возрасте шести лет он изъявил желание отправиться ко двору, чтобы стать пажом ее величества, и с легкостью влился в круговорот придворной жизни. Когда Роберту исполнилось шестнадцать, мать отправила его на учебу в Оксфорд. Через два года он сам переехал в Сорбонну, положило тем самым начало своему путешествию по Европе.

Именно в Сорбонне Роберт познакомился с Александром Гордоном, наследником шотландского графского титула Брок-Керн, на три года старше его, и вскоре они стали закадычными друзьями. Объединив свои финансы, они сняли одно жилье на двоих, но даже это не омрачило их дружбы. Молодые люди вместе учились, вместе пили, вместе волочились за женщинами. Иногда, когда деньги заканчивались, они даже снимали одну симпатичную девицу на двоих, однако та совершенно не обижалась, что ей заплатили вдвое меньше, а, напротив, была весьма довольна, что заполучила таких потрясающих любовников. Алекс и Робин были знакомы почти год, когда зашла речь о предстоящей женитьбе.

Робин объяснил другу, что с детства помолвлен с дочерью друга семьи, на которой и женится по возвращении домой. Алекс поведал, что и у него схожая ситуация, только вот его невеста на целых тринадцать лет младше и заключенный между их родителями договор гласит, что свадьба состоится не раньше ее шестнадцатого дня рождения. Алексу это было лишь на руку, поскольку он пока не собирался связывать себя узами брака. Так что пусть госпожа Велвет де Мариско пока подрастет.

– Как, ты сказал, ее зовут? – Робин внезапно сел на кровати. – Как зовут твою невесту?

– Велвет. Велвет де Мариско, – последовал ответ.

– Господь всемогущий! Велвет де Мариско! – рассмеялся Робин.

– Ты ее знаешь? – Алекс с любопытством посмотрел на друга. – Она рябая или у нее слишком длинный нос? Помню, ребенком она была очень даже хорошенькой.

– Еще бы мне ее не знать! Это моя сестра... Это сводная сестра, если точнее, и она необыкновенно красива. Теперь понятно, почему твое лицо всегда казалось мне знакомым: мы ведь уже встречались несколько лет назад, на торжестве, устроенном моими родителями в честь вашей помолвки в Куинс-Молверне.

С тех пор прошло шесть лет. За это время Робин женился на своей невесте Элисон де Гренвилл, стал отцом трех дочерей, но почти два года назад похоронил жену. Память о славной, не слишком умной, но невероятно заботливой и верной Элисон была жива до сих пор. Его первая дочь Элсбет родилась через девять месяцев после свадьбы, а еще через десять на свет появилась Кэтрин. Через год Элисон дала жизнь своей третьей дочери Сесили, но сама умерла. Она невероятно гордилась дочерьми, но при этом с почти фанатичным упорством мечтала подарить мужу сыновей. Эта навязчивая идея не давала ей покоя, но Робин всеми силами пытался ее защитить, зная, что его семья слишком сильное, а жена невероятно плодovита. Робин пытался избегать близости после рождения Кэтрин, но Элисон догадалась и хитростью склонила мужа к соитию, напоив. Затуманенный алкоголем рассудок заверил Робина, что от одного раза ничего не случится, но увы...

Траур Робин использовал как предлог удалиться от жизни при дворе и общения со всеми соседями в Девоне. По истечении года после печальных событий Уиллоу принялась уговаривать брата жениться вторично, но он был непреклонен. Здравый смысл подсказывал ему, что в смерти жены нет его вины, однако внутренний голос утверждал совсем другое. Обладая он мудростью и способностью контролировать свои низменные желания, Элисон была бы жива.

Робин не испытывал к ней безумной любви, но за несколько лет совместной жизни они стали настоящими друзьями.

И вот теперь водоворот событий заставил Робина нарушить собственное уединение. Узнав о предполагаемом визите королевы в Девон, он не мог не послать ей приглашение: о гостеприимстве Джеффри Саутвуда ходили легенды; не мог же его сын ударить лицом в грязь. Затем выяснилось, что королева желает прервать вояж и вернуться в Лондон в связи с угрозой нападения испанцев, и Робин опять почувствовал, что просто обязан предоставить ее величеству своих вооруженных людей для сопровождения и устроить в ее честь праздник в лондонском доме. Кроме того, как уже говорилось, он получил несколько весьма эмоциональных писем от членов своей семьи с жалобами на выходки младшей сестры. В отсутствие матери и отчима как старшие, так и младшие братья и сестры смотрели на Робина как на главу семьи, что отчасти обуславливалось его титулом и высоким положением при дворе.

Однако, не успев приехать в Лондон, он получил еще одно весьма забавное письмо. На этот раз от Александра Гордона, ныне графа Брок-Керна. Граф прибыл в Куинс-Молверн, но вместо краснеющей от смущения невесты обнаружил рассыпающегося в извинениях лорда Блисса. И теперь необходимо, чтобы его представили при дворе, где у него появится возможность познакомиться наконец со своей не желавшей идти под венец невестой. Может ли он рассчитывать на помощь друга?

Робин немедленно дал ответ и пригласил графа остановиться в его доме в Лондоне. Вместе они как-нибудь постараются расхлебать заваренную Велвет кашу. По мнению Робина, его младшая сестра хоть и выросла не точной копией матери, все же унаследовала достаточно ее своеволия и упрямства.

Алекс прибыл в Лондон верхом, сопровождаемый лишь камердинером – плутоватого вида парнем по имени Дагалд. Едва молодой граф спешился, как увидел спешившего ему навстречу с широкой улыбкой на красивом лице хозяина дома. Алекс тут же вспомнил, что в Париже женщины называли их с Робинот Архангелом и Люцифером – так разительно контрастировали друг с другом высокий светловолосый англичанин и смуглый шотландец с волосами цвета воронова крыла.

– Алекс! Черт возьми, да ты совсем не изменился. Добро пожаловать в Лондон, дружище! – воскликнул Робин.

Граф Брок-Керн крепко пожал протянутую руку.

– Рад тебя видеть, Робин. Когда представишь меня сестре?

Робин со вздохом улыбнулся, вспомнив о привычке друга сразу переходить прямо к делу, и пригласил его в дом. Когда лорд Брок-Керн удобно устроился в библиотеке с серебряным кубком, наполненным крепким бургундским, Робин наконец сказал:

– Все не так просто, Алекс. Ты ведь не можешь взять и заявиться ко двору ее величества, представиться Велвет и потащить ее к алтарю.

– Почему?

Не удержавшись, Робин расхохотался. Алекс ничуть не изменился: при умении управляться со своим мужским орудием, не обладал ни тактом, ни изяществом обхождения с представительницами прекрасного пола. Он совершенно не умел ухаживать за женщинами, ибо считал, что его мастерства в постели вполне достаточно. По мнению Робина, это все потому, что другу еще ни разу не встретила девственница. Осторожно подбирая слова, он попытался объяснить:

– Алекс, по натуре моя сестра весьма независима. Родители ее обожают, а посему, несмотря на вашу помолвку, мать обещала ей, что не выдаст ее замуж, если на то не будет ее воли.

– Чертовски глупое обещание, как мне кажется, – буркнул Алекс, мрачно взглянув на друга.

Робин подавил улыбку и кивнул:

– Возможно, ты и прав, но моя мать на собственном горьком опыте познала, что такое брак без любви. Она была помолвлена, когда еще лежала в колыбели. Они с мужем совершенно не подходили друг другу, и ее жизнь превратилась в ад на земле. Так продолжалось до тех пор, пока он не умер. Велвет – плод огромной любви, и потому невероятно дорога своим родителям. Они предполагали, что ты приедешь на ее шестнадцатый день рождения и несколько месяцев проведешь в поместье, чтобы познакомиться и, узнав ее получше, расположить к себе. Мою сестру берегли как зеницу ока, и вполне возможно, что со временем она влюбилась бы в тебя, но эти неожиданные перемены в твоей жизни и стремление жениться как можно скорее напугали ее. Она совсем тебя не знает, Алекс. К тому же ты ни разу не навестил ее за те годы, что минули со дня вашей помолвки. Ее родители в отъезде, поэтому, получив твое письмо, она почувствовала себя в западне, тем более что наш дядюшка Конн не оказал ей никакой поддержки.

– Но я действительно должен жениться! Одна лишь мысль, что Дан-Брок может унаследовать мой слабовольный идиот зять, сводит меня с ума. Я не могу ждать!

На лице графа было написано такое отчаяние, что Робин смягчился:

– Послушай меня, Алекс. Я унаследовал Линмут, будучи еще младенцем. Мой отец и младший брат умерли во время эпидемии, и я оказался последним представителем нашего рода. И все же прошло почти двадцать лет, прежде чем я женился и обзавелся детьми. Прояви терпение: если ты хочешь завоевать мою сестру и впоследствии счастливо жениться на ней, тебе, дружище, придется овладеть наукой ухаживать. Моя мать и отчим вернутся в Англию через несколько месяцев и, уверен, поддержат тебя, если, конечно, к тому времени Велвет не воспылет к тебе ненавистью.

– Под ухаживаниями ты, как я понимаю, подразумеваешь ваши драгоценные английские правила обращения с девицами?

Робин рассмеялся.

– Не надо ворчать. Это не я послал в Куинс-Молверн записку с требованием выдать мне невесту. Тебе чертовски повезло, что Велвет не напросилась на службу к своей второй крестной – королеве Франции Марго! Умоляю, не будь таким упрямым, когда речь заходит о моей сестре. Ваш король Джеймс Стюарт однажды займет английский трон, и тогда все мы станем единым целым.

– Черт возьми, Робин, еще никогда в жизни я не ухаживал ни за одной женщиной. Когда мы учились в университете в Париже, а потом путешествовали по Франции и Италии, в этом не было необходимости: были бы деньги, а сантименты ни к чему. В Дан-Броке девицы сами падали к моим ногам, когда я был всего лишь наследником титула, а теперь, когда стал хозяином замка, от них и вовсе отбоя нет.

– В таком случае пришла пора научиться ухаживать за приличной молодой леди, Алекс. Знаешь, это действительно непросто: стихи и цветы, очаровательные подарки и остроумные шутки, нежные слова и комплименты...

– Она такая красивая, – буркнул Брок-Керн, вынув из кармана камзола миниатюрный портрет Велвет.

– Да, она действительно хороша собой, – кивнул Робин, изо всех сил сдерживая улыбку. – А кроме того, умна, независима и крайне избалована.

– О господи! Не пугай меня! И как, скажи на милость, мне, простому горцу, справиться со всем этим? – воскликнул новоиспеченный граф.

– Главное, приятель, ни в коем случае не показывать ей своего страха, – наставительно произнес Робин. – Она девственница, непорочная душа. Ухаживай за ней нежно, но решительно, без сюсюканий. Еще ни один мужчина не пытался добиться ее расположения, так что все будет зависеть от того, как ты себя поставишь.

– Как бы мне хотелось, чтобы она не знала, кто я такой! Было бы здорово встретиться с ней, но не говорить, что я тот самый граф Брок-Керн, от которого она сбежала.

Робин на мгновение задумался, прищурил свои зеленые, цвета спелого лайма, глаза, затем произнес:

– По словам моего дядюшки, Велвет ничего не желает о тебе знать, поскольку ужасно запаниковала при мысли о внезапном замужестве. Возможно, она и помнит твой титул, но готов биться об заклад, что не знает твоего имени. Позволь представить тебя как лорда Гордона, и если Велвет ничего заподозрит, у тебя появится возможность немного за ней поухаживать, да и она наверняка будет чувствовать себя в твоём обществе более непринужденно.

– Но захочет ли она принять ухаживания постороннего мужчины?

– Это будет всего лишь невинный флирт. Все девушки это обожают. – Робин беззаботно рассмеялся. – Им приятно осознавать, что жизнь до свадьбы полна приключений. И потом, уже в браке, им не захочется смотреть на сторону.

Теперь рассмеялся Алекс Гордон.

– И откуда, скажи на милость, у тебя такие познания? Ты ведь моложе меня.

– Это все опыт. Да, ты старше меня на три года, но я уже успел жениться, стать отцом и овдоветь.

– Прискорбно, друг, что так случилось, – тихо сказал Алекс. – Жаль, что мы с Элисон так и не познакомились. Наверняка она была замечательная, коль ты до сих пор так по ней убиваешься.

– Да, ты прав: она действительно была очень славная, – кивнул Робин. – Если бы ты не находился во Франции, мог бы приехать на свадьбу.

– Я там был по заданию его величества: мне много приходится делать для Стюартов. – Он ободряюще улыбнулся. – Не тужи: придет время, и ты встретишь другую девушку, Робин.

– Нет, больше я жениться не намерен, – спокойно, но твердо заявил Робин.

Александр не стал разубеждать друга, а предпочел сменить тему:

– Ну так что, познакомишь меня со своим Лондоном?

– Конечно! С радостью покажу тебе город. А после праздника в честь королевы мы вместе отправимся ко двору. Через несколько дней состоится грандиозное торжество. Уверен, что так в этом доме не веселились с тех пор, когда еще был жив мой отец. На Крещение он всегда устраивал маскарад, и все портные Лондона были загружены работой, поскольку им заказывали самые невообразимые костюмы. После смерти отца мать почти не жила в этом доме: переехала в свой собственный, расположенный по соседству, который, кстати, потом отойдет Велвет.

– Когда познакомишь с сестрой?

– Она приедет сюда за день до праздника. Не робей, Алекс! Велвет, бывает, бузит и швыряется всем, что под руку попадет, но вроде пока никого не укусила.

Алекс бросил на друга уничижительный взгляд, а тот лишь сдавленно фыркнул и озорно рассмеялся.

Спустя несколько дней Робин привез сестру в Линмут-Хаус, с надеждой, что Алекс не ударит лицом в грязь и будет правильно ухаживать за дамой. Велвет тем временем переполняла восторг. Королевский двор, да и сам Лондон произвели на нее неизгладимое впечатление, и это было совершенно неудивительно, учитывая, что ее жизнь в Куинс-Молверне до того текла размеренно и спокойно.

Родовое поместье брата очаровало Велвет, и она с такой непосредственностью восхищалась всем, что ее окружало, что неизменно вызывала улыбки на лицах многочисленных слуг, знавших и ее, и Скай.

– А у меня гость, Велвет, – как бы между прочим заметил Робин.

– Кто?

– Александр Гордон, мой шотландский друг, с которым мы учились в Сорбонне. Я не раз упоминал о нем, помнишь? Мы познакомились в университете, а потом вместе снимали жилье и путешествовали по Европе.

Велвет лишь рассеянно что-то буркнула: друзья брата ее совершенно не интересовали. Все ее внимание сейчас было поглощено украшавшими холл полупрозрачными фарфоровыми вазами с букетами алых дамасских роз.

– Возможно, я познакомлю тебя с ним за ужином.

– С кем?

Велвет вдруг осознала, что не понимает, о чем говорит брат.

– С Александром Гордоном, моим другом, с кем же еще? – немного раздраженно повторил Робин.

– Извини, мне так нравится твой дом, что я забыла обо всем на свете. Обещаю, что вечером буду внимательной и вежливой с твоими гостями. Пэнси еще не приехала из Уайтхолла?

– Я спрошу у экономки, а потом покажу тебе твои апартаменты.

Робин проводил сестру в библиотеку, налил ей легкого фруктового вина, золотом перебивавшегося в кубке, а потом вызвал лакея и отправил его на поиски экономки. Та явилась через минуту и, присев в реверансе, заверила госпожу де Мариско, что ее камеристка благополучно прибыла в Линмут-Хаус вместе с гардеробом своей хозяйки и уже готовит для нее ванну.

Велвет поднялась, поцеловала брата и отправилась в сопровождении экономки в отведенную ей комнату. Пожилая женщина буквально светилась от радости в предвкушении порадовать юную леди рассказами о молодости ее матери.

Отведенные Велвет просторные апартаменты состояли из прихожей, чудесной светлой спальни, окна которой выходили на реку и сады, гардеробной и маленькой отдельной комнатки с окном для Пэнси. Девочка была почти ровесницей своей госпожи, но мать отлично ее подготовила. Она так искусно управлялась с волосами, что, когда об этом прознали фрейлины, стала просто нарасхват, если, конечно, позволяла госпожа. А это означало, что фрейлинам, попавшим в немилость к Велвет, ждать помощи от преданной Пэнси не приходилось.

При виде ванны, от которой исходили клубы ароматного пара, девушка не смогла удержаться от бурного выражения восторга. При дворе ей не удавалось купаться слишком часто. Даже когда выдавалась свободная минутка, что, к слову сказать, случалось довольно редко, Велвет приходилось подкупать лакеев королевы, чтобы принесли воды, желательно горячей, в ее крошечную комнатку.

Воздух ее спальни в Линмут-Хаусе наполнял аромат левкоев, а на решетке перед камином грелись заботливо развешанные Пэнси полотенца.

– О как бы мне хотелось всегда останавливаться в доме Робина во время визитов в Лондон, Пэнси! Какое это счастье опять иметь возможность купаться каждый день!

– Это верно, – согласилась девочка. – Мне тоже не по душе все эти благородные леди, которые предпочитают маскировать несвежий запах тела духами, вместо того чтобы воспользоваться старым добрым мылом и водой. Идемте, госпожа, я помогу вам раздеться.

Велвет спокойно стояла, пока служанка ловко освобождала ее стройное тело от одежды.

– Ты привезла мое новое платье цвета морской волны, Пэнси? Мне бы хотелось надеть его сегодня вечером. Пусть Робин увидит, как я повзрослела.

Велвет опустилась в ванну и блаженно зажмурилась, вызвав улыбку горничной.

– Да-да, привезла, как и платье из шелка цвета топаза с золотистой отделкой, которое мы собирались надеть на торжество, – продолжила тараторить Пэнси. – Знаете, госпожа, а я ничуть не удивлюсь, если его светлость действительно захочет, чтобы вы жили в его доме во время своих визитов в Лондон. Почему бы вам не попросить его об этом? Он всегда был щедр, к тому же вы его любимица, как и Уиллоу.

Велвет кивнула, а Пэнси опустилась на колени, взяла кусок мыла кремового цвета и принялась намыливать госпожу, затем тщательно промыла волосы и ополоснула теплой водой. Выйдя из ванны, Велвет оказалась тотчас же закутанной в большое согретое полотенце и опустилась на низкий стульчик перед камином, чтобы Пэнси смогла просушить и надушить ей волосы. Когда все было закончено, Велвет накинула розовый шелковый халат и улеглась в чудесную широкую кровать с пуховыми подушками, чтобы немного вздремнуть перед ужином.

Когда Пэнси ее разбудила, девушка чувствовала себя свежей и отдохнувшей. С удовольствием потянувшись, Велвет надела шелковое нижнее белье, баснословно дорогие шелковые розовые чулки с серебристыми кружевными подвязками, расшитые листьями в форме сердечек, несколько нижних юбок, юбку с фижмами и, наконец, новое платье цвета морской волны. Тугой лиф обтянул грудь подобно второй коже, обнажая нежные округлости почти до темных ореолов. Вспыхнув до корней волос, Велвет неуверенно поинтересовалась:

– Пэнси, тебе не кажется, что декольте слишком уж глубокое?

Девушка сделала шаг назад и окинула госпожу критическим взглядом.

– Нет. Именно так диктует нынешняя мода, поэтому привыкайте.

Велвет с минуту смотрела на собственное отражение в зеркале. Платье оказалось действительно великолепным. Рукава и нижняя юбка были расшиты листочками из крошечных стеклянных бусин более светлого, нежели само платье, оттенка. Подол украшали крошечные серебряные бантики. Из украшений Велвет надела только сережки с крупными жемчужинами, которые прислали ей ко дню рождения из Индии родители. Их доставили совсем недавно, и леди Сесили переслала подарок из Куинс-Молверна в Лондон.

Усевшись перед туалетным столиком, Велвет молча наблюдала, как Пэнси укладывает ее волосы: расчесывает на прямой пробор, оставляет два завитка, обрамляющих красивое лицо, а остальную массу скручивает в мягкий пучок на затылке. Когда с прической было покончено, Велвет нанесла на виски по капельке духов, наслаждаясь их пьянящим ароматом.

– Его светлость будет сражен, – с благоговением произнесла Пэнси, когда Велвет поднялась со стула и надела зеленые шелковые туфельки.

– Не хочу, чтобы Робин сожалел о том, что попросил именно меня помочь ему в организации праздника для ее величества. Он ведь джентльмен до мозга костей, а значит, все должно быть на высшем уровне. Сегодня испробую свои чары на его друге лорде Гордоне – возможно, решусь даже на легкий флирт.

– Я-то думала, вам этого при дворе хватает, – буркнула Пэнси.

– Ха! – воскликнула Велвет. – Это рядом с Уотом и Плутотом, которые с усердием Цербера охраняют мою добродетель? Да большинство джентльменов не решаются ко мне приблизиться и на пушечный выстрел: того и гляди вызовут на дуэль.

Пэнси захихикала.

– Вот и хорошо, госпожа. Если помните, вы обручены.

Остановившись на пороге спальни, Велвет обернулась и недовольно посмотрела на служанку. Обручена! Господи, как же ненавистна ей даже мысль об этом! Интересно, этот дикий шотландец уже прибыл в Куинс-Молверн? И как отреагировал на ее отсутствие? Неужели у него хватило наглости надеяться, что знатная юная леди будет сидеть и ждать, когда он на ней женится? Ни разу за все те годы, что минули с их помолвки, он не приехал, чтобы повидать ее. Да что там – даже не написал ей ни разу! О подарках на день рождения, Новый год или Крещение и говорить не приходится. И вдруг... Равнодушная короткая записка с извещением о прибытии на целый год раньше оговоренной даты и желании немедленно заключить брак. Нет, это просто неслыханно! Наглец! Невоспитанный мужлан! Пусть убивается к дьяволу!

Спускаясь по лестнице, Велвет даже не подозревала, что бушевавшая в душе ярость окрасила ее кожу нежным румянцем, придав ей еще больше очарования. Робин смотрел на сестру точно громом пораженный. Куда подевалась милая симпатичная девочка, которую он

так любил? Многое в этой новой Велвет напоминало их мать. Скай О'Малли точно так же склоняла голову, когда злилась или была чем-то недовольна.

При виде приближающейся невесты сердце Александра Гордона затрепетало от восхищения. Наяву Велвет оказалась куда прекраснее любого изображения, и Алекс понял, что готов на все ради обладания ею. И не допустит, чтобы она досталась кому-то другому. На мгновение ему показалось, что он лишился дара речи и уже никогда не сможет заговорить. Господи! Да что это с ним – ведет себя как влюбленный мальчишка, сраженный красотой маленькой чертовки.

На предпоследней ступени Велвет остановилась и, глядя на взиравших на нее мужчин, с усмешкой поинтересовалась:

– Итак, Робин, ты поражен моей неземной красотой или, напротив, я выгляжу столь ужасно, что у тебя отвисла челюсть?

Граф Линмут расхохотался.

– Моя дорогая Велвет! Ты не просто хороша сегодня, а ошеломляюще красива! И такая взрослая!

– Наверное, просто пришла пора повзрослеть.

– Интересно, согласятся ли с этим родители? Ты им очень дорога, а столь важные перемены в тебе произошли в их отсутствие.

Мгновение брат и сестра просто смотрели друг на друга, а потом Велвет предложила:

– Может, представишь меня своему другу?

Вспомнив о своих обязанностях радушного хозяина, Робин ответил:

– Велвет де Мариско, позвольте представить вам Александра, лорда Гордона. Алекс, это моя сестра Велвет.

Со своего места на предпоследней ступеньке лестницы Велвет царственно протянула руку, копируя жест королевы. После того как Александр, легко коснувшись ее губами, выпрямился, Велвет ошеломленно обнаружила, что глаза их оказались на одном уровне. Легонько сжав пальцы девушки, лорд Гордон помог ей преодолеть последние ступени, и Велвет пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо, несмотря на то что сама она была довольно высокой.

В янтарных глазах Алекса заплясали озорные искорки, когда, осознав собственное преимущество, он вновь ощутил прилив уверенности.

– Как не стыдно, милорд. Вы, похоже, со мной флиртуете? – игриво спросила Велвет, похлопав пушистыми ресницами.

– С вами невозможно не флиртовать, юная леди, – последовал быстрый ответ, и Велвет рассмеялась:

– С вашим острым языком вы будете иметь успех при дворе, милорд!

Ощувив, что Алекс разжал пальцы, девушка грациозно высвободила свою руку, а Робин Саутвуд испустил тихий вздох облегчения. Слава богу, Велвет не заподозрила, что лорд Гордон и граф Брок-Керн – одно лицо, и, судя по всему, он ее не раздражал. Кроме того, Робину сразу стало ясно, что друг потерял от Велвет голову. Да поможет ему Господь!

Остаток вечера прошел настолько спокойно и хорошо, что Робин не поверил собственному счастью. Ужин оказался выше всяческих похвал, а беседа за столом получилась веселой и остроумной. Велвет бесстыдно флиртвала с Алексом. После того как все трое немного поиграли в карты, девушка отправилась в постель, вполне удовлетворенная действием своих женских чар.

– Как думаешь, может, все же сказать ей, кто я такой? – предложил Алекс, когда чуть позже друзья устроились у камина в библиотеке и налили себе по бокалу отменного виски, привезенного из Шотландии. – Велвет превзошла все мои ожидания и оказалась самым очаровательным существом из всех, кого мне приходилось встречать.

– Нет, – не согласился Робин. – Если она узнает правду, то опять почувствует себя загнанной в угол и сбежит. Вы только познакомились. Дай ей время узнать тебя, привыкнуть.

– Но я ей, кажется, понравился: она так мило кокетничала.

– Она всего лишь впервые попыталась опробовать свои чары на мужчине. Знаю, ты очарован ею, я вижу это по твоим глазам, но все же прояви терпение, старина. Она так чиста и невинна, что почувствует себя обманутой, если ты откроешь ей правду сейчас. Дай ей возможность узнать тебя получше.

Александр Гордон испустил тяжелый вздох, но тем не менее согласно кивнул. Нелегко будет проявлять терпение теперь, когда познакомился с невестой. Сегодня вечером он оказался опасно близок к тому, чтобы заключить Велвет в объятия и накрыть поцелуем ее соблазнительные губы. Интересно, как бы она отреагировала, если бы он пошел на поводу у своих желаний? Прильнула бы к нему в порыве страсти или, напротив, разгневалась на него за столь вопиющую дерзость? В конце концов, девушка принадлежит ему по праву – это гарантировал заключенный их родителями договор, – и никто не может на нее претендовать! Разгоряченный такими мыслями и внезапно охватившей его ревностью, Алекс спал ночью очень беспокойно.

На следующее утро Линмут-Хаус напоминал проснувшийся вулкан. Всюду деловито сновали лакеи, получившие приказ до блеска отполировать и отчистить все имеющееся в доме серебро, золото и хрусталь. Все свечи, начиная с самых простых и заканчивая теми, что расцвечивали роскошные люстры в главном зале, были заменены на новые восковые. Столы слуги вынесли в сад, где, как предполагалось, и состоится торжественный обед для королевы и ее свиты. Вокруг столов суетились служанки, расстилая скатерти и расставляя приборы. Горничные наводили порядок в комнатах и коридорах. После обеда начнут прибывать гости, и к этому времени все должно быть готово.

Робину очень хотелось, чтобы Елизавета Тюдор получила истинное наслаждение от праздника. Ее величество благоволила отцу Робина и, несмотря на постоянные стычки с его матерью Скай, тепло относилась к нему и была его покровительницей.

В последние месяцы в жизни королевы было много личных переживаний и даже трагедия. Ее величеству пришлось признать, что кузина Мария Стюарт представляет для нее серьезную опасность, а избавиться от этой опасности можно только одним способом: лишив своего врага жизни. Елизавета так и поступила, хотя решение далось ей непросто и чувство вины преследовало ее по сей день.

Но беда не приходит одна. Зять Елизаветы Филипп Испанский собрал армаду кораблей и собрался послать ее на Англию. Из всех докладов следовало, что положение Испании нерушимо и ее армия вполне может завоевать Англию. И все же ее величество всеми силами пыталась не допустить захвата королевства. В последнее время на нее покушались несколько раз, но она избежала смерти благодаря прекрасной организации секретной службы сэра Фрэнсиса Уолсингема, однако напряжение сохранялось.

Граф Линмут с удовлетворением подумал, что по крайней мере сегодня королева может чувствовать себя в безопасности среди друзей и наслаждаться прекрасным вечером. Робин улыбнулся, окинув взглядом свой чудесный сад, раскинувшийся на берегу реки. Слуги украсили его фонариками, и с наступлением темноты они будут мерцать подобно сотням золотистых светлячков. Среди ветвей прятались серебряные клетки с разнообразными певчими птицами. Столы были накрыты белоснежными камчатными скатертями, украшенными зеленой шелковой каймой, символизирующей цвета Тюдоров. Повсюду виднелись серебряные вазы с букетами нежно-розовых дамасских роз. В центре сада возвели и выкрасили серебряной краской помост для музыкантов, чтобы усладить слух ее величества. Кроме того, Робин нанял труппу актеров, которые подготовили сценки о самых знаменательных моментах правления королевы. Маэстро Марло, модный лондонский драматург, написал шутливую пьесу и наме-

ревался самолично в ней сыграть. Робин заплатил баснословную сумму изготовителю фейерверков из Италии, чтобы в полночь тот устроил грандиозный салют для увеселения королевы и ее двора. Словом, вечер обещал стать незабываемым.

– О, Робин, какой же ты красавец!

Развернувшись, граф тепло улыбнулся сестре.

– Стало быть, ты оценила мой наряд, крошка?

Камзол и панталоны графа, скроенные из бархата и шелка цвета сливок, были расшиты золотистыми нитями, мелкими бриллиантами, жемчужинами и бледно-голубыми цирконами. Белокурые, с золотистым отливом волосы, такие же шелковистые, как у его отца, лежали мягкими волнами. Робин предпочитал стричься коротко, и все же один непослушный локон выбился из безукоризненной прически и упал ему на лоб.

– Могу ли я ответить комплиментом на комплимент, госпожа де Мариско? Ваше платье настоящее произведение искусства! – Зеленые глаза Робина одобительно заблестели.

Горделиво вскинув голову, Велвет царственно покружилась перед братом.

– Это платье сшили в Куинс-Молверне после моего отъезда, а затем переслали в Лондон. Я сама выбрала ткань в кладовой.

– И ты не ошиблась с выбором, моя дорогая, – сказал Робин, и Велвет зарделась, испытывая удовольствие от его похвалы.

Это платье и впрямь было самым взрослым из тех, что ей доводилось носить, и Велвет больше не смущало глубокое декольте, ставшее приметой моды того времени. Платье было полностью сшито из отливавшего золотом шелка цвета топаза, а вот нижнюю юбку портниха расшила медными нитями, мелким речным жемчугом и крошечными топазами, из которых складывались очертания бабочек и цветов. Пышные рукава, украшенные россыпью золотых бантиков, были оторочены золотым кружевом у запястья. Точно такие же золотые бантики виднелись на выполненной в форме колокола юбке и в роскошных золотисто-каштановых волосах Велвет, которые Пэнси собрала в элегантный пучок.

– На тебе совсем нет драгоценностей, – заметил Робин.

– Только жемчужные серьги, что прислали мама и папа ко дню моего рождения, – ответила Велвет.

Робин подал знак одному из лакеев и приказал:

– Разыщи мистера Брауна и передай ему, чтобы захватил нитку черного жемчуга для госпожи де Мариско.

– О, Робин! Как это мило – одолжить мне этот жемчуг! Он идеально дополнит мой наряд. Ведь рядом с графом Линмутом должно стоять само совершенство.

– Я не собираюсь одалживать тебе жемчуг, Велвет. Пусть это будет моим подарком ко дню рождения, а то два последних года я ничего тебе не дарил, хотя никогда не забывал.

Велвет поцеловала брата в щеку.

– Ты оплакивал Элисон, и в твоем сердце больше ни для чего не было места. Я знаю. Все мы знаем. – Велвет крепко обняла Робина. – Спасибо, мой дорогой братец! Это чудесный подарок!

– Ну, что я говорил тебе, Уилл? Стоит подарить девице симпатичную безделицу, и она тут же вознаградит тебя поцелуем и не только, – насмешливо протянул кто-то за спиной Велвет.

Брат и сестра обернулись, и при виде одного из подошедших к ним мужчин на лице Робина отразилось узнавание и даже радость.

– Черт возьми, Кит Марло, да ты совсем не меняешься. Все так же не признаешь ни титулов, ни званий?

– Верно, Робин Саутвуд, поскольку не считаю, что кто-то из представителей мелкопоместного дворянства лучше меня. Кто эта девица?

– Моя младшая сестра Велвет де Мариско. Велвет, этого негодяя зовут маэстро Кристофер Марло. Не верь ни единому его слову, ибо он драматург и, что еще хуже, актер.

Мистер Марло одарил брата и сестру ослепительной белозубой улыбкой, и его похожие на спелые темные вишни глаза на смуглом лице горели дерзостью.

– Это уже вторая из твоих сестер, и обе такие красавицы. – Он грациозно расшаркался перед Велвет, взмахнув при этом своей небольшой черной шапочкой, украшенной изящным пером. – Ваш раб навеки, госпожа де Мариско. Просите что угодно – все исполню.

Велвет захихикала.

– Мне кажется, вы немного сумасшедший, мистер Марло, – заметила Велвет с улыбкой.

– Совершенно верно, – кивнул Марло. – И это делает меня гениальным.

– Представь нас своему другу, Кит, – попросил граф, заметив, что стоявший поодаль товарищ драматурга неловко переминается с ноги на ногу.

Даже не потрудившись обернуться, Марло протянул руку и, подтолкнув вперед своего нерешительного друга, высокого худощавого молодого человека с серьезным чувственным лицом, горестно вздохнул:

– Ох уж эти неотесанные провинциалы! Такие робкие и смиренные поначалу, но помяните мое слово: через год он станет таким же дерзким, как я. Это Уильям Шекспир, недавно приехавший из Стратфорда-на-Эйвоне. Он тоже намерен стать драматургом, но пока лишь простой актер.

– Надеюсь, в Лондоне вы обретете все, о чем мечтаете, мистер Шекспир, – заметил Робин.

– Благодарю вас, милорд, – вежливо поклонился Шекспир.

– Я тоже в Лондоне впервые, мистер Шекспир, – подхватила инициативу брата поддерживать молодого актера Велвет. – Служу фрейлиной у королевы.

– Лишь до тех пор, пока родители не вернутся из путешествия. Не забудь: скоро твоя свадьба, – напомнил сестре Робин.

– О боже, опять ты за свое, Робин Саутвуд! – раздраженно воскликнула Велвет. – Повторяю в сотый раз: замуж без любви я не выйду!

– Милорд, вы посылали за этим жемчугом? – прервал беседу мистер Браун, протягивая графу небольшой футляр из алого сафьяна.

– Увидимся позже, Роб, – произнес Кит Марло. – Надеюсь, вам понравится моя пьеса. Госпожа де Мариско, не предавайте свои чистые и искренние идеалы. Идем, Уилл!

Подхватив под руку товарища, драматург двинулся прочь.

Робин взял из рук слуги драгоценный футляр, открыл крышку и достал нить крупного темно-серого жемчуга.

– Это тебе, крошка. С днем рождения!

От гнева Велвет не осталось и следа: зеленые глаза заблестели от удовольствия. Она надела бусы на шею, но они оказались такими длинными, что спускались почти до середины корсажа.

– Как они смотрятся?

– Великолепно, – успокоил ее брат.

– Спору нет: жемчуг прекрасен, но с вами, леди де Мариско, не сравнится, – присоединился к Робину Александр Гордон, образец суровой элегантности в камзоле из черного бархата.

Велвет перевела взгляд с брата на его друга и заметила:

– Вы, когда стоите рядом, выглядите как Архангел и Люцифер.

– Нас так и называли когда-то, – сказал Алекс и поднес руку девушки к губам.

Глаза его излучали тепло, нежное и в то же время пугающее, и Велвет высвободила руку, отчего-то испытывая неловкость.

– Думаю, вы можете называть меня по имени, если, конечно, брат не сочтет это излишне фамильярным.

– Нет, не сочту, – кивнул Робин.

– Милорд, прибыли первые гости, – сообщил мажордом.

– Поприветствуем их на террасе, – сказал ему Робин, и мажордом с поклоном удалился. – Одни гости придут в каретах, а кое-кто предпочтет лодки, – пояснил Робин сестре. – Терраса располагается очень удобно – прямо посередине. К тому же ее величество придет из Уайтхолла на своей яхте, так что мы встретим ее на берегу.

Скоро, точно по какому-то тайному сигналу, известному лишь посвященным, начали прибывать гости. Одна процессия сменялась другой в нескончаемой череде разноцветных платьев и камзолов, драгоценностей и утонченных ароматов, варьирующихся от самых простых до откровенно приторных. Щеки Велвет свело судорогой от бесконечных улыбок, а ее рука стала безвольной и влажной от множества запечатленных на ней поцелуев. Стоя здесь, рядом с братом, она впервые осознала, какой груз ответственности лежал на плечах ее красивой матери до тех пор, пока ее не отлучили от двора. Велвет также понимала, что однажды, когда она станет женой высокородного лорда, эти же самые обязанности лягут и на ее плечи. Ребенку такое не под силу. Мысль об этом на мгновение ошеломила Велвет и привела в замешательство.

В глубине сада раздались возгласы, свидетельствующие о том, что яхта королевы обогнула излучину реки и следует в сторону Линмут-Хауса. Взяв сестру за руку, Робин через сад направился к причалу мимо многочисленных гостей. При виде поджидавших ее брата и сестры Елизавета Тюдор испытала острое ощущение дежавю. Молодой граф был точной копией своего покойного отца – несмотря на близкое знакомство с Робинем, королева осознала это только сейчас, – а очаровательная юная Велвет напомнила ей Скай. Хоть девочка и не унаследовала внешности своей матери, при взгляде на нее сразу становилось понятно, чья она дочь. Возможно, это благодаря ее надменно вздернутой маленькой гордой головке. На мгновение Елизавете показалось, будто время остановилось. Вид стоявших на причале брата и сестры вернул ее на двадцать лет назад, когда Линмут-Хаусом управлял ее дорогой ангел Джеффри Саутвуд и его прекрасная графиня Скай, с которой некогда Елизавета дружила.

– Ты видишь это, Роб? – обратилась королева к сопровождавшему ее стареющему графу Лестеру.

Граф понял, о чем она, и кивнул.

– Да, сходство есть.

– Мы стареем, Роб, – вздохнула королева.

Граф взял руку Елизаветы в свою и поднес к губам.

– Нет, Бесс. Это я старею, а ты навсегда останешься молодой.

Королева бросила на друга исполненный цинизма взгляд, но потом выражение ее темно-серых глаз смягчилось. Они слишком давно знали друг друга, с самого детства, даже родились в один день. Елизавета потрепала графа по руке, сжимавшей ее ладонь.

– Знаешь, что юный Саутвуд написал мне сегодня утром? Что вечером я буду в полной безопасности среди тех, кто меня любит. Что мне не стоит бояться испанцев. – Она усмехнулась. – Робин льстец, под стать своему отцу. Правда, еще не так ожесточен, как мой ангел граф. А потом, Роб, я прочитала депеши, присланные моим секретарем, и что ты думаешь? Узнала, что испанский флот готов выйти в море. – На этот раз смех ее был невеселым. – Вот так ирония судьбы, милорд. Это празднество может стать последним, на котором я присутствую в роли королевы Англии, если король Филипп все же добьется своего.

– Нет! – с жаром воскликнул Роберт Дадли. – Испанцы никогда не одержат победу над Англией, Бесс. Их единственным шансом была Мария Стюарт, но они постоянно поощряли ее предательство и злобу. Теперь же, когда она мертва, истинные католики не примут никого, кроме тебя. Да и возможен ли выбор между Филиппом Испанским и Бесс Тюдор, которая пра-

вит ими столь мудро и справедливо на протяжении всех этих лет? – Граф опять поднес руку Елизаветы к губам. – Испанцы настаивают на том, что это религиозная кампания, но в наше время такого понятия не существует.

Яхта королевы бесшумно ткнулась бортом в причал, и лакеи Линмут-Хауса тотчас же намотали на кнехты сброшенные с нее тросы. Елизавета поднялась со своего места и оправила подол кроваво-красного платья. Велвет присела в реверансе, а Робин, отвесив низкий поклон, подал королеве руку, помог сойти на причал и поднес ее изящную ладонь к губам:

– Добро пожаловать в Линмут-Хаус, ваше величество!

Королева улыбнулась и, окинув взглядом окрестности, с грустью произнесла:

– Столько лет прошло с тех пор, когда меня принимали здесь представители семейства Саутвуд! Кажется, последний раз я навещала этот дом, когда еще был жив ваш отец. Здесь так же чудесно, как и раньше.

Подав королеве руку, граф повел ее с пристани в сад, где их уже поджидали многочисленные придворные. Граф Лестер тем временем тоже выбрался на причал и подал руку Велвет, окинув девушку нескромным взглядом.

– А, вижу, матушка рассказывала вам обо мне. Жаль, что меня не было при дворе, когда вы приехали. Я Дадли.

– Я знаю, кто вы такой, милорд. А не смотрю я на вас лишь потому, что ваш взгляд слишком откровенен для столь короткого знакомства. Мама никогда не говорила о вас в моем присутствии.

Голос Велвет звучал довольно холодно и даже непочтительно, но граф не обиделся. Поведение девушки скорее позабавило его: такая она юная и наивная, – и все же его задело то обстоятельство, что Скай никогда не упоминала его имени. Впрочем, учитывая их отношения с леди де Мариско, это было ожидаемо.

– Ваши родители все еще путешествуют? – поинтересовался граф в надежде найти более безопасную тему для беседы.

– Да, милорд. Мы ожидаем их возвращения осенью.

– Жаль, – протянул граф Лестер задумчиво. – Мы могли бы воспользоваться флотом вашей матери для отражения атак испанцев.

Велвет резко вскинула голову и заявила:

– О’Малли не вмешиваются в политику.

– О’Малли не верны королеве? – тихо спросил граф.

– Я не О’Малли, милорд. Так откуда же мне знать ответ на этот вопрос? Я предана своей крестной, а мои родители – короне. Большого я сказать не могу. В конце концов, я всего лишь юная девушка, лишь недавно принятая на службу при дворе. Мне неизвестно, как устроен мир, ведь с детства родители всячески оберегали меня от невзгод.

Роберт Дадли глухо рассмеялся, а потом взял Велвет за подбородок, вынуждая поднять голову.

– Должен сказать, моя дорогая, вы довольно быстро учитесь, хотя и обосновались при дворе совсем недавно. Я вижу, вы многое унаследовали от матери.

Девушка отшатнулась, и глаза ее вспыхнули гневом.

– Сэр, вы слишком много себе позволяете!

Дадли рассмеялся.

– Дорогая моя, вы даже отдаленно не представляете, что значит позволять себе слишком много. Увы, я слишком стар и болен, чтобы вас просветить, но когда-то были времена, Велвет де Мариско, о да, были времена...

– А, отец! Мне стоило сразу догадаться, что вы захотите увести с праздника самую красивую девушку. Но только не Велвет! Боюсь, мы с Уотом первыми назначили этой даме свидание.

Рядом с Велвет внезапно возник граф Эссекс, и гневный взгляд девушки тотчас же сменился улыбкой.

– Плут! Где вы были? Королева уже здесь! Ужасно неприлично с вашей стороны так опаздывать! – принялась распекать графа Велвет.

– Королева уже меня простила, дорогая. Я бы не опоздал, но Уот несказанно расстроился, увидев свой новый камзол, так что нам пришлось ждать, пока его приведут в надлежащий вид. Черт бы побрал этого щеголя!

– С каких это пор вы с Рейли стали такими закадычными друзьями? – заинтересованно взглянул на пасынка графа Лестер.

– Угроза войны вкупе с прекрасной женщиной сделают друзьями кого угодно, мой дорогой отчим. Кстати говоря, где моя мать?

– Летиция? Хм! Разыщи своего приятеля Кристофера Бланта. Ручаюсь, там же ты найдешь и мать: жеманничает точно семнадцатилетняя девица, хотя ей уже перевалило за пятый десяток, – с кислым выражением лица ответил Дадли.

– Благодарю за совет, отец, – весело произнес Эссекс и, схватив Велвет за руку, потащил прочь. – Идем! Скоро начнутся танцы. К тому же мне необходимо засвидетельствовать свое почтение вашему брату.

– Чувствуйте себя как дома, милорд, – кивнула Велвет Дадли, уходя прочь с его пасынком.

Граф Лестер еще некоторое время смотрел ей вслед с улыбкой уставшего от жизни человека, а затем, пробравшись сквозь толпу, вновь присоединился к королеве. Елизавету окружали фавориты – как старые, так и новые. Сэр Кристофер Хаттон отпустил какую-то шутку, настолько развеселившую ее величество, что даже на суровом лице лорда Берли заиграла еле заметная улыбка. Был здесь также второй сын лорда Берли Роберт Сесил, которого готовили к роли преемника отца на случай его смерти. И сэр Уолсингем тоже. Лестеру очень хотелось бы знать, какие новости об испанском флоте принесла его довольно разветвленная сеть шпионов. В толпе почитателей королевы стояли и братья Бэкон – Энтони и Фрэнсис – вместе с фатоватым графом Оксфордом. Лестеру показалось подозрительным отсутствие в окружении королевы его пасынка Эссекса и сэра Уолтера Рейли, но они беседовали в дальнем конце сада с Велвет и молодым Саутвудом.

День незаметно сменился вечером – непривычно ясным и теплым для английского лета. Птицы в развешанных по деревьям клетках оживленно насвистывали, не обращая внимания на сумерки, ведь сад был ярко освещен покачивавшимися на ветру фонариками. Для гостей приготовили немислимое количество еды, и теперь им представилась возможность оценить по достоинству гостеприимство графа Линмута. Здесь было несколько говяжьих туш, предварительно хранившихся в каменной соли, а затем зажаренных на вертелах; сотня ножек ягнят в заправке из чеснока и розмарина; шестьдесят молочных поросят, запеченных в соусе из меда, апельсинов и черешни, с зелеными яблоками во рту. Мясо их под румяной хрустящей корочкой оставалось нежным и сочным. На серебряных блюдах красовались утки и каплуны в лимонно-имбирном соусе; нежная розовая ветчина, приправленная гвоздикой и вымоченная в мальвазии; лосось и форель на листьях кресс-салата, украшенные ломтиками лимона; креветки, сваренные в белом вине с травами. Повара зажарили на вертелах трех молодых оленей и поставили на столы несколько блюд с пирожками, начиненными нежным мясом кроликов и дичи. Гостей потчевали мелкими сочными крабами, к которым подали соус из горчицы, чеснока и уксуса, а также перепелами, куропатками и жаворонками, зажаренными до золотистой корочки и уложенными в гнезда из зеленого салата.

На столах также стояли блюда с тушеными французскими артишоками, приправленными оливковым маслом и настоящим на эстрагоне уксусом; большие вазы с горохом, глазированной медом морковью, салатом латук, редисом и луком-пореем. Пекари заготовили огромное

количество хлеба, который можно было сдобрить сливочным маслом, острым английским чеддером или нежным сыром бри, доставленным из Нормандии. Гости могли полакомиться свежей вишней, персиками, грушами, яблоками и поздней клубникой. Крошечные кексы, пропитанные кларетом или хересом, соседствовали со сладким заварным кремом, посыпанным тертым мускатным орехом. Пироги с начинкой из персиков, яблок, ревеня и клубники можно было приправить взбитыми сливками. Для утоления жажды лакеи разносили белое и красное вино, кларет и эль.

Когда гости насытились, на помост вышел маэстро Марло с актерами, для того чтобы разыграть сцены, прославляющие Елизавету Тюдор. Королеву изобразили доброй, великодушной и мудрой правительницей. Ее величество явно наслаждалась столь откровенной лестью, которая, подобно чудодейственному бальзаму, успокоила ее растревоженный ум и душу. Зрители вознаградили Кита Марло и его труппу оглушительными аплодисментами.

Когда начались танцы, на черном бархате неба зажглись яркие звезды. Елизавета Тюдор обожала танцы, поэтому Робин нанял самых искусных и неугомонных музыкантов. В партнерах ее величество не испытывала недостатка, и хозяин дома стал первым и не ударил в грязь лицом. Робина Саутвуда сменил Кристофер Хаттон, лорд-канцлер королевы. Завистники поговаривали, будто своим постом сэр Кристофер был обязан мастерству танцора. Только это было весьма далеко от правды. Возможно, изначально королеву и привлекло его умение выделять замысловатые па на паркете, но на посту лорд-канцлера он проявил себя как весьма способный и вполне компетентный служащий.

Велвет тоже не испытывала недостатка в партнерах и наслаждалась танцами так же, как и ее крестная королева: ловкая и грациозная от природы, легко и непринужденно порхала по залу, — а когда наконец выдалась свободная минутка, чтобы глотнуть свежего воздуха, незаметно выскользнула из зала и направилась к берегу, заросшему ивняком. Это был самый восхитительный праздник из всех, на которых ей доводилось бывать, а роль хозяйки дома делала ее второй по значимости дамой вечера. Для юной леди, едва начавшей выходить в свет, этот опыт оказался поистине опьяняющим. Прислонившись спиной к стволу дерева, Велвет прислушивалась к тихим звукам музыки, доносившимся из дома, и наблюдала за игравшими на поверхности Темзы лунными бликами.

— Приди ко мне и стань моей! Так насладимся мы полней, — раздался вдруг низкий мужской голос.

Подскочив от неожиданности, Велвет развернулась и увидела Кита Марло.

— Матерь божья! Господин драматург, как же вы меня напугали!

Заметив, что девушка едва не поскользнулась на поросшем мхом берегу, Марло подхватил ее и нежно привлек к себе, одарив улыбкой победителя.

— Осторожнее, дорогая, вы едва не свалились в воду.

Он обнял ее чуть крепче, и Велвет вдруг заметила, как сильно он напоминает дикого и необузданного цыгана. Так волнующе было оказаться в крепких мужских объятиях, что сердце забилось чаще. И все же что-то в облике мистера Марло заставляло ее нервничать. Слишком уж он напорист: ни одна благовоспитанная девушка не потерпит подобного обращения. Эта мысль придавала смелости, и Велвет решительно заявила:

— Благодарю вас, сэр, но если бы вы меня не напугали, то и помощь была бы не нужна. А теперь отпустите.

Драматург усмехнулся:

— Изображаете благопристойную маленькую кошечку, госпожа? Только вот я знаю все о нравах фрейлин ее величества. Это сборище веселых распутниц, охочих до плотских утех, хоть и поднадзорное такой суровой даме. Думаете, вы первая фрейлина, с кем я решил пофлиртовать? — Марло попытался было ее поцеловать, но она успела отвернуться, поэтому его влажные губы лишь легонько коснулись щеки.

Велвет мечтала о настоящих поцелуях, но уж точно не с этим мужчиной. Она передернулась от отвращения, однако Марло принял это за дрожь возбуждения и не оставил своих намерений, несмотря на довольно громкие возгласы протеста.

– Сэр, отпустите меня немедленно! Я расскажу брату о вашем возмутительном поведении!

Велвет уперлась руками ему в грудь и попыталась оттолкнуть, но он лишь рассмеялся:

– Черт возьми, моя очаровательная распутница, твои протесты еще сильнее разжигают во мне желание обладать тобой!

Ловкие пальцы мужчины потянули за ленты корсета, и Велвет едва не задохнулась от возмущения. Она и представить себе не могла, что мужчина может быть столь бесстыден в обращении с девушкой. Велвет ощутила прикосновение прохладного ночного воздуха к своей обнаженной груди, и в этот момент Марло, увидев ее замешательство, воспользовался ситуацией и зарылся лицом в вырез платья, чтобы вдохнуть опьяняющий аромат духов. Велвет вскрикнула от испуга и охватившей ее ярости, безрезультатно пытаясь высвободиться из цепких объятий негодяя. Слезы бессилия и отчаяния заструились по ее щекам. Обезумевший от вожделения Марло попытался опрокинуть девушку на поросший мягким мхом берег, но при мысли о том, что может случиться дальше, Велвет сопротивлялась, что есть силы: колотила, царапала негодяя и даже пыталась кричать. Он зажал ей рот ладонью, но разъяренная Велвет изловчилась и так его укусила, что он взвыл от боли и отдернул окровавленную руку.

– Ах ты, маленькая мерзавка! – в гнев воскликнул драматург, глядя на собственную ладонь с таким драматизмом, словно рана смертельная, хотя другой рукой крепко держал все еще пытавшуюся вырваться девушку. – Это же моя рабочая рука!

– Отпустите меня немедленно! – в негодовании зарыдала Велвет. – Королева непременно узнает об этом, и тогда не ждите пощады!

– Ну уж нет, моя прекрасная госпожа, ибо теперь вы у меня в долгу. – Он еще крепче сжал ее руку. – И я намерен получить сладкую компенсацию за эту ужасную рану!

– Черт возьми, Марло! – раздался изумленный голос, и из тени выступил Алекс Гордон. – Я всегда знал, что вы дамский угодник, но мне бы и в голову не пришло, что вы падете столь низко, вознамерившись совершить насилие. Да еще над сестрой хозяина дома! Отпустите девушку немедленно, или я буду вынужден изувечить вашу драгоценную рабочую руку, а может, и вовсе оторвать.

Внешне лорд Гордон казался спокойным, но в глубине души его клокотал гнев: он готов был разорвать на части мерзавца, осмелившегося посягнуть на его собственность. Алекс подошел как раз вовремя, но драку затевать не собирался даже ради спасения Велвет: ведь это совсем не поможет ему в деле, с которым он собирался обратиться к королеве.

– Эта мерзавка завлекла меня сюда, а потом прикинулась недотрогой, – заявил Марло, но руку с талии Велвет все же убрал.

Девушка гневно оттолкнула его и воскликнула:

– Лгун! Все было не так! Я вышла на улицу подышать свежим воздухом, а он последовал за мной.

Александр Гордон угрожающе прищурил свои янтарные глаза.

– Ваша репутация распутника и дуэлянта всем известна, сэр, однако сомневаюсь, что вам пойдет на пользу очередной скандал, тем более в присутствии королевы. Предлагаю вам удалиться, причем немедленно!

Марло на мгновение, казалось, задумался, а потом рассмеялся:

– Да, милорд, пожалуй, вы правы: ни одна девица не стоит таких неприятностей.

Он еще раз дерзко окинул взглядом черных глаз полуобнаженную грудь своей жертвы, а потом, отвесив насмешливый поклон, пошел прочь.

Повисла пауза. Алекс пришел в себя первым и подошел к Велвет, но та испуганно вскрикнула, когда он взялся за лиф ее платья:

– Что вы делаете?

– Привожу в порядок ваше платье. Думаю, сделать это нужно как можно скорее. Ведь если кто-нибудь нас увидит, ваша репутация будет запятнана. – Пальцы Алекса под ее ошеломленным взглядом ловко зашнуровали ленты корсета. Закончив, он заключил ее в объятия и произнес: – А теперь можете поплакать.

И Велвет, уткнувшись в мягкую ткань его камзола, дала волю слезам.

– Я его н-не с-соблазняла, – всхлипывая, проговорила девушка. – Это неправда.

– Знаю, дорогая, – кивнул Алекс. – Он талантливый писатель, но не слишком хороший человек. Марло славится своим отвратительным характером, который однажды все же сыграет с ним плохую шутку, и еще более отвратительной репутацией в том, что касается женщин. Я ни капли не сомневаюсь, что, увидев, как вы выскользнули в сад, он вознамерился воспользоваться вашей неопытностью.

– Я даже ни разу не целовалась, – прошептала Велвет.

– Он хотел не только поцелуя. Вы ведь это понимаете, верно?

– Да. – Девушка взглянула на Алекса, но тотчас же опустила глаза и зарделась, поняв, что он имеет в виду.

– Наверняка вы сталкивались с подобной проблемой и раньше – при дворе, например. Как вы с ней справлялись?

– Ко мне никогда не приставали столь откровенно и дерзко. И уж во всяком случае, не при дворе. Королева не очень-то жалует джентльменов, волочащихся за ее фрейлинами. Хотя я знаю некоторых леди и джентльменов, готовых навлечь на себя ее гнев ради короткого свидания, поцелуя или объятий. Но я не принадлежу к их числу. Более того – джентльмены попросту не отваживаются приблизиться ко мне, памятуя о суровом нраве моих родителей. – Велвет немного успокоилась, доверчиво прижавшись к груди большого сильного мужчины, и даже захихикала. – Я защищена лучше, чем испанская инфанта, с такими строгими дуэньями, как сэр Уолтер Рейли и граф Эссекс. Они давно всех предупредили, что с нечестивыми намерениями ко мне лучше не приближаться.

Только теперь Алекс понял, что так восхищало его в невесте. Велвет обладала удивительной способностью пробуждать рыцаря в каждом без исключения мужчине, оказывавшемся на ее пути. Все они стремились защитить ее, как это сделал только что он сам, а раньше – ее семья. Эта девушка слишком чиста и невинна, чтобы находиться при дворе. Сегодня ей повезло. Алекс на мгновение вышел из зала, чтобы немного отдохнуть от шума и толпы, когда услышал женский крик о помощи. Потом до его слуха донесся возглас Марло и приглушенные ругательства. Алекс сразу понял, что происходит, только не знал, что в беду попала его невеста. Но что, если бы он не подоспел вовремя?

Однако подумать над этим ему не удалось: Велвет, окончательно оправившись от потрясения, печально произнесла:

– Представляете, мне уже пятнадцать лет, а меня еще никто не целовал. Ни разу!

– Но ведь вы помолвлены – во всяком случае, так сказал ваш брат, – осторожно заметил Алекс.

– Да, помолвлена, – с вызовом заявила девушка, – но это произошло, когда мне было всего пять лет, и за все время мой жених ни разу не вспомнил обо мне, а несколько недель назад вдруг объявился. На протяжении десяти лет он игнорировал сам факт моего существования, а теперь заявляет, что намерен жениться немедленно и обзавестись сыновьями!

– Очевидно, он оказался в затруднительном положении, – попытался объяснить Алекс.

– Оказался в затруднительном положении? – фыркнула Велвет. – А как насчет меня? Родители обещали, что не выдадут меня замуж, если на то не будет моего желания, но они в

отъезде! Разве может человек, который ни разу не вспомнил о моем дне рождения, принять во внимание то обстоятельство, что я не могу выходить замуж за незнакомца, да еще в отсутствие родителей? Сомневаюсь!

– Поэтому вы решили отправиться ко двору? – уточнил Алекс, хотя уже знал ответ, несмотря на то что ее брат так и не решился сообщить ему правду.

– Да, потому что рядом с королевой я могу ничего не опасаться, а когда вернутся мои родители, эта проблема будет решена раз и навсегда.

– И все же вышеозначенный джентльмен имеет полное право требовать выполнения условий соглашения, юная леди.

– До возвращения родителей – нет. И уж совершенно точно моим мужем не станет тот, к кому я не испытываю чувств! – решительно повторила Велвет, вскинув голову и заглянув Алексу в глаза. – Давайте больше не будем поднимать эту неприятную тему, а лучше поговорим о том, как мне заполучить свой первый поцелуй. Вы мужчина, вы намного мудрее меня: так расскажите, как должна вести себя неопытная девушка, чтобы джентльмен захотел ее поцеловать?

– Велвет, дорогая, вы не должны обсуждать такие вещи с мужчиной.

– Почему? – удивилась девушка. – Все фрейлины королевы уже целовались, а я нет. Почему никто не хочет меня поцеловать?

Девушка так доверчиво смотрела на него, что уклониться от ответа не было никакой возможности. Ему доставляло огромное удовольствие сознавать, что Велвет, сама того не подозревая, принадлежит ему. А еще согревала душу мысль, что еще ни один мужчина не успел вкушать аромата его суженой. Но внезапно эта мысль сменилась другой, более тревожной. Алекс вдруг понял, что девушка вполне созрела для любви и если он не сорвет этот плод первым, осмелится кто-нибудь другой, несмотря на опасность навлечь на себя гнев Елизаветы Тюдор, Уолтера Рейли и Роберта Деверо.

– Первый поцелуй особенный, – задумчиво произнес Алекс, – и подарить его должен опытный мужчина.

– Вы как раз такой, я не сомневаюсь, – шепотом заметила девушка.

– Вы хотите, чтобы именно я в первый раз поцеловал вас, Велвет?

Девушка вспыхнула до корней волос:

– А разве не понятно? Или я должна попросить?

Алекс улыбнулся, вдруг осознав, что все еще сжимает девушку в объятиях. Крепче прижав ее к себе одной рукой, другой он легонько приподнял ей подбородок.

– Нет, вам не нужно ни о чем меня просить, ибо я сам мечтал об этом с того самого момента, как впервые увидел вас.

Алекс наклонил голову, и Велвет показалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, когда его золотистые глаза заглянули в ее изумрудные глаза. Губы Алекса неумолимо приближались, и желудок девушки сжался от смешанного со страхом сладостного предвкушения. Глаза ее закрылись сами собой, тело охватила дрожь, когда его губы нежно коснулись ее губ. Девушке на мгновение показалось, что она лишилась способности дышать и вот-вот упадет. Ноги внезапно стали ватными, и ей пришлось обхватить обнимавшего ее мужчину за шею.

До сего момента Алекс даже не подозревал, насколько податливыми и нежными могут быть женские губы. Поначалу поцелуй был легким, осторожным, но, поняв, что Велвет не проявляет страха и не пытается отстраниться, Алекс дал волю страсти. Тело его охватила дрожь пробудившегося желания, он понял, что должен немедленно разжать объятия, пока поцелуй не перерос в нечто большее, и неохотно отстранился, окинув взглядом ее побледневшее лицо. Она медленно открыла глаза и ошеломленно посмотрела на него.

В глазах Алекса заплескалась улыбка, когда он нежно коснулся пальцами ее щеки.

– Надеюсь, ваш первый поцелуй получился сносным.

Стараясь удержать равновесие, девушка лишь молча кивнула. Впрочем, слова были не нужны, ибо Алекс и так увидел ответ в ее потемневших от зарождавшейся страсти глазах. Велвет несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь разогнать горячий туман.

Заметив ее смятение, Алекс мягко произнес:

– Когда вы будете готовы вернуться на праздник, я провожу вас.

Наконец к девушке вернулся дар речи:

– Это всегда так?

– Как именно?

– Так... – Велвет помолчала, пытаясь подобрать точное слово. – Так ошеломительно!

Ее прямота и искренность очаровывали.

– Не могу говорить за всех, но лично мне этот поцелуй тоже показался весьма волнующим. Вы необыкновенная девушка!

Алекс взял Велвет за руку и попытался увлечь туда, где играла музыка и танцевали гости.

– Вы не хотите поцеловать меня еще раз? – спросила она вдруг.

Алексу пришлось остановиться и, взяв девушку за плечи, обеспокоенно заглянуть в глаза.

– Да, я с удовольствием поцелую вас, но вы должны мне кое-что пообещать.

– Что именно?

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы не обращались с подобными просьбами к другим джентльменам.

– Вы опасаетесь за мою репутацию, милорд, или же считаете, что я еще недостаточно опытна для поцелуев? – вскинулась Велвет.

– И то и другое, – улыбнулся Алекс – ее дерзость подкупала.

– А знаете, вы мне нравитесь, Александр Гордон, – вдруг заявила Велвет. – Будете моим другом?

От ее слов по телу Алекса разлилось блаженное тепло. Робин был прав, когда говорил, что надо подождать. Хорошо уже то, что он ей понравился, а вскоре, когда научит ее любви, будет еще лучше.

– Да, дорогая, я с удовольствием стану вашим другом.

– Я буду целовать только вас, Алекс, – тихо пообещала Велвет и со смехом добавила: – Во всяком случае, до тех пор, пока не овладею этим искусством в полной мере.

Вернувшись к гостям, Алекс поймал на себе испытующий взгляд Роберта Деверо. От графа не укрылось, что щеки Велвет пылают, глаза блестят, а губы припухли, и, подойдя к Алексу, он еле слышно произнес:

– Вы знаете, что ее величество не приветствует, когда волочатся за ее фрейлинами, милорд? Кроме того, девушка помолвлена.

– Мне прекрасно это известно, – спокойно ответил Алекс. – Не забывайте, что мы с братом Велвет старые друзья, и я вовсе не намерен рисковать этой дружбой. В моем обществе этой девушке ничто не угрожает.

– Святые небеса! – вмешалась Велвет. – Да вы хуже моего отца, Плут. Учитывая вашу собственную репутацию, такое рвение в заботе о моей добродетели вызывает по меньшей мере недоумение. Я прибыла ко двору, чтобы получить свою порцию удовольствий, прежде чем остепениться и превратиться в обремененную семьей матрону, поэтому прекратите меня опекать!

– Я лишь хочу вас предостеречь от необдуманных действий, способных испортить вам репутацию, – мрачно объяснил Эссекс.

Внезапно Велвет стало стыдно за свои слова. Роберт Деверо, которого она прозвала Плут, один из самых влиятельных придворных ее величества, и ей выпала честь заручиться его поддержкой и искренней дружбой.

– И я благодарна вам за это, мой дорогой Плут, но порой вы чересчур рьяно исполняете возложенные на себя обязанности. Лорд Гордон для меня такой же друг, как вы или Уот, чему я очень рада. – Велвет положила ладонь на руку Эссекса. – А теперь пойдемте выпьем чего-нибудь прохладного. Я не очень хорошая хозяйка, и Робин наверняка рассердится.

Столь откровенная лесть тотчас же вернула графу веселое расположение духа, и он с радостью пошел за девушкой в центр зал.

Уолтер Рейли улыбнулся наблюдавшему за происходящим Алексу.

– Нечасто встретишь среди фрейлин королевы столь обворожительное существо, правда, милорд?

Алекс внутренне сжался от недобрых предчувствий.

– Боюсь, сэр, вы меня с кем-то перепутали...

– Не думаю, – возразил Рейли. – У меня очень хорошая память на имена и титулы. Вы граф Брок-Керн, нареченный супруг Велвет, но не хотите, чтобы она об этом узнала, верно?

Глупо было отрицать очевидное, поэтому Алекс кивнул.

– Вы правы. Мы с Робинотом решили, что будет лучше, если мы сначала просто с ней подружимся.

– Стало быть, она никогда вас не видела? – уточнил Рейли.

– Когда мы виделись в последний раз, ей было всего пять лет.

Рейли ошеломленно посмотрел на собеседника.

– За десять лет вы ни разу не удосужились повидаться с ней? Не нашли времени приехать в Англию? Теперь я понимаю ее нежелание выходить за вас замуж, Гордон!

Алекс покраснел.

– Я много времени провел во Франции и Италии: учился, – потом выполнял кое-какие поручения короля, да и отец во мне нуждался, так что время пролетело незаметно. Перед смертью отец попросил меня как можно быстрее жениться на Велвет, чтобы не дать угаснуть нашему роду.

– Значит, – сухо подытожил Рейли, – вы, как примерный сын, бросились выполнять предсмертную волю отца, даже не подумав о чувствах девушки. Не слишком-то вы тактичны, милорд.

– Что верно, то верно, – невесело усмехнулся Алекс. – Робин уже отчитал меня за это. Боюсь, я позволил своему горю взять верх над здравым смыслом, поэтому и отправил ему письмо с требованием заключения брака досрочно, до того как Велвет исполнится шестнадцать, а теперь мне придется потрудиться, чтобы завоевать ее доверие и, если повезет, любовь. И до того она не должна знать, кто я такой.

– Я намерен открыть ваше настоящее имя королеве, – твердо заявил сэр Уолтер. – Это в ваших же интересах: чтобы добиться расположения Велвет, вам понадобится помощь ее величества. Она ревностно оберегает своих фрейлин, но, узнав, что ваши намерения благородны и что вы имеете полное право ухаживать за девушкой, непременно вам поможет. Нет лучшего друга, чем Елизавета Тюдор, но не позавидуешь тому, для кого она станет врагом.

– А как быть с Эссексом?

– Роберт Деверо молод и горяч, – заметил Рейли, – обычно мы мало с ним общаемся, так что нет нужды говорить ему, кто вы такой, лорд Гордон. Ведь в пылу он может, сам того не желая, выдать вас и тем самым испортить все дело. Роберт безрассуден, хотя и не преднамеренно. Я хотел бы прямо сейчас поговорить с королевой, а потом, с ее позволения, представлю ей вас.

Уолтер Рейли удалился, а Алекс отправился на поиски хозяина дома.

Рейли легко пробрался сквозь толпу, окружавшую королеву плотным кольцом. Елизавета внимательно слушала весьма занимательную историю, которую излагал ее новый фаворит

Энтони Бэкон, и все же от ее внимания не могла ускользнуть ни одна деталь. Не говоря ни слова и не отрывая глаз от рассказчика, она взяла Рейли под руку, и тот прошептал ей на ухо:

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

Королева кивнула и, когда Бэкон закончил и был вознагражден громким смехом, двинулась в сторону сада с сэром Рейли под руку. Толпа почитателей двинулась было следом, но ее величество обернулась и кокетливо приказала:

– Сохраняйте дистанцию, господа: не мешайте нашему с Уолтером уединению.

Дальше разочарованные придворные двигались за королевой на почтительном расстоянии.

– Благодарю вас, мадам, – произнес Рейли.

– О чем вы хотите попросить меня на этот раз, сэр? Я часто задаюсь вопросом, перестанете ли вы когда-нибудь попрошайничать, – поддразнила королева спутника.

– Когда пойму, что не могу больше рассчитывать на вашу щедрость, мадам, сразу перестану, – быстро нашелся с ответом Рейли, и королева рассмеялась.

– Вы, как всегда, за словом в карман не полезете, Уолтер! Надеюсь, речь не об испанской угрозе? Господи, только не очередной заговор!

– Нет-нет, ничего такого, – поспешил успокоить королеву Рейли. – Я собираюсь поведать вам некую историю, в которой ваше величество смогли бы сыграть важную роль и помочь обрести счастье влюбленным.

Сэр Рейли как можно деликатнее изложил ситуацию с Велвет и графом Брок-Керном, чтобы Елизавета не заподозрила истинную причину желания девушки ей служить.

По мере того как он говорил, лицо королевы приобретало выражение спокойствия и даже некоторого умиления. За те несколько недель, что Велвет находилась при дворе, она прониклась к девушке искренней симпатией. Крестница оказалась весьма неглупой, веселой, очень привлекательной и совсем непохожей на так раздражавших приторно льстивых девиц, что окружали ее. Елизавета прекрасно понимала страх девушки перед неизвестностью: мало того что какой-то совершенно незнакомый граф настаивал на досрочном заключении брака, так еще и собирался увезти ее из Англии, причем в отсутствие горячо любимых родителей. Велвет еще так молода и невинна, чтобы, не получив от жизни удовольствий, остепениться и вверить судьбу мужу до конца своих дней.

Королева прекрасно знала, что ее собственная судьба, равно как и судьбы других знатных и независимых дам, скорее исключение, чем правило. Большинство представительниц слабого пола вплоть до замужества пребывали под опекой своих отцов, а затем становились собственностью мужей. Елизавета Тюдор, как никто другой, знала, какой сильной может быть власть мужчины над женщиной. У нее на глазах отец погубил многих. Спаслись смогли лишь две из ее мачех – Анна Клевская и Екатерина Парр. Принцесса Клевская добровольно согласилась на развод, избежав тем самым участи матери Елизаветы Анны Болейн, а королева Екатерина Парр осталась в живых лишь потому, что Генрих Тюдор умер раньше ее. Да, королева Елизавета действительно прекрасно понимала, какова участь женщины в мире, которым правят мужчины.

И все же, по словам Рейли, граф Брок-Керн достойный джентльмен, и Велвет рано или поздно должна стать его женой. Состоявшаяся много лет назад помолвка была скреплена договором и одобрена лордом и леди де Мариско. То обстоятельство, что шотландец приехал в Лондон добиваться расположения Велвет, возвышало его в глазах королевы, но в то же время ей была непонятна причина для спешки: Велвет пожила бы это время при дворе, не нарушая договора, что казалось королеве вполне разумным решением.

– Я хотела бы познакомиться с этим джентльменом, Уолтер, – на девонширский манер произнесла королева.

Елизавете нравилось как-то по-особенному называть своих любимцев. Так, Лестера она называла своими Глазами, Хаттона – Веками, а Сесила – Душой.

– Я приведу его к вам, ваше величество!

– Нет, лучше пошлите за ним кого-нибудь, а сами останьтесь со мной.

Рейли обернулся к следовавшей за королевой на приличном расстоянии свите и окликнул фаворита Елизаветы:

– Бэкон, ее величество просит привести сюда лорда Гордона, гостя графа Линмута. Это высокий джентльмен с несколько грубоватым лицом.

– Весьма оригинальное описание, – удивилась королева. – Он действительно такой, этот шотландец?

– Он довольно красив, но лицо его словно вытесано из гранита его родных гор, – ответил Рейли. – Не удивлюсь, если придворные дамы станут наперебой добиваться его расположения.

– Хм... – задумчиво протянула Елизавета Тюдор.

– Он совершенно не разбирается в моде, – добавил Рейли. – Его одежда прискорбно проста.

Королева рассмеялась, сделала шаг назад и окинула критическим взглядом вызывающе яркий наряд сэра Рейли. Его камзол был так густо расшит золотыми бусинами, жемчугом и топазами, что королева с трудом разглядела цвет ткани. Рейли всегда слыл придворным модником и наверняка сделал бы своего портного самым богатым в Лондоне, если бы исправно платил по счетам.

– Уо-отер, – протянула королева, – при дворе никогда не было человека, способного тягаться с вами в вопросах моды, но мне почему-то кажется, что этот ваш граф мне очень понравится, как и всем бесстыдницам, что обитают при дворе. Они будут страшно разочарованы, если все его внимание сосредоточится лишь на моей крестнице Велвет.

Они еще некоторое время непринужденно болтали, как старые добрые друзья, пока королева не заметила Энтони Бэкона, возвращавшегося в компании невероятно привлекательного джентльмена. При виде шотландского графа королева на мгновение пожалела, что не может превратиться в простую фрейлину вроде Велвет. Как было бы замечательно принимать ухаживания такого мужчины. Бэкон и его спутник подошли ближе, и королеве пришлось забыть о жалости к себе.

Елизавете понравился прямой открытый взгляд графа. Она спокойно восприняла внешнюю привлекательность шотландца, а вот выражение янтарных глаз не оставило ее равнодушной. В них читались уверенность, преданность и надежность. Большие сильные руки с длинными пальцами свидетельствовали о том, что граф вовсе не изнеженный сибарит. Но более всего королеву поразило, насколько спокойно и невозмутимо он встретил ее прожигающий насквозь взгляд. Елизавета Тюдор инстинктивно проникалась к тем, кто не отводил глаза, поскольку осмеливались на подобное немногие.

– Мадам, – произнес Рейли, – позвольте представить вам Александра Гордона, графа Брок-Керна. Это о нем я вам рассказывал.

– Добро пожаловать ко двору, милорд, – спокойно проговорила королева. – Как поживает мой юный кузен Джеймс Шотландский?

– К сожалению, не могу ничего сказать вам, мадам, – ответил Алекс. – Я предпочитаю появляться при дворе Стюартов как можно реже, да и семейные дела вынуждают меня проводить почти все время в Дан-Броке или Абердине.

«Значит, вот она какая – женщина, по приказу которой была казнена Мария Стюарт», – подумал Алекс. Сестры оказались такими разными! Пусть Алексу и не доводилось лично встречаться с покойной королевой Шотландии, но впечатление о ней сложилось по рассказам отца.

Ангус Гордон был бесконечно предан своей сводной сестре Марии Стюарт, но считал ее безрассудной, движимой эмоциями, а не здравым смыслом. Узнав о ее смерти, уже будучи на смертном одре, он устало покачал головой и произнес: «Так все и должно было закончиться. Но зла на королеву Англии не держи, сын мой. Шотландия в конце концов выйдет победителем, потому что однажды на английский престол взойдет сын Марии».

Теперь, вежливо и учтиво беседуя с королевой, Алекс понял, что не испытывает к ней никакой антипатии, скорее напротив – огромное уважение за то, что эта хрупкая женщина обладает высоким интеллектом и острым умом.

Королева взяла Алекса под руку, и они медленно двинулись по освещенной пламенем факелов дорожке.

– Расскажите о вашей помолвке с моей крестницей, милорд, – предложила Елизавета.

– Это произошло летом, накануне ее пятого дня рождения, ваше величество. Мы с покойным отцом приехали из Дан-Брока в Куинс-Молверн, к лорду де Мариско, с которым они дружили с самого детства. Их давней мечтой было породниться, вот они и устроили эту помолвку. После смерти отца выяснилось, что я его единственный наследник мужского пола. Мысль об этом подтолкнула меня к решению жениться. Я послал письмо лорду де Мариско, но тот был в отъезде, и послание прочитал лорд Блосс. Он известил Велвет как о помолвке, так и о грядущем бракосочетании. Боюсь, это ее очень расстроило.

– И она сбежала ко мне, – попыталась, рассмеявшись, королева.

– Да, сбежала, – спокойно кивнул Алекс. – Должен признаться, меня весьма разочаровало ее поведение, мадам: юная леди нанесла моей гордости весьма ощутимый удар, – но все же я верю, что, когда Велвет узнает меня получше, наш брак уже не будет казаться ей столь ужасным. Я действительно хочу сделать ее счастливой.

– Думаю, моей крестнице очень повезло: вы будете хорошим мужем, – медленно проговорила Елизавета. – Что ж, любезный лорд Гордон, я разрешаю вам ухаживать за девушкой и обещаю не выдавать ваш секрет. Ваш с Робинотом Саутвудом план кажется мне мудрым: за то короткое время, что я знакома с Велвет, ее упрямство стало очевидно. Так что будет лучше, если она узнает вас как Александра Гордона, а не отвергнет лишь потому, что вы Брок-Керн. Но я все же оставлю за Велвет одно маленькое преимущество: не отпущу со службы до возвращения ее родителей, лорда и леди де Мариско, а это произойдет, судя по последним известиям, ближе к осени. Надеюсь, вам не составит труда подождать пару-тройку месяцев и лишь потом предъявить свои права на невесту.

Алекс остановился, поднес руку королевы к губам и с чувством проговорил:

– Я очень благодарен вам, мадам.

Королева улыбнулась, и на мгновение перед ним вместо стареющей дамы предстала молодая задорная девушка. Граф предложил ее величеству руку и повел дальше по прекрасному летнему саду Линмут-Хауса, заставив на некоторое время позабыть об испанской угрозе, нависшей не только над любимой Англией, но и над ее собственной головой.

Глава 3

Робин Саутвуд, совершенно сбитый с толку, проводив последнего гостя, упал в кресло перед камином. Устроенное для королевы празднество имело оглушительный успех, и все же хозяин поместья был подавлен.

Присоединившиеся к нему Алекс и Велвет пребывали в столь приподнятом настроении, что сначала не обратили внимания на мрачный вид Робина.

– Никогда еще не бывал на подобных мероприятиях! – с воодушевлением воскликнул Алекс. – Ты отлично все устроил, Роб!

– Черт возьми, братец, да это настоящий успех! Дом и сад выглядели восхитительно, а про угощение и развлечения будут вспоминать еще несколько недель. Ее величество сказала, что не помнит подобных праздников со времен твоего отца! Ты не представляешь, как мне завидуют при дворе. А все потому, что ты мой брат!

– Сегодня я встретил сэра Уолтера Рейли, Роб, – вставил Алекс. – Он сказал, что собирается в Новый Свет, и поинтересовался, не захочу ли я отправить с ним один из моих кораблей. Представляешь, какие возможности перед нами открываются?

– Знаешь, Робин, Плут ужасно тебе завидует. Думаю, он способен украсть твоего повара, чтобы готовил угощение для ее величества, – захихикала Велвет. – О, дорогой брат, не знаю, как мне благодарить тебя за роскошный жемчуг и за возможность примерить на себя роль хозяйки праздника!

Внезапно граф Линмут выпрямился в своем кресле и резко спросил:

– Кто она? Кто та потрясающая красавица, что ты представила мне сегодня вечером, Велвет?

– Ты о ком? – Вопрос застиг Велвет и Алекса врасплох.

– Изумительная блондинка в прекрасном платье из бирюзового шелка? Еще никогда в жизни я не встречал такого совершенства! Кто она?

С минуту Велвет озадаченно смотрела на брата: на сегодняшнем торжестве было немало и красавиц, и блондинок, – потом мягко уточнила:

– Робин, я не совсем понимаю, кого ты имеешь в виду. В твоём доме присутствовало несколько блондинок, и по меньшей мере три дамы были в голубых платьях.

– Да не в голубом, а в бирюзовом! Чувствуешь разницу? Ты еще представила ее мне как одну из своих лучших подруг при дворе. К сожалению, я не расслышал ее имени, поскольку как раз возвестили о прибытии королевской яхты.

– Эйнджел! Должно быть, ты говоришь о ней!

– Эйнджел? Так ее зовут? Самое подходящее для нее имя! – Робин мечтательно вздохнул.

Велвет с трудом подавила непереносимое желание захихикать, но предупреждающий взгляд Алекса, брошенный на нее поверх плеча друга, развеселил еще больше. Сглотнув, девушка выдавила:

– Эйнджел Кристман – воспитанница королевы: росла при дворе после смерти родителей.

– Я хочу с ней познакомиться, – решительно заявил Робин.

– Ты уже с ней знаком, – возразила Велвет.

– Я имею в виду – поближе. Понимаю: завтра ты должна вернуться ко двору, – но, когда приедешь погостить в Линмут-Хаус в следующий раз, пригласи и госпожу Эйнджел Кристман.

Робин вел себя так глупо, что Велвет с трудом сдержала смех, но потом, взглянув на него повнимательнее, вдруг поняла, что брат влюбился! Но ведь любовь с первого взгляда бывает только в сказках, не так ли? Неужели и правда влюбился? Интересно, как отреагирует на это подруга, когда узнает? Нет-нет, Велвет ничего ей не расскажет! Что, если Робин ей совсем не понравится, а ухаживания его она примет лишь из-за богатства? Мама всегда говорила,

что выходить замуж нужно только по любви. Так что лучше пока держать язык за зубами и наблюдать, как будут развиваться события.

Внезапно на Велвет навалилась ужасная усталость. Только сейчас она заметила, что уже светает, а вечером нужно вернуться ко двору. Если хоть немного не поспать, то она непременно опозорится, рухнув прямо у ног королевы.

– Ступай к себе, Велвет, – словно прочитав ее мысли, приказал Робин. – Я помню, каково это – быть в услужении у королевы.

Присев перед мужчинами в реверансе, Велвет побрела в свою комнату, и, как только за ней закрылась дверь, Алекс взглянул на друга.

– Когда Велвет снова приедет в Линмут-Хаус?

– Завтра, перед тем как вернется во дворец, я предложу ей останавливаться в моем доме каждый раз, когда бывает в Лондоне, матушка это, я знаю, одобрила бы, – ответил Робин.

– Не знаешь, случайно, когда у нее следующий выходной?

– Если ты намерен ухаживать за моей сестрой, дружище, нам придется отправиться ко двору. К тому же мне нужно познакомиться с госпожой Кристман. У фрейлин королевы не так уж много развлечений, поскольку ее величество довольно сурова: я помню это с тех пор, как служил у нее пажом.

– Господь всемогущий! Вот уж не думал, что окажусь в свите Елизаветы Тюдор. Ну какой из меня придворный, Робин? – покачал головой Алекс.

– Если будешь честен с королевой и если Велвет начнет испытывать к тебе симпатию, участвовать в придворных играх не придется. Сегодня я заметил, что некоторые дамы из близкого окружения ее величества положили на тебя глаз.

Алекс усмехнулся:

– Должен признаться, что удивлен, как это ваша целомудренная королева терпит такое распустство.

– Лишь до тех пор, пока оно не выставляется напоказ. Будь уверен: как только о любовной связи кого-то из придворных станет известно, наказаний виновным не избежать.

– Пожалуй, пойду спать, – поднявшись со своего места, устало потянулся Алекс.

– Тебе должно присниться что-нибудь приятное, – поддразнил друга Робин. – Ведь хоть чем-то моя сестра тебя одарила?

Алекс усмехнулся.

– Джентльмен, даже такой неотесанный шотландец, никогда не хвастается своими победами.

Прежде чем лорд Саутвуд успел еще хоть что-то сказать, Гордон кивнул и быстро вышел из библиотеки.

Робин улыбнулся ему вслед, отметив, что раньше Алекс делился с ним всеми своими победами на любовном поприще. В те далекие времена друзья друга от друга ничего не скрывали, но это было до его женитьбы на Элисон де Гренвилл. Элисон, глупая, глупая Элисон. Он никогда ее не любил, хотя и окружал заботой. Робин вообще еще ни разу не влюблялся – вплоть до сегодняшнего вечера, когда увидел красавицу Эйнджел Кристман. Они обменялись с девушкой всего парой слов, даже не танцевали, но он понял сразу – вернее, не он сам, а его сердце, – что это его половинка. Когда-то он поклялся себе больше никогда не жениться, но теперь дела обстояли так, что приверженность этой клятве пошатнулась.

Мать когда-то попыталась объяснить ему, что такое настоящая любовь, даже спросила, не желает ли Робин расторгнуть помолвку, заключенную с де Гренвиллами, когда он был совсем ребенком, однако он не допустил такого позора для девушки. Он все равно рано или поздно должен жениться, а Элисон казалась ему довольно славной, к тому же он знал ее всю свою жизнь.

«Но ты же не любишь ее! – сокрушалась мать, а Робин лишь улыбался с превосходством, присущим юным глупцам. Со стороны могло показаться, что его мать Скай О’Малли всегда жила в любви, но кому, как не Робину знать, что, прежде чем обрести счастье, ей пришлось много страдать. Молодой человек часто задавался вопросом, стоит ли любовь боли, и в итоге решил, что страдать из-за нее не станет. Ему не хотелось напрягаться, переживать, менять ритм спокойной жизни, но он вдруг понял, что госпожа Эйнджел Кристман все изменит. Робин не собирался возвращаться ко двору: размеренная жизнь в Девоне с детьми была предпочтительнее. Брак с Элисон заставил его удалиться из круга придворных ее величества, а смерть позволила и вовсе не возвращаться ко двору. Но теперь все изменилось: его манили назад восхитительные голубые глаза, копна белокурых локонов и улыбка, способная растопить лед, в который превратилось его сердце. Обязанности хозяина торжества не позволили ему уделить госпоже Кристман должное внимание, и, чтобы исправить это, он намеревался вернуться к двору, но прежде всего необходимо расспросить об этой девушке лорда Хандстона, канцлера ее величества, знавшего все и про всех.

Кузен королевы Генри Кэри, лорд Хандстон, был немало удивлен, когда на следующее после устроенного в ее честь праздника утро получил письмо от графа Линмута с просьбой разузнать все о воспитаннице ее величества Эйнджел Кристман. Англия оказалась перед лицом самой страшной угрозы нападения со времен норманнов. Все, за что боролась сама Елизавета Тюдор, а также Англия, подвергалось смертельной опасности, а лорда Саутвуда интересовала какая-то девчонка. Ох уж эти охочие до наслаждений придворные! – подумал лорд Хандстон, но потом, вспомнив, от кого исходила просьба, постарался взглянуть на дело с другой точки зрения. Роберт Саутвуд слыл серьезным джентльменом, глубоко и искренне оплакивал свою покойную жену, и то, что королевская воспитанница привлекла внимание столь благородного и богатого джентльмена, было уже само по себе необычно.

Лорд Хандстон с энтузиазмом взялся за дело и был разочарован тем, что обнаружил. Семнадцатилетняя Эйнджел Кристман, внучка двух ничем не примечательных баронов из северо-западных графств и дочь их младших сына и дочери, была отдана на попечение королевы собственным отцом, который убил мать девочки после обнаружения факта ее измены. У девушки не было ни приданого, ни влиятельных родственников, чьей поддержкой она могла бы заручиться, а значит, и никаких перспектив. Лорд Хандстон узнал лишь, что девушка невероятно красива, и это могло бы сослужить ей неплохую службу, если бы она оказалась к тому же умной. Никаких свидетельств о наличии – или отсутствии – у нее ума Хандстон не нашел, равно как и каких-либо сплетен относительно ее романов. Судя по всему, госпожа Кристман близко общалась лишь с Бесс Трокмортон и Велвет де Мариско.

– Ну конечно! – воскликнул лорд Хандстон. – Так вот, значит, в чем дело.

Госпожа Кристман дружит с Велвет де Мариско – младшей сестрой графа Линмута. В отсутствие родителей граф присматривает за сестрой, и правильно делает. Конечно же, ему хотелось знать, с кем она водит дружбу. С Бесс Трокмортон все понятно, поскольку она происходит из знатной семьи, хотя сама бедна, а вот о госпоже Кристман, ничем не примечательной воспитаннице королевы, Роберт Саутвуд не знал ничего. Лорд Хандстон продиктовал своему секретарю письмо, в котором извещал графа о том, что, судя по имеющейся информации, госпожа Кристман вполне подходит для дружбы с его сестрой. После этого канцлер переключил внимание на более важные дела.

Накануне ночью на всех холмах Девона и Корнуолла зажглись предупредительные огни, свидетельствующие о том, что Непобедимая армада, замеченная на рассвете с мыса Лизард, приближается к Плимуту. С помощью сигнальных костров весть распространилась из Девона в Дорсет, а затем в Уилтшир, Суррей и Лондон. По приказу лорда Берли эта новость держалась в тайне от королевы до окончания празднества в доме графа Линмута.

Год выдался очень непростой, и Уильям Сесил решил, что королеве просто необходимо немного развлечься. Он был с ней рядом с самого начала ее правления и знал ее, как никто другой. В следующие несколько недель решится судьба династии Тюдор, так что Елизавете придется призвать на помощь все свое мужество.

Как только праздник завершился, Уильям Сесил сообщил королеве последние новости, которые, подобно лесному пожару, тотчас же распространились среди придворных, и джентльменам так и не пришлось выспаться. Они вернулись в Гринвич, чтобы сменить шелка и бархат на более практичную одежду, а затем отправились на побережье. Лорд-адмирал Чарлз Говард уже некоторое время находился в Плимуте, равно как и остальные адмиралы – Фрэнсис Дрейк, Джон Хокинс и Мартин Фробишер.

Испанцы проявляли себя и раньше. В конце июля корнуолльский барк, бросивший якорь у берегов Франции, заметил девять курсирующих между архипелагом Силли и островом Ушант больших кораблей с огромными кроваво-красными крестами на парусах. Экипаж еще одного каботажного судна, вышедшего из девонского порта, подвергся преследованию флотилии из пятнадцати кораблей, и, едва оторвавшись, матросы высадились на берег в Корнуолле и помчались в Плимут доложить о происшествии.

Фрэнсис Дрейк, конечно же, понимал, что все это означает. За год до этого он застал испанцев врасплох при Коруне и сжег их флот, отсрочив тем самым нападение короля Филиппа на Англию. Но теперь армада обрела свою прежнюю силу. Дрейк убеждал лорда-адмирала взять инициативу в свои руки, отправиться на юг и нанести удар по испанской флотилии прежде, чем она успеет приблизиться к берегам Англии, однако, когда до Коруны оставался всего день пути, с юга подул сильный ветер. Англичане отправились в плавание со скудным запасом провианта и воды и теперь вынуждены были повернуть назад. Существовала опасность, что испанцы воспользуются попутным ветром и окажутся у берегов Англии быстрее, чем ее собственный флот, но мысль эта казалась настолько ужасной, что никто не решался озвучить ее.

В тот же самый день, когда английский флот бросил якоря в Плимуте, испанцы двинулись на северо-восток, подгоняемые попутным южным ветром, и пересекли залитый солнцем Бискайский залив, никогда прежде не славившийся хорошей погодой. Но потом на несколько дней небо затянули грозовые тучи, значительно замедлив испанцев. И все же армада продолжала свой путь к берегам Англии. В субботу, 20 июля 1588 года, лорду Берли доложили о появлении неприятеля.

Англия с небывалым энтузиазмом и воодушевлением откликнулась на призыв королевы о помощи. Власти Лондона запросили сведения о количестве людей и кораблей, которое было бы желательно выставить, и получили ответ: пять тысяч человек и пятнадцать кораблей. Спустя два дня члены городского правления предоставили в распоряжение ее величества десять тысяч человек и тридцать кораблей.

Римско-католический кардинал Аллен направил «Наставление дворянству и народу Англии», в котором советовал поддержать испанское вторжение, дабы восстановить святую мать-церковь и избавиться от исчадия безбожия и порока, Елизаветы Тюдор.

Этот неслыханный призыв был разослан из резиденции кардинала – дворца Святого Петра в Риме, – однако английские католики не проявили к нему должного интереса. Собственная жизнь их вполне устраивала. Более того, они начали процветать, когда на престол возшла дочь Генриха Тюдора. Они были англичанами до мозга костей и совсем не желали, чтобы законнорожденную английскую королеву заменила испанская инфанта, ибо Филипп Испанский давно прочил на трон одну из своих дочерей. Вся Англия сплотилась перед лицом опасности. Депеши для королевы и лорда Берли летели с побережья одна за другой.

Праздник в доме Робина был в самом разгаре, английские моряки прикладывали все силы к тому, чтобы снова выйти в море. Захваченные врасплох с подветренной стороны и пони-

мавшие, что враг уже у дверей, они всю ночь не сомкнули глаз, чтобы отбуксировать корабли в безопасное место.

Утром 20 июля, несмотря на сильный встречный ветер, англичанам все же удалось выйти из Плимута и направить корабли в открытое море. К полудню пятьдесят четыре корабля оказались близ Эдистонских скал, и все благодаря нечеловеческим усилиям и железной дисциплине моряков. Испанцы, находившиеся от них в двадцати милях с наветренной стороны, даже не подозревали, что английский флот оказался на их пути.

План действий испанского флота была разработан самим королем, и теперь военачальники из всех сил старались от него не отступать. Разве Бог не на их стороне? Англичанами командовала королева, и приказ был один – победить. Разработку стратегии Елизавета отдала на откуп адмиралам. Ее интересовали лишь успешные результаты принятых ими решений. Королева знала, что Бог помогает тем, кто старается помочь себе сам, и не раз говаривала: «Есть только один владыка – Иисус Христос, а все остальные – мелкая сошка по сравнению с ним».

К вечеру подернутая дымкой луна показала свое дьявольское око из-за высоких, обещающих ясную погоду облаков. Армада бросила якоря, находясь в тесном боевом порядке, который должна была поддерживать до встречи с герцогом Пармским. На протяжении ночи многочисленные часовые время от времени замечали какие-то тени, продвигавшиеся в застилавшем горизонт тумане на восток, к берегам Корнуолла. На рассвете изумленные испанцы заметили, что многочисленные корабли противника обошли их с фланга и располагаются с наветренной стороны на расстоянии мили. Теперь у англичан было существенное преимущество.

Непобедимая армада двинулась на защитников Англии. Она состояла из огромных высокобортных кораблей с массивными, весом в тысячу тонн и больше, башнями на носу и корме. На парусах красовались яркие изображения святых и мучеников, в то время как корпуса были выкрашены в зловещий черный цвет, а с нок-рей свисали тяжелые абордажные крюки. Английские же корабли резко отличались от испанских своими размерами и легкостью. На белоснежных парусах виднелся крест святого Георгия, а борта переливались белым и зеленым – цветами королевы. Они спокойно дрейфовали на мелководье, ошестинившись видневшимися из бойниц пушками.

Бой получился горячим и ожесточенным, однако к часу дня закончился и ни одна из сторон так и не смогла объявить себя победительницей. Испанцы приготовились к ближнему бою. Их новые пятидесятифунтовые ядра предназначались для уничтожения такелажа противника, зато легкие корабли англичан обладали большей маневренностью, а их орудия с длинными дулами отлично поражали цель на дальнем расстоянии. Английские корабли быстро передвигались вокруг неповоротливых судов армады, атакуя подобно маленьким злым собачонкам, что кусают толстую неповоротливую овцу. После нескольких часов сражения, не в силах одержать победу, обе стороны приняли мудрое решение разойтись, при этом Англия не потеряла ни единого корабля.

Армада продолжала свое тяжеловесное наступление, величественно пересекая залитый солнцем залив Лайм. С прибрежных холмов зрители с тревогой наблюдали за продвижением испанской флотилии, а тем временем из небольших городков Дорсета отчалила целая вереница маленьких суденышек, нагруженных провизией, водой и боеприпасами для английских моряков.

В субботу, 27 июля, корабли армады бросили якоря близ французского порта Кале. Здесь испанский адмирал, герцог Медина-Сидона, мог пообщаться с герцогом Пармским, испанским генералом, командующим десантом, а английский флот соединился тем временем с оставшимися кораблями под командованием лорда Сеймура и закаленного в боях ветерана сэра Уильяма Винтера.

Лондон тем временем жил ожиданием. В городе множились самые разнообразные слухи и предположения. Одни говорили, что Дрейка взяли в плен. Другие утверждали, что в сражении при Ньюкасле затонул английский флагман. На волне всех этих слухов англичане не могли думать ни о чем, кроме предстоящего сражения. В среду, 7 августа, ожидался самый высокий прилив у Дюнкерка, поэтому предполагалось, что войска герцога Пармского пересекут Ла-Манш именно в этот день, чтобы высадиться на английской земле, в Эссексе.

Графа Лестера, Роберта Дадли, назначили командующим войсками, присвоив ему звание генерал-лейтенанта. Королева намеревалась отправиться на побережье, чтобы самолично наблюдать за ходом сражения, но Лестер не позволил, изложив причины своего решения в письме.

«Теперь что касается вашей персоны, самой утонченной и священной, о которой мы неусыпно заботимся... Каждый смертный должен испытывать трепет при мысли о вас, особенно теперь, когда ваше величество проявила неслыханную отвагу, решив отправиться к отдаленным границам королевства, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу и защитить своих подданных. Однако, моя дражайшая королева, я не могу вам это позволить, ибо от вашего здоровья зависит все в вашем королевстве, и посему мы обязаны беречь его превыше всего!»

Свое раздражение и гнев королева выместила на придворных дамах. Ей ненавистна была сама мысль о необходимости оставаться заточенной в Лондоне. И лишь Бесс Трокмортон смогла наконец немного успокоить ее величество здравым советом.

– Может быть, вам отправиться в Тилбери и устроить смотр войск? Уверена: ваше присутствие несказанно их воодушевит.

– Господи, Бесс! Пожалуй, ты права! Мы непременно отправимся в Тилбери. Уж против этого брюзга Лестер ничего не сможет возразить.

Граф Лестер благоразумно согласился с решением королевы, ибо, как никто другой, понимал ее беспокойство. Ей передали записку от него:

«Моя светлейшая королева, да не изменится ваше предназначение, если Господь дарует вам здоровье!»

Королева спустилась вниз по Темзе в Тилбери 6 августа. Ее величественная яхта с белыми и зелеными знаменами была до отказа набита придворными дамами, избранными придворными джентльменами и менестрелями, которые наигрывали веселые мелодии, призванные хоть ненадолго отвлечь ее величество от насущных проблем. Следом шли несколько барок со слугами, лошадьми и королевской каретой.

Рейли присоединился к армии, а вот графа Эссекса ее величество не пожелала отпускать. Роберт Деверо, не будучи трусом, с болью и стыдом переживал принятое королевой решение. Велвет, самая младшая из фрейлин, чтобы не перегружать судно королевы, вызвалась плыть на яхте брата и позвала с собой Эйнджел и Бесс. Даже в розовом платье Бесс выглядела невероятно бледной и изнуренной, и Велвет в который раз убедилась, что подруга без памяти влюблена в Уолтера Рейли, подвергавшегося опасности. Впрочем, высказать свои догадки вслух Велвет не решалась. Ведь если Бесс предпочла все держать в себе, значит, так тому и быть. Проявлять любопытство и лезть в душу было бы непростительной бестактностью и могло негативно сказаться на их дружбе.

Несмотря на серьезность ситуации, на яхте, рассекавшей воды Темзы, царил почти праздничная атмосфера. Все облачились в лучшие наряды, а в трюмах яхты хранились многочисленные корзинки для пикника, заполненные до отказа холодными жареными цыплятами, пирогами с крольчатинной, свежее испеченным хлебом, сырами, персиками, вишней и фрукто-

выми пирожными. За бортом яхты Саутвуда покачивалась на воде плетеная корзина, в которой можно было разглядеть несколько керамических бутылей с охлаждающимся вином.

– Думаете, завтра испанцы и вправду нападут на нас, милорд? – спросила Эйнджел у Робина.

Даже в своем платье из небесно-голубого шелка, немного выцветшем и тесноватом в груди, девушка была невероятно хороша. Королева не баловала своих воспитанниц, особенно из бедных семей, но, ослепленный любовью, граф Линмут ничего этого не замечал. Для него она была самой чудесной девушкой на свете.

– Боже упаси! – ответил Саутвуд. – Но в любом случае вам не нужно бояться, госпожа Кристман: вы под моей защитой.

Эйнджел очаровательно зарделась, и Велвет с удивлением заметила, что ее обычно острая на язык подруга вдруг оробела и притихла. Что, скажите на милость, с ней такое? Велвет поймала на себе взгляд Бесс, и та улыбнулась, прочитав ее мысли.

– Вам тоже страшно? – спросил у девушки Алекс.

– Нет! – поспешила ответить Велвет. – Я готова с мечом в руках защищать Англию, лишь бы не дать проклятым испанцам завладеть ею!

– Браво, *petite soeur*!¹ – одобрительно кивнул Робин. – Ты настоящая англичанка, преданная своей стране. Отец гордился бы тобой.

В полдень королевская яхта прибыла в Тилбери и бросила якорь в доках рядом с блокгаузом, где ее величество уже поджидал Лестер со своими офицерами. Едва только нога королевы в элегантной туфельке ступила на пристань, прогремел пушечный залп, раздалась барабанная дробь и заиграли флейты. Две тысячи всадников во главе с сэром Роджером Уильямсом выстроились на берегу в ожидании королевы, еще тысяча отправились раньше в Ардерн-Холл, резиденцию мистера Рича, где должна была остановиться королева, и тысяча сопровождали карету ее величества. В окружении преданных людей Елизавета пребывала в приподнятом настроении и хоть опасалась нападения, все же твердо верила, что сила духа и смелость ее народа помогут одолеть врага. Она не допускала и мысли о поражении, хотя с моря еще не поступило ни одного донесения.

В карете рядом с ней сидел граф Лестер. Как и самой Елизавете, прошедший год дался ему непросто, и все же он собрался с силами, чтобы встать во главе армии. Годы давали о себе знать, но до сих пор никто не мог усомниться в искренней привязанности Роберта Дадли к королеве, оставшейся такой же сильной, как и его амбиции. После смерти первой жены он надеялся, что королева все же выйдет за него замуж, и долго ждал, а когда стало ясно, что шансов у него нет, с досады женился на ее кузине, вдовствующей Летиции Ноллис. Свадьбу сыграли тайно, поскольку ни жених, ни невеста не желали рисковать своим положением при дворе. Когда же правда выплыла наружу, королева пришла в ярость. Граф и графиня впали в немилость, но Елизавета скучала без Дадли и вскоре вернула его ко двору. Летиции повезло меньше, и она вынуждена была ждать прощения еще несколько лет.

Поначалу молодожены жили хорошо, но потом, как и большинство скоропалительных союзов, брак графа Лестера начал трещать по швам. Дадли любил королеву так, как не мог полюбить никого другого, но кроме того, любил власть и те блага, которые могла даровать ему только она. В этом отношении Летиция очень походила на супруга, но королева не смогла простить кузину, потому что сама безумно любила этого мужчину, хоть и не могла выйти за него замуж. Супруги обладали весьма скверными характерами, и все же более преданных подданных было не сыскать.

Бесс сопровождала королеву в Ардерн-Холл, а вот Велвет, к которой Елизавета всегда относилась снисходительно, была освобождена от службы на целый вечер и последующую ночь.

¹ Сестренка (*фр.*).

Эйнджел и Велвет предстояло остановиться в одной из лучших гостиниц Тилбери под названием «Русалка». Там же собирались поселиться граф Линмут и лорд Гордон. Робин предусмотрительно послал заранее слугу, чтобы тот снял для них две самые лучшие спальни и отдельную гостиную.

Гостиница располагалась на широкой зеленой лужайке на берегу реки. Выкрашенное в белый цвет здание, разделенное на треугольники темными балками, блестело резными стеклами, а у каждой двери стояли кадки с красными и белыми розами. По одну сторону от гостиницы располагались конюшни, а по другую – чудесный сад с многочисленными клумбами, пестревшими бархатцами и левкоем, ароматной голубой лавандой и душистым розмарином. Сад обрамляли невысокие кусты, подстриженные в форме ваз и птиц. Позади гостиницы был разбит небольшой огород, где выращивали фасоль, морковь, горох, пастернак, лук-порей и салат. Здесь же росли фруктовые деревья – яблони, груши и сливы, – а также кусты смородины и крыжовника. Конечно же, этот живописный кусочек природы не шел ни в какое сравнение с садами Куинс-Молверна с их живыми лабиринтами, сотнями розовых кустов и редкими сортами лилий, привезенных из Америки, и все же здесь было очень приятно прогуляться после сытного обеда.

Сгустились сумерки, и над рекой наконец повисла тишина. В слегка подернутой туманом поверхности воды отражалось розовато-лиловое небо. Ласточки носились над рекой в красноватых отсветах заката. Несмотря на привилегированное положение на яхте брата, Велвет не смогла взять с собой слишком много одежды, поэтому на ней было все то же шелковое платье цвета зеленого яблока, которое надела утром. Алекс видел, что ее раздражает отсутствие возможности переодеться, но она мужественно переносит неудобства.

Велвет с удивлением обнаружила, что осталась наедине с чертовски привлекательным шотландцем. Судя по всему, Робин и Эйнджел отправились на другой конец сада. Не желая показывать, как сильно нервничает, Велвет развернулась к лорду Гордону и заметила:

– Вы так ничего и не рассказали о себе, милорд. Какова она – ваша родина?

– Кажется, мы договорились, что вы будете называть меня по имени, – раздался его низкий, обволакивающий голос.

Велвет залилась краской и тут же мысленно выбрала себя за это.

– Расскажите мне о своей стране, Алекс. Мой нареченный супруг родом из Шотландии, там и живет, и, если я выйду за него замуж, мне придется туда переехать.

– Моя семья владеет небольшим замком в горах к северо-западу от Абердина, да и в самом Абердине у нас есть дом.

– А в Эдинбурге? Вы же наверняка бываете при дворе?

– Нет, Велвет. У меня нет ни времени, ни желания входить в окружение короля. Стюарты славятся своей необязательностью: неизменно берут деньги у своих богатых подданных, но никогда их не возвращают, – к тому же не умеют быть благодарными. К слову, король приходится мне кузеном: у нас общий дед – Яков Пятый.

Слова лорда Гордона произвели на Велвет неизгладимое впечатление:

– Вы из королевской семьи?

– Верно. Моя бабушка Александра владела... – Алекс едва не проговорился, но вовремя спохватился: – ...фамильным поместьем. Она собиралась замуж за короля, но умерла во время родов. Король признал отцовство, но родившийся ребенок, мой отец Ангус, носил имя Гордон. Говорят, бабушка очень любила Джеймса Стюарта.

Велвет испустила полный драматизма вздох.

– Как удивительно и романтично! Как бы я хотела тоже вот так влюбиться!

Со стороны Алекса было полным сумасшествием говорить подобное, но он не удержался и тихо признался:

– Кажется, со мной это уже произошло, Велвет.

Девушка остановилась как вкопанная и во все глаза уставилась на собеседника.

– Вы не должны, Алекс! Я помолвлена, и вам это хорошо известно.

– И тем не менее вы сами сказали, что сбежали от жениха, потому что не желаете выходить замуж.

– Я этого не говорила. Просто не хочу выходить замуж за человека, которого совсем не знаю, к тому же в отсутствие родителей. Но доброе имя моей семьи я ни за что не опорочу. Вы же не думаете, что я на такое способна?

– Нет, дорогая, напротив: уверен, что достоинство не позволит вам опозорить семью. Но ведь вы разобьете мне сердце, которое я готов положить к вашим ногам.

Велвет была явно сбита с толку, и Алекс возликовал.

– За мной никогда прежде не ухаживали, – призналась девушка с подкупающей искренностью. – Вы пытаетесь делать это, Алекс?

– А вы примете мои ухаживания?

Велвет нахмурилась и некоторое время обдумывала услышанное, потом ответила:

– Я уже говорила, что выйду замуж лишь по любви. Но как я узнаю, что это такое, если слепо подчинюсь решению моих родителей? Они всегда предоставляли мне свободу выбора, и я знаю, что, как бы далеко от меня ни находились, они не стали бы меня принуждать и сейчас. Да, Алекс, я готова принимать ваши ухаживания, но вы должны знать, что они так и останутся невинным флиртом. Я не стану вводить вас в заблуждение. Честь семьи связывает меня нерушимыми узами с этим неизвестным графом, хотя мое сердце может избрать иной путь.

Гордон заключил Велвет в объятия и порывисто поцеловал, отчего девушка, покраснев до корней волос, едва не лишилась способности дышать, а потом вдруг обвила его шею руками. Алекс, вдохновленный ее реакцией, погрузил пальцы в шелковистые золотисто-каштановые волосы, и принялся покрывать поцелуями ее лицо, сдавленно пробормотав:

– О, дорогая, вы сделали меня счастливейшим из людей!

Внезапно ощутив, что и ее переполняет необъяснимая радость, Велвет рассмеялась и устремила на Алекса горящий взгляд своих прекрасных глаз.

– Вы тоже делаете меня счастливой, мой дорогой друг!

Пока они продолжали прогулку по берегу реки, на другом конце сада разворачивалась не менее экспрессивная сцена. С того самого момента, как впервые увидел Эйнджел Кристман, Робин Саутвуд только и ждал момента, чтобы остаться с ней наедине. Изысканность и мягкость его манер были весьма обманчивы, ведь, как и его отец, он всегда добивался желаемого всеми возможными способами, поэтому без всяких предисловий Робин заявил:

– Я люблю вас. Полюбил с того самого момента, как впервые увидел!

Эйнджел остановилась, ошеломленная его словами, не в силах поверить, что брат Велвет способен так жестоко насмеяться над бедной девушкой. Такой поворот событий сбил ее с толку, и с минуту она попросту не знала, что ответить, но потом, поняв, что, изображая дурочку, лишь подстрекнет его к дальнейшим вольностям, проговорила:

– Нехорошо, милорд, насмеяться над бедной девушкой. Ваша сестра самая близкая из моих подруг. Неужели вы поставите под удар самое дорогое, что у меня есть, – дружбу с Велвет? Как вам не стыдно, сэр!

– Но я вовсе не шучу и тем более не смеюсь! – воскликнул Робин. – Я действительно люблю вас, Эйнджел!

– В таком случае вы попросту глупец, милорд, поскольку совсем меня не знаете! – начала терять терпение Эйнджел, а себе сказала: «Пусть я бедна и не имею титула, это не дает ему права дразнить меня!»

– Вашим отцом был Уитт Кристман, сын сэра Рэндора, – возразил на ее замечание Робин. – Вашу мать, к которой вы питали искреннюю привязанность, звали Джоан Уоллис. Вы жили близ Лонгриджа в Ланкастере. Ваши родители умерли, когда вам было пять лет, но

несмотря на то что бабка и дед могли взять вас на воспитание, ваш отец оставил письма для королевы с просьбой взять вас на попечение. Пятого декабря вам исполнится восемнадцать лет.

– Откуда вы все это знаете? – воскликнула девушка, впад в ярость, оттого что он копался в ее личной жизни.

– Я расспросил лорда Хандстона, – честно ответил Робин.

– Зачем?

– Я же сказал, что люблю вас, Эйнджел!

«Святые небеса, как же она прекрасна!» – подумал Саутвуд, а разъяренная красавица выпалила:

– Отец убил мою мать, когда та ему изменила, а потом покончил с собой!

– Прискорбно, но подобное случается даже в уважаемых семьях. Например, наша с Велвет матушка провела некоторое время в гареме в Марокко.

– Это шутка? – не поверила Эйнджел, но затем уголки ее соблазнительных губ изогнулись в улыбке. – Вы меня разыгрываете, милорд? Чтобы сгладить неловкость?

– Нет, – покачал головой Робин. – Я говорю правду.

– Что вы от меня-то хотите?

Сердце подсказывало Эйнджел, что лорд Саутвуд собирается предложить ей что-то такое, на что она не сможет ответить согласием, и тем самым неслучайно его оскорбит. Возможно, он так рассердится, что запретит ей дружить со своей сестрой. О господи! Ну почему он такой красивый? Самый красивый мужчина из всех, что ей когда-либо приходилось встречать.

– Я хочу, чтобы вы стали моей женой, – вдруг произнес Робин.

– Милорд, это жестоко! – воскликнула Эйнджел и с удивлением поняла, что глаза ее наполняются слезами.

Не в силах скрыть смущение, она отвернулась, но Саутвуд не мог этого видеть. Развернув девушку к себе лицом, он приподнял ей подбородок и попросил:

– Посмотрите же на меня, моя прекрасная Эйнджел. Я люблю вас, дорогая.

Девушка подняла глаза и посмотрела на него так, словно он вдруг лишился рассудка.

– Вы не можете меня любить. Пусть вам и известны некоторые факты из моей биографии, но это вовсе не означает, что вы меня знаете. Кроме того, вы граф, один из самых могущественных и богатых людей Англии, а я ничто, дочь обедневшего второго сына никому не известного барона. Разве могу я быть ровней представителю семейства Саутвуд?

– Да, я Саутвуд, поэтому никто не может указывать мне, что делать и как поступать! Я сам себе хозяин.

– Вы должны выбрать себе жену из столь же богатой и знатной семьи, милорд, – тихо произнесла девушка. – Даже я это понимаю.

– Я никому ничего не должен, а женюсь на девушке, которую люблю, – отрезал Робин. – А люблю я вас, моя прекрасная Эйнджел, люблю больше самой жизни! Станьте моей женой, дорогая! Сделайте меня счастливейшим из людей!

Девушка чувствовала себя совершенно сбитой с толку. Конечно, рано или поздно королева подобрала бы ей достойного жениха, ведь не вечно же ей оставаться на ее попечении. Единственным преимуществом Эйнджел была красота. Привлекательное личико и стройная фигурка наверняка помогут завоевать сердце какого-нибудь состоятельного торговца или даже не слишком знатного, но весьма приятного дворянина. Ей и в голову не могло прийти, что в нее может влюбиться такой джентльмен, как граф Линмут, и, будучи весьма практичной, Эйнджел не позволяла себе даже думать о подобных высотах.

Сердце бешено колотилось, щеки и грудь окрасил яркий румянец, когда, взглянув на Робина, она призналась:

– Я не знаю, как отношусь к вам, но, как и Велвет, полагаю, что девушка должна испытывать хоть какие-то нежные чувства к мужчине, который хочет на ней жениться. Все это как-то неправильно, милорд! Что скажет ваша матушка? Да и королева наверняка не даст согласия на этот брак. Так что, умоляю, давайте больше не будем об этом говорить. Я обещаю забыть о вашем предложении, а вы позвольте мне продолжать дружить с вашей сестрой. Я не стану смущать вас упоминанием об этом инциденте.

Робин опасался не справиться с чувствами, и, чтобы не заключить Эйнджел в крепкие объятия, заговорил:

– Случилось так, что моя мать потеряла память и вышла замуж за моего отца, даже не зная, кто она такая. Но мой отец любил ее, поэтому, несмотря ни на что, женился. Она вполне могла оказаться убийцей или воровкой, но это не имело для него никакого значения. Важно было лишь то, что он любил ее так же сильно, как я люблю вас, Эйнджел. Что же касается ее величества, то я добьюсь разрешения. Впрочем, давайте прямо сейчас и спросим ее об этом.

Эйнджел ошеломленно отпрянула.

– Сейчас? Но ведь уже поздно!

Робин улыбнулся.

– Да, Эйнджел Кристман, именно сейчас! Можете сесть на коня позади меня, и поскачем в Ардерн-Холл верхом.

Он попытался взять девушку за руку, но Эйнджел не двинулась с места.

– Велвет... Попросите Велвет поехать с нами.

– Хорошо. Осталось выяснить, где сейчас эта плутовка. – Робин оглядел сад. – А, вот они где, на берегу. Велвет! Алекс!

Молодые люди подошли к ним рука об руку, и Робин отметил про себя, что сестра очаровательно разбурчалась, а друг выглядит вполне довольным.

– Что-то случилось, Робин? – встревожилась Велвет.

– Я попросил Эйнджел стать моей женой, но это очаровательное дитя опасается, что не подходит мне, что королева не даст дозволения мне на ней жениться, но я заверил ее, что это не так. Мы собираемся в Ардерн-Холл прямо сейчас, и Эйнджел нуждается в твоей поддержке.

– Ты любишь моего брата? – спросила Велвет, внезапно забеспокоившись о благополучии Робина – ведь мужчины становятся такими глупцами, когда дело касается женщин, как не раз говорила леди Сесили.

– Я... я не знаю, – честно ответила Эйнджел. – Да и откуда мне это знать? Мы с лордом Саутвудом едва знакомы.

– Это не важно! – отмахнулся Робин. – Главное, ее люблю я. Мы с Элисон не любили друг друга, однако жили вполне счастливо.

– Ты знал Элисон всю свою жизнь, – возразила Велвет, – а с Эйнджел вы только познакомились. Пойми, я боюсь не только за тебя, но и за свою дорогую подругу. Если с твоей стороны это просто каприз, я очень сильно разозлюсь.

– Разве я когда-нибудь поступал намеренно нечестиво? – мягко укорил сестру Робин. – Я понимаю, что любовь с первого взгляда редкое явление, но со мной именно так и случилось. Обещаю посвятить всю свою жизнь тому, чтобы сделать Эйнджел счастливой, если, конечно, она даст мне такую возможность.

В зеленых глазах брата плескались такие чувства, что Велвет смущенно отвела взгляд: никогда еще ей не приходилось видеть его таким.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, она наконец пробормотала:

– Тогда, черт возьми, почему ты стоишь здесь, вместо того чтобы во весь опор мчаться в Ардерн-Холл?

Алекс изумленно переводил взгляд с сестры на брата. Как же восхитительно упрямы эти дети Скай О'Малли! Оба полагали, что дело решено, раз Робина все устраивает, и никому даже в голову не пришло спросить мнение девушки. Что ж, тогда это сделает он:

– А что скажете обо всем этом вы, госпожа Эйнджел Кристман? Вы готовы отправиться в ночь, чтобы просить королеву дать позволение выйти замуж за графа Линмута?

– Я считаю это совершенным безрассудством, милорд, – застенчиво улыбнулась девушка. – Но если намерения графа действительно серьезны, то отказываться попросту глупо. Это действительно весьма выгодное предложение для девушки моего положения, которой следует оставаться практичной в любой ситуации.

Слова подруги в некоторой степени ошеломили Велвет.

– Ты говоришь о практичности... А как же любовь? Ведь речь идет о замужестве!

Вздыхнув, Эйнджел пригладила подол своего старенького простенького платья.

– Будучи наследницей огромного состояния, можно говорить о любви. А у меня попросту нет выбора. Да, мне бы тоже хотелось любить мужчину, с которым предстоит жить, но если королева решила бы выдать меня замуж за незнакомца, я не смогла бы отказаться. За то короткое время, что я знакома с твоим братом, он проявил себя добрым, мягким и прекрасно воспитанным человеком. Сэр Робин говорит, что любит меня, и мне кажется, он не из тех, кого могут застать врасплох собственные чувства. Что касается меня, уверена, со временем научусь его любить. Главное – уважение, а это хорошая основа для брака.

Робин чуть приобнял Эйнджел за талию и коснулся губами волос.

– Спасибо за доверие, любовь моя. Я постараюсь вас не разочаровать. А теперь, сестренка, если ты убедилась в серьезности наших намерений, может, отправимся в путь?

– О нет, милорд, – зарделась невеста. – Сначала мне необходимо привести себя в порядок. Не могу же я предстать перед королевой в дорожном платье, к тому же не совсем свежем. Ты поможешь мне, Велвет?

– Да, – кивнула девушка, а затем обратилась к брату: – Полагаю, у тебя имеется карета?

– Карета? – рассмеялся Робин. – Я-то думал, мы все отправимся верхом.

– Верхом? Ну уж нет! Да мы приедем в Ардерн-Холл такие грязные и вонючие, что часовые примут нас за цыганок. У нас с Эйнджел всего по одному свежему платью, и они понадобятся нам завтра, так что придется тебе отыскать для нас карету! Идем, Эйнджел!

С видом победительницы Велвет трянула локонами и повела подругу к дверям гостиной. Оказавшись в их комнате, она быстро помогла Эйнджел освободиться от старого голубого платья и переодеться в потрясающее бирюзовое, которое изумительно подходило к ее глазам.

Робину удалось раздобыть карету, а заодно узнать, что королева ужинает с графом Лестером в его палатке посреди лагеря, от которого гостиницу отделяло всего несколько миль. По прибытии на место Робин попросил у королевы короткой аудиенции, и спустя считанные минуты все четверо уже стояли в палатке Роберта Дадли.

Королева в роскошном золотисто-черном платье с усыпанным мелкими жемчужинами лифом милостиво улыбнулась и протянула руку. Алекс и Робин по очереди почтительно коснулись ее губами, а девушки приветствовали ее величество, присев в реверансе.

– Ну а теперь, милорд Линмут, – произнесла Елизавета, – признавайтесь, что за срочное дело привело вас ко мне и почему оно не могло подождать до тех пор, пока мы не разделаемся с испанцами?

Королева была явно заинтригована, и граф тепло улыбнулся ей.

– Помните, ваше величество, как я впервые оказался в услужении при дворе и плакал, скучая по матери? И тогда, чтобы унять мои слезы, вы сказали, что я могу попросить у вас все, что захочу. Я так обрадовался, что никак не мог решить, чего же хочу.

Королева рассмеялась и окинула графа лукавым взглядом.

– Да, милорд Саутвуд, я это помню, и мое обещание остается в силе.

– Как хорошо, мадам, что память вам не изменяет.

– Надеюсь! – со смехом произнесла королева. – Я еще не слишком стара, чтобы страдать провалами в памяти. Итак, спустя почти двадцать лет вы наконец поняли, чего именно хотите, Роберт Саутвуд.

– Да, мадам. Я приехал просить ваше милостивое величество дать мне разрешение на брак с вашей воспитанницей Эйнджел Кристман.

Изумленный взгляд королевы переключался с графа на Эйнджел.

– Надеюсь, милорд, вам известно, что у нее нет ни гроша? Она не сможет вам подарить ничего, кроме своей девственности, если уже не сделала этого.

Девушка покраснела до корней волос, а Робин поспешил заверить ее величество:

– Что вы, мадам! Я слишком уважаю Эйнджел, чтобы запятнать ее репутацию.

Королева горько усмехнулась:

– Вы унаследовали внешность Саутвуда, но все же во многом сын своей матери, милорд, а посему я не сомневаюсь, что вы действительно заботитесь о чести этой девушки. Вы сделали невероятное предложение госпоже Кристман. Но что скажет на это ваша матушка, когда вернется из путешествия? Одобрит ли ваш выбор?

– Одобрит! – решительно кивнул Робин.

Королева снова рассмеялась.

– Да, вы правы: Скай О’Малли наверняка будет рада вашему счастью, – она всегда любила счастливые финалы. Что ж, Роберт Саутвуд, граф Линмут, я разрешаю вам взять в жены мою воспитанницу Эйнджел Кристман. Когда ожидать приглашения на свадьбу?

– Я не вижу смысла в ожидании: у нас обоих нет родителей, с чьим мнением пришлось бы считаться, да и вопрос с приданым решать не придется.

Елизавета Тюдор кивнула и провозгласила:

– Тогда пусть это произойдет сегодня! Сегодня вечером вас обвенчает мой личный капеллан, а лорд Дадли выступит в роли посаженного отца. Да-да! Сегодня! Для Англии это будет хорошим знаком! Знаком начала, но не конца!

– Мадам! – изумился Робин. – Вы так добры!

– Дадли! – воскликнула королева. – Поднимите-ка свой тощий зад и приведите сюда капеллана! Да разыщите для этой крошки букет!

Эйнджел приросла к полу, не в силах вымолвить ни слова. Все произошло так быстро: менее часа назад она получила предложение руки и сердца от богатого и могущественного джентльмена, а в течение следующего часа уже станет его женой. Неужели это действительно происходит с ней? Девушку затрясло от страха, но Велвет больно ущипнула ее за руку и прошипела:

– А ну не трусь, маленькая глупышка! Королева оказала тебе честь. Где та сварливая пичужка, с которой я познакомилась, едва прибыв ко двору? Попробуй только упади в обморок – никогда тебе этого не прощу!

– Нет, вы только посмотрите, кто дает мне советы! – не осталась в долгу Эйнджел, придя в себя. – Сбежавшая невеста!

Велвет удовлетворенно улыбнулась.

– Вот и хорошо. Ты наконец-то становишься собой. Надеюсь, не превратишься в одну из тех женушек, что с открытым ртом ловят каждое слово мужа, потому что Элисон была как раз такой жеманной дурочкой.

– Может, именно поэтому твой брат и влюбился в меня? – не совсем уверенно предположила Эйнджел.

– Нет, ты совершенно не похожа на Элисон де Гренвилл. Умерев, она совершила самый мудрый поступок в своей жизни, – не слишком почтительно заметила Велвет. – Она уже начала раздражать Робина, хотя он еще и не понимал этого.

– Подойдите ко мне, дитя, – поманила королева Эйнджел, а когда девушка приблизилась, спросила: – Как долго вы были на моем попечении?

– Меня привезли ко двору, когда мне едва исполнилось пять лет, ваше величество, а зимой мне уже будет восемнадцать.

– Такая юная! – вздохнула королева. – Вы так рано потеряли родителей. Впрочем, я была еще меньше, когда лишилась матери. Надеюсь, вы не страдали от одиночества, дитя мое.

– О нет, мадам! Жить при дворе было по-настоящему чудесно. Меня научили считать, читать и писать, причем не только на английском, но и на латыни, французском и греческом. А еще я неплохо играю на лютне, хотя у меня никогда не было своей: струны слишком дороги.

– Вы любите музыку? – Королеву вдруг заинтересовала эта милая девушка, которой предстояло сменить статус бедной воспитанницы на титул благородной дамы.

– О да, мадам, очень. Мне бы хотелось научиться играть и на клавесине, хотя степени вашего таланта никому не достичь.

Елизавета улыбнулась столь явной лести. А девица-то неглупа, несмотря на свою кукольную красоту, и это может стать весьма полезным для лорда Саутвуда.

– Да, говорят, у меня и правда есть талант, – спокойно согласилась королева.

В этот момент в палатку вошел лорд Дадли с небольшим букетом бледно-розовых диких роз, маргариток и лаванды в руках.

– Это лучшее, что я смог найти, Бесс. Отыскать цветы в потемках не так-то просто. – С этими словами Дадли протянул королеве букет.

Королева приняла цветы, сняла с рукава золотую ленточку и перевязала их ею, затем отдала Эйнджел.

– Возьмите, дитя мое, хотя ваша красота, несомненно, затмевает прелесть этих цветов. Ну и где, черт возьми, капеллан?

– Здесь, мадам, – выступил вперед священнослужитель.

– Желаю, чтобы лорд Саутвуд и его невеста поженились здесь и сейчас, – заявила королева. – Отменяю все запреты.

– Конечно, мадам, – почтительно кивнул капеллан. – Могу я узнать имена жениха и невесты?

– Роберт Джеффри Джеймс Генри Саутвуд, – улыбнулась королева. – Это один из моих многочисленных крестников, как и лорд Дадли. Обряд крещения состоялся так давно, что кто-нибудь другой уже и забыл бы о нем, но я помню.

– Вы удивительная женщина, мадам! – восхищенно воскликнул Робин.

Королева фыркнула и повернулась к невесте:

– Как ваше полное имя, дитя?

– Эйнджел Аврора Елизавета, ваше величество. Говорят, на имени Эйнджел настояла моя бабушка, потому что я напоминала ей ангела; имя Аврора выбрала мать, поскольку я родилась на рассвете, а Елизаветой меня назвали в вашу честь.

– В мою честь?

– Мне так сказали, мадам.

Королева кивнула, явно довольная, и повернулась к капеллану:

– Что ж, святой отец, давайте начнем.

Какое забавное место для бракосочетания, думала Велвет, слушая напевный голос священнослужителя: палатка генерал-лейтенанта посреди поля, где завтра разразится сражение. Ошеломленные слуги поспешно убрали стол, за которым обедали королева и лорд Дадли, и перенесли в дальний угол палатки. Фонари из-под крыши отбрасывали на присутствующих

золотистые тени. Капеллан собирался в такой спешке, что не успел сменить повседневное облачение на соответствующее столь торжественному случаю. Невеста в своем единственном приличном платье судорожно сжимала собранный впопыхах букет. Слава богу, Эйнджел отказалась ехать к королеве в дорожном платье, подумала Велвет и в который раз порадовалась, что сообразила одарить подруг отрезами ткани.

Бонни постаралась на славу. Нижняя юбка платья из бирюзового шелка была оторочена узкими золотистыми и бирюзовыми лентами, лиф расшит речным жемчугом и крошечными хрустальными бусинами, а рукава украшены шелковыми бантами. Только Велвет знала, что чулки невесты под платьем аккуратно заштопаны в нескольких местах, а туфельки стоптаны почти до дыр. Прямо перед скромной церемонией Велвет подсказала подруге, что лучше распустить ее роскошные белокурые волосы. И вот теперь золотистые локоны спускались почти до талии, как фата. Да, из Эйнджел получилась потрясающе красивая невеста.

– Объявляю вас мужем и женой, – провозгласил наконец королевский капеллан.

Мгновение Робин Саутвуд смотрел в сияющее лицо Эйнджел, а затем, улыбнувшись, коротко поцеловал новобрачную в губы. Когда невесту по очереди поздравили и поцеловали лорд Дадли, королева и лорд Гордон, щеки ее залил очаровательный румянец. Велвет сердечно обняла подругу и прошептала ей на ухо:

– Я так рада, что теперь мы сестры, дорогая!

Королевские слуги внесли кубки со сладкой мадерой и подносы с хрустящими сахарными вафлями.

– Что это за свадьба, если нет доброго вина! – провозгласила Елизавета.

– Я же бедная невеста, – откликнулась Эйнджел, но тут же смутилась, взглянув на безымянный палец, где красовался перстень с гербом Саутвудов.

Когда капеллан попросил подать ему кольца, все вдруг вспомнили, что колец-то и нет. И тогда Робин снял с пальца свой перстень, пообещав позже подарить настоящее обручальное кольцо.

– Нет, дитя мое, не бедная, – возразила королева. – Ты была моей воспитанницей, так что выдать тебя замуж как положено моя прямая обязанность. За каждый год из тринадцати лет, что ты находилась под моей опекой, полагается по сотне золотых монет. Сверх того ты получишь еще две сотни в качестве свадебного подарка. И наконец, моя дорогая леди Саутвуд, я дарю вам это ожерелье. – Королева улыбнулась при виде разлившейся по лицу Эйнджел радости и сняла с шеи изящное кольцо из оправленных в золото бледно-розовых бриллиантов и застегнула его на шее ошеломленной девушки.

– Мадам... мадам... – Эйнджел закрыла лицо руками, не в силах вымолвить слова благодарности.

Еще никто никогда не был так добр к ней.

Королева потрепала девушку по щеке, затем подняла кубок и громко произнесла:

– Когда-то я так же поздравляла молодоженов Джеффри Саутвуда и Скай О’Малли. Ведь и ту свадьбу тоже устроила я! Похоже, теперь это станет королевской традицией – благополучно женить Саутвудов. Доброго вам здоровья, долгой жизни и побольше наследников! Да благословит вас Господь, мои дорогие! – С этими словами Елизавета опустошила кубок, и все присутствующие последовали ее примеру.

Вскоре после этого королева удалилась в Ардерн-Холл, а обе пары вернулись в гостиницу. На этот раз Робин настоял, чтобы Эйнджел села в седло перед ним, поэтому Велвет осталась в карете в одиночестве. Луна подернулась дымкой, но вместо нее ночное небо расцвечивали мириады звезд. Алекс ехал чуть впереди, не нарушая уединение новобрачных.

Никогда еще Робин Саутвуд не был так счастлив, как теперь. С самого детства его баловали и любили, но женитьба на этом ангеле, уютно устроившемся теперь в его объятиях, значила для него гораздо больше, нежели все остальное. Робин чувствовал, как дрожит девушка,

и его это расстраивало. Он знал, чего именно она боится, но не решался заговорить об этом, дабы не смутить свою молодую жену, поэтому решил ее немного отвлечь:

– Когда вернемся в Лондон, сразу же отправимся на склады моей матери на берегу Темзы. Там ты подберешь себе ткань, чтобы заказать новые платья, дорогая. Ты самая красивая девушка на свете, а красивые драгоценные камни нуждаются в соответствующей оправе. Ты же позволишь мне помочь тебе с выбором? Я представляю тебя в цветах драгоценных камней. Они идеально подойдут к нежному оттенку твоей кожи.

– Вы очень добры, милорд, – пролепетала девушка, так и не повернув к мужу лица.

– Посмотри на меня, Эйнджел. Знаешь, ведь ты еще ни разу не заглянула мне в глаза? Так посмотри же на меня сейчас, моя графиня Саутвуд.

Девушка повернулась и едва не ослепила Робина блеском своих восхитительных бирюзовых глаз. На ее губах играла еле заметная улыбка.

– Графиня Саутвуд, – повторила она медленно. – Звучит как песня. Это я, верно?

Робин рассмеялся:

– Конечно, ты, Эйнджел. Леди Эйнджел Саутвуд, графиня Линмут, моя жена перед Господом и людьми, чему свидетели ее величество королева и королевский капеллан.

– О, милорд, что мы наделали?

– Пока еще ничего, – подмигнул Робин и рассмеялся при виде пунцового румянца на щеках жены. – А теперь, мадам, позвольте отдать вам мой первый приказ в качестве вашего супруга: с этого момента называть меня по имени.

– Вы уверены, что мы не совершили непоправимую ошибку... Робин?

– Да, моя прекрасная Эйнджел, уверен. Даже королева признала, что мы поступаем правильно, пусть и скоропалительно. Я люблю тебя и надеюсь, что когда-нибудь и ты скажешь мне эти слова. Ты не должна меня бояться или стесняться говорить о том, что тебя волнует, чего тебе хочется. Я всегда выслушаю тебя и выполню любую твою просьбу. А теперь, пока мы не вернулись в гостиницу, давай поговорим о предстоящей ночи.

– О предстоящей ночи?

– Ведь это наша брачная ночь. Но, дорогая Эйнджел, если ты чувствуешь, что ее нужно отложить, дать тебе время привыкнуть, узнать меня получше, я подожду. Выбор за тобой, любовь моя.

Некоторое время, показавшееся Робину вечностью, Эйнджел молчала, а когда заговорила, ему пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова.

– Я знаю вас гораздо лучше, чем вы можете предположить, Робин, потому что Велвет очень вас любит и всегда о вас говорит. Я знаю, вы не способны причинить боль, поскольку всегда очень добры. Мне кажется, лучший способ узнать друг друга – это провести нашу брачную ночь так, как должно. Только должна вас предупредить: несмотря на многие годы при дворе, я до сих пор девственница и не очень разбираюсь в вопросах отношений между мужчиной и женщиной.

– Мне бы и в голову не пришло заподозрить, что ты не девственница! А переживать тебе не из-за чего, – успел заверить юную супругу Робин, прежде чем они подъехали к гостинице.

Быстро спешившись, он помог спуститься Эйнджел, рука об руку они вошли в гостиницу и сразу направились в комнаты, забронированные графом. Предполагалось, что Эйнджел и Велвет переночуют в одной из спален, а джентльмены разделят вторую. Теперь же Робин направился в их с Алексом комнату, чтобы перенести седельную сумку Алекса в небольшую гостиную, где они обедали. Оказавшись наедине с Эйнджел, он запер дверь на засов.

– У... у меня нет ночной сорочки, – пролепетала девушка.

– В ней нет необходимости, – заверил супругу Робин и, заключив в объятия, принялся целовать с такой страстью, что даже не услышал, как отворилась дверь в гостиную.

– Не может быть, чтобы они уже приехали, – сказала Велвет. – Они наверняка подождали бы нас.

Взгляд Алекса упал на седельную сумку.

– Они здесь.

– Ну вот и хорошо! Давайте попросим хозяина принести нам вина, и мы вместе выпьем за здоровье новобрачных!

Велвет двинулась было к двери, но Алекс преградил ей путь.

– Нет, дорогая. Дверь спальни заперта, а значит, они вряд ли обрадуются нашему визиту.

– Но мы даже не выпили за их здоровье! Что за свадьба без пира?

Алекс улыбнулся.

– Многие пары обходятся без пышного пиршества. В первую брачную ночь у молодоженов есть занятия поинтереснее.

Велвет фыркнула, но потом, когда смысл сказанного начал постепенно доходить до сознания, краска залила лицо, и она смогла лишь беспомощно выдохнуть.

Алекс тихо засмеялся.

– Ступайте спать, дорогая. Завтра королева устраивает смотр войск, и, уверен, после этого вам будет что рассказать внукам.

– А где будете спать вы? – спросила Велвет, вспомнив, в каком затруднительном положении он оказался.

– Здесь, на полу у камина. Ничего страшного: доводилось спать и в куда худших местах. Спокойной ночи.

Стало холодать, и Велвет, не теряя времени даром, освободилась от платья и забралась под одеяло в одной сорочке. Сквозь маленькое оконце с улицы доносился стрекот сверчков – веселый и успокаивающий. За дверью еще некоторое время раздавались шаги Алекса, и вскоре по бодрому потрескиванию поленьев Велвет догадалась, что он растопил камин. Девушка была совсем не прочь поменяться с Алексом местами – уступить ему свою холодную постель, а самой улечься у камина.

Она начала дремать, когда тишину ночи пререзал отрывистый крик. Дрожа всем телом, Велвет уселась в кровати и прислушалась. Крик показался ей таким жалобным. Где же это кричали? Но потом Велвет услышала тихие стоны и поняла, что они доносятся из соседней спальни.

Тихо всхлипнув, она спрыгнула с постели и поспешила в гостиную – прямо в сильные теплые руки Алекса. Велвет никак не могла унять дрожь, и он осторожно подхватил ее на руки, опустил в кресло перед камином, молча дожидаясь, пока девушка успокоится. Наконец она подняла глаза и спросила:

– Разве вы не слышали этот ужасный крик? А потом еще стоны? Я так испугалась! Может, здесь водятся привидения?

– Нет, дорогая, привидений здесь нет. А кричала ваша подруга Эйнджел.

– Но отчего? Ей было больно? Робин никогда не причинил бы ей боли! – в негодовании воскликнула Велвет.

– Такого рода боль мужчина причиняет непреднамеренно, дорогая.

– Не понимаю, – покачала головой девушка. – Что вы имеете в виду?

Алекс не видел деликатного способа объяснить происходящее, да и не его задача рассказывать Велвет о том, что происходит в первую брачную ночь, но выбора у него не было.

– Ваша подруга вскрикнула, когда Робин лишил ее невинности, – просто сказал Алекс.

– О боже, – прошептала Велвет, и в ее голосе прозвучал страх, а тело охватила дрожь.

– Это случается лишь единожды, – объяснил Алекс, успокаивающе прижимая девушку к себе.

– Мне так страшно! Я так боюсь этого дикого шотландского графа. Мама никогда не говорила мне, как все это происходит. Нет, я видела на ферме, как у животных, но ведь у людей не так, верно? Я кажусь вам глупой, да?

– Ах, Велвет, Велвет! – успокаивающе прошептал Алекс. – Все будет хорошо, дорогая. И не нужно считать себя глупой из-за девичьей неосведомленности. Ваш будущий супруг несказанно обрадуется, что вы так невинны.

Велвет подняла голову, и он заметил влажные дорожки от слез на ее щеках. Она казалось такой юной и трогательной, что сердце Алекса едва не разорвалось от любви, но в следующее мгновение она ввергла его в шок:

– Займитесь со мной любовью, Алекс.

– Велвет!

– Вы ведь мой друг? Вы подарили мне первый поцелуй, а теперь я хочу, чтобы вы показали, чего ожидать.

Велвет говорила с таким серьезным выражением лица, что Алекс с трудом сдержал смех и терпеливо объяснил:

– Дорогая, с моей стороны было бы подлостью взять то, что по праву принадлежит другому мужчине. Ведь девственность можно потерять лишь единожды.

– Нет, я не об этом, – отмахнулась Велвет, стыдливо хихикнув. – Разве занятия любовью состоят только из этого?

Она вопросительно посмотрела на Алекса, и он ощутил, как сильнее забилося сердце от охватившего его волнения. Каждый раз, когда он оказывался рядом с этой девушкой, ему хотелось гораздо большего, чем поцелуй.

– Поверите ли вы мне, если я скажу, что мы уже прошли некоторое расстояние по дороге Эроса?

Велвет кивнула, и глаза ее округлились, точно у маленькой совы, а лицо приняло серьезное и торжественное выражение.

Алекс с трудом сдержал дрожь. Велвет была так дьявольски невинна и вместе с тем невероятно соблазнительна! Как же он завидовал Робину, который сейчас занимался любовью со своей супругой. А ведь эта чудесная девушка, что сидит у него на коленях, его нареченная, и Алекс испытывал нестерпимое желание открыть ей правду, а потом отнести в спальню и повести дальше по дороге любви и сладострастия. Внутренний голос подсказывал ему, что ученицей она окажется способной.

– Итак? – прервал раздумья Алекса голос Велвет.

Маленькая дерзкая кокетка! Быстрым движением он сдвинул сорочку с ее плеч и обнажил до пояса. Велвет изумленно охнула, но Алекс накрыл ей рот обжигающим поцелуем. Огненный шар взорвался в животе Велвет, и жар от него растекся по всему телу. Губы мужчины дразнили ее, заставляя раскрыться навстречу поцелую, а потом в рот вторгся его язык и коснулся ее языка. В ушах Велвет бешено пульсировало и шумело, когда этот теплый шелковистый язык блуждал в глубинах ее рта, лаская плоть и пробегая по зубам. Алекс еще не целовал ее так, и Велвет, хоть и была немного обескуражена, нашла это очень приятным и... волнующим.

А потом крупная мужская ладонь погладила атласную кожу плеча, скользнула по изящной руке, обхватила упругую грудь, и Велвет едва не лишилась чувств. Странное, едва ли не болезненное тепло разлилось по жилам. Когда до нее дотрагивался Кит Марло, она готова была умереть от стыда и разочарования, гнева и беспомощности, но сейчас все было иначе. Руки Алекса оказались такими нежными и ласкали ее с такой любовью, что Велвет буквально таяла, но знала: он остановится в любой момент, стоит ей лишь попросить. Только она не хотела, чтобы он останавливался, и это озадачивало и сбивало с толку.

– Святые небеса! Велвет, вы такая красивая! – срывающимся от волнения голосом прошептал ей на ухо Алекс.

Голова девушки запрокинулась, и теплые мужские губы проложили дорожку из поцелуев по ее стройной шее, пальцы погрузились в волосы, а вторая рука ласкала грудь, легонько теребила соски, превращая в тугие, ноющие от обрушившейся на них сладкой пытки бусины.

Велвет дрожала от возбуждения. Если это и есть любовь, то она поистине чудесна. Со вздохами восхищения она все теснее прижималась к сильному торсу мужчины. Рука с ее затылка переключалась на талию, а та, что дразнила юные упругие груди, скользнула вниз, под сорочку, и Велвет почувствовала, как она пустилась в медленное путешествие вверх по ноге. На мгновение она усомнилась в пристойности происходящего, но ощущения были такими приятными, что Велвет не оставалось ничего другого, кроме как расслабиться и подчиниться. Перед глазами ее заплясали мириады крошечных звезд, в животе запорхали бабочки, и она больше не ощущала ничего, кроме наслаждения.

Коснувшись подушечками пальцев внутренней поверхности ее бедра, Алекс понял, что должен остановиться. Его плоть нестерпимо ныла от желания, и он уже пожалел, что позволил маленькой шалунье втянуть его в эту авантюру. Лучше подождать до свадьбы, и тогда эта любовная прелюдия приведет к логическому финалу. Алекс убрал руку из-под сорочки и, прижав девушку к себе, тихо сказал:

– На сегодня достаточно, дорогая. Мне очень тяжело сохранять самообладание, и я боюсь, что не смогу сдержать свое обещание сохранить вашу честь. Вы точно спелый сочный персик, и мне ужасно хочется его сорвать.

– Прошу вас, Алекс, полюбите меня еще немного. У меня почему-то все болит, и ощущения какие-то странные.

Алекс нежно поцеловал девушку, вернул сорочку на место и завязал тонкие шелковые тесемки.

– Нет, дорогая, мы должны остановиться.

Велвет испустила разочарованный вздох.

– Но ведь вы будете любить меня еще, Алекс?

– Да! – ответил он с чувством и, вздохнув, поднялся со своего места, все еще прижимая ее к сердцу.

Не говоря больше ни слова, он отнес Велвет в постель, закутал в одеяло, подоткнул его со всех сторон и быстро вышел из комнаты.

Велвет, как ей показалось, бесконечно долго лежала в темноте, вновь и вновь переживая каждое прикосновение, каждый поцелуй. Ей хотелось вскочить с постели и броситься к Алексу, но она знала, что не должна. Как же ей дождаться утра, чтобы увидеть его снова? Святые небеса! Неужели она влюбилась? Это была последняя осознанная мысль, посетившая Велвет перед тем, как она провалилась в сон.

Хозяин гостиницы разбудил гостей рано поутру, поскольку королева собиралась держать речь перед войсками и весь двор должен был присутствовать при этом событии. В качестве фрейлины Велвет надлежало целый день быть рядом с ее величеством. Эйнджел же, которая теперь носила титул графини Линмут, предстояло отныне появляться на подобных мероприятиях вместе с мужем и другими придворными. Чтобы не опоздать, им пришлось помогать друг другу одеваться, и если накануне между ними и возникла какая-то неловкость, то сегодня о ней было забыто. Девушки не притронулись к роскошному завтраку, поданному хозяином гостиницы, хотя Алекс и Робин с большим аппетитом поглощали яйца пашот, приправленные густыми сливками и марсалай, толстые куски розовой ветчины и горячий хлеб со свежевзбитым сливочным маслом и сливовым джемом. Все это великолепие они запивали сидром из зеленых яблок, специально приготовленным для дорогих гостей.

– Как вы можете есть в столь ранний час? – поморщилась Велвет. – Да еще так набивать живот!

– Солнце уже встало, – с улыбкой ответил Робин. – К тому же у меня сегодня зверский аппетит по вполне определенной причине.

Он бросил на Эйнджел полный обожания взгляд, и та, густо залившись краской, сердито сдвинула брови.

– Фи, милорд, вам бы все смеяться! – Однако голос ее звучал ласково, а взгляд, брошенный на мужа, источал нежность.

– А что пробудило ваш аппетит, Алекс Гордон? – раздраженно поинтересовалась Велвет, почему-то не разделявшая благостного настроения остальных.

– Когда нет возможности утолить один голод, приходится утолять другой, – спокойно ответил Алекс, намазывая маслом очередной ломоть хлеба. – Еще сидра, Роб?

Велвет вернулась в свою маленькую спальню, распахнула окно и выглянула на улицу. День выдался чудесный, и девушка глубоко вздохнула.

– Что-то не так, Велвет? – К комнату вошла Эйнджел, тихонько прикрыв за собой дверь. Велвет отвернулась от окна и обеспокоенно поинтересовалась:

– А как у тебя?

– Все хорошо! – воскликнула Эйнджел. – Это ты за меня так переживаешь?

– Я слышала, как ты... – Велвет густо покраснела. – Я хочу сказать, ночью... – Краска вновь разлилась по ее лицу и шее. – Мой брат что, причинил тебе боль?

В глазах Эйнджел вспыхнуло понимание. Бедная Велвет! Как она невинна. Впрочем, она и сама была такой вплоть до прошлой ночи, когда муж открыл для нее такие удовольствия, о которых она прежде даже и не догадывалась. Эйнджел обняла подругу за плечи.

– Робин никогда не причинит мне боли. Он самый добрый и нежный мужчина на свете.

– Ты в него влюбилась?

– Велвет, слишком мало времени прошло, чтобы знать это наверняка, но уверена, что со временем смогу его полюбить. А пока я просто уважаю его и благодарю Господа за то, что подарил мне такого хорошего и доброго мужа. – Она улыбнулась. – Как хорошо, что теперь мы с тобой как сестры! У меня никогда не было сестры. И я счастлива наконец ее обрести.

– Я глупая, да, Эйнджел?

– Вовсе нет, и я очень тебя люблю: ты такая заботливая, за всех переживаешь.

Девушки как раз заканчивали свой спешный туалет, когда из-за двери Робин попросил жену и сестру поторопиться. Рука об руку они вышли из гостиницы, поражая окружающих своей красотой – Эйнджел в бирюзовом платье и Велвет в изумительном творении портняжного искусства из желтой парчи с нижней юбкой и рукавами, расшитыми черными бабочками. Сегодня королева позволила своим фрейлинам вместо девственно-белых надеть самые красивые платья.

Однако вместо экипажа у крыльца гостиницы они обнаружили четырех прекрасных лошадей, которые нетерпеливо перебирали ногами. Стало быть, на равнину Тилбери, где королева собиралась держать речь перед войсками, им предстояло ехать верхом. Граф Линмут заверил сестру, что они поедут не слишком быстро, чтобы дорожная пыль не испортила их прекрасные наряды. Когда Робин с улыбкой усадил Эйнджел на гнедую кобылу, Велвет заметила, как супруги обменялись нежными проникновенными взглядами.

В следующее мгновение и ее тонкую талию обхватили сильные руки и усадили в седло. Когда взгляды их встретились, Алекс ничего не сказал, но в его глазах на короткий миг возникло выражение, которого Велвет не смогла понять. Он легонько коснулся ее щеки, и совершенно неожиданно Велвет оробела перед этим мужчиной, которого считала своим другом и которого просила научить ее любви. Слава богу, молодожены, слишком поглощенные друг другом, ничего не заметили.

Мужчины наконец оседлали лошадей, и обе пары двинулись в сторону равнины Тилбери. Когда до лагеря оставалось с четверть мили, они встретились со свитой королевы, и Велвет присоединилась к остальным фрейлинам.

Бесс, невероятно воодушевленная происходящим, радостно поприветствовала подругу и сразу же спросила:

– Это правда?

– Что именно? – вскинула брови Велвет.

– Правда насчет Эйнджел? Твой брат действительно сделал ее своей любовницей? Все утро двор только об этом и говорит!

Велвет была потрясена.

– Мой брат граф Линмут и Эйнджел Кристман вчера вечером поженились.

– Это они вам так сказали? – рассмеялась Леонора де Арси, одна из фрейлин, не слишком разборчивая в связях. – Да благословит меня Господь, Велвет, вы так и остались глухой провинциалкой, коль поверили в это. Впрочем, госпожу Кристман трудно осуждать – ведь ваш брат так красив и богат. Без приданого и громкого имени бедняжка вряд ли может рассчитывать на удачный брак.

– На вашем месте, госпожа Арси, я бы поостереглась говорить в таком тоне о госпоже Кристман в присутствии королевы, поскольку Эйнджел и мой брат обвенчались с ее благословения, а венчал их личный капеллан ее величества, – прошипела Велвет. – Я знаю это наверняка, поскольку сама была тому свидетельницей.

– В самом деле? – хором воскликнули остальные фрейлины, миглом обступив Велвет.

– Истинная правда! – сладким голосом протянула девушка. – На церемонии также присутствовали граф Лестер и друг моего брата лорд Гордон. А Эйнджел теперь не Кристман, а Саутвуд, графиня Линмут.

– Черт побери! – воскликнула Бесс, не в силах справиться с эмоциями. – Как это могло произойти?

– Любовь с первого взгляда. Впервые Робин увидел Эйнджел несколько недель назад на празднике, устроенном в честь королевы, и все, пропал. Пришлось ему просить у ее величества разрешения на брак.

– Ах как романтично! – воскликнула Бесс. – И замечательно, что им не придется опасаться гнева королевы, раз она одобрила этот союз.

– Так-так, Бесс! Похоже, вы тайно влюблены в одного из фаворитов ее величества? – усмехнулась де Арси. – Мне сказали, вы не осмелитесь наслать ее гнев на голову Уолтера.

Побледнев, Бесс бросила взгляд на королеву, ехавшую чуть впереди вместе с Лестером и Эсексом, и похолодела при мысли, что она услышит слова, неосмотрительно брошенные Леонорой де Арси. Бесс была давно влюблена в Уолтера Рейли, чувство оказалось взаимным, но ни она, ни он не осмеливались рисковать своим положением при дворе, поскольку вся их жизнь зависела от расположения королевы.

– Интересно, знает ли ее величество о вашей интрижке с Энтони Бэконом? – невинно произнесла Велвет, даже не удостоив леди де Арси взглядом.

– Грязная ложь!

– По мнению графа Эсекса, это чистая правда, дорогая. Он рассказывал, что вы невероятно распущенны, но продаете свою благосклонность слишком дешево, учитывая древность и могущество вашего рода.

Фрейлины, обожавшие сплетни, тихонько захихикали, к тому же Леонору де Арси недолюбливали, в то время как Бесс Трокмортон любили и уважали. Многие дамы догадывались о чувствах Бесс, но никогда не обсуждали их открыто из страха разрушить то, что считали весьма романтической и трагической историей. Они мысленно аплодировали язвительным словам Велвет, поскольку сами не решились бы задирать наследницу рода де Арси.

– Я ожидала, чтобы вы броситесь на защиту Бесс, – презрительно усмехнулась Леонора де Арси. – Она сама бедна, но ее родственники весьма влиятельны в отличие от ваших, до неприличия богатых. Вам необходима ее поддержка здесь, при дворе, поскольку ваш отец совсем не имеет веса в обществе, а мать, как я слышала, простая ирландская пиратка, которой запрещено показываться при дворе.

– Вы перепутали мою маму с ее кузиной Грейс О’Малли – весьма неординарной личностью. Вот она настоящий пират, – без тени смущения возразила Велвет. – А что касается поддержки, так я в таковой не нуждаюсь. Деньги, дражайшая госпожа де Арси, обладают великой силой. Я выбираю друзей за их дружелюбие и доброту: как наследница огромного состояния, могу себе это позволить.

– Прошу вас, – взмолилась Бесс, – давайте не будем ссориться в час великой смертельной опасности, угрожающей нашей дорогой королеве и нашей возлюбленной Англии.

Раздался одобрителный гул, и оставшаяся в меньшинстве Леонора де Арси прекратила свои нападки. Велвет же с обожанием посмотрела на подругу и потрепала по руке, а Бесс благодарно улыбнулась в ответ.

Восседавшая на огромном белом в серых яблоках мерине Елизавета Тюдор выглядела точно королева амазонок. Это животное подарил ей Роберт Сесил, младший сын лорда Берли. Мудрая королева выбрала для сегодняшнего выступления белоснежный наряд. Из-под бархатного платья выглядывала атласная нижняя юбка, расшитая серебряными розами – символом Тюдоров. Рукава платья украшали фестоны, перехваченные белыми шелковыми бантами с индийскими жемчужинами в середине. Поскольку волосы начали редеть, королева предпочитала носить огненно-рыжий парик, в который сейчас воткнула два белоснежных пера. Ее советник очень опасался покушения, поэтому поверх платья ей пришлось надеть покрытый узорами серебряный нагрудник, а в правой руке она сжимала инкрустированный золотом серебряный жезл. Выглядела она действительно по-королевски и воодушевляла всех, кто видел ее в этот день. Люди криками приветствовали свою королеву. Более всего их поражало, сколь бесстрашно передвигается она в толпе, сопровождаемая лишь несколькими доверенными лицами. Остальная свита королевы остановилась на краю заповоленного солдатами поля.

Гордо восседающая на своем прекрасном мерине, Елизавета Тюдор продвигалась вперед, время от времени натягивая поводья, чтобы благосклонно кивнуть в ответ на столь громкое и восторженное проявление преданности. Наконец, оказавшись в самом центре поля, она остановилась. Вокруг нее простиралось море английских лиц, представлявших самые разные слои населения, начиная от низших и заканчивая высшими. Всемогушие лорды стояли бок о бок с купцами и мясниками, фермеры – с сапожниками, кузнецы – с богатыми землевладельцами. Молодые и старые глаза с обожанием смотрели на королеву, и она внезапно ощутила прилив гордости за этих потрясающе преданных англичан, собравшихся вместе, чтобы защитить ее и свою родину. Еще несколько минут она ждала, позволив им выразить свою радость и почтение, и лишь потом драматично вскинула затянутую в перчатку руку. Солнечные лучи, отразившись от ее серебряного жезла, ослепили присутствующих.

На равнине Тилбери тотчас же воцарилась тишина, и королева Англии обратилась к своей армии:

– Мой возлюбленный народ! Кое-кто из тех, кто беспокоится о безопасности своей государыни, убеждал меня поостеречься выступать перед вооруженной армией из страха предательства. Только я не желаю жить, не доверяя моему преданному и любящему народу. – Елизавета на мгновение замолчала и с усмешкой посмотрела на свой нагрудник. – Пусть тираны трепещут! Но, Бог свидетель, я всегда старалась вложить частицу своих сил и доброй воли в любящие сердца моих подданных. Как видите, я сегодня здесь, среди вас, и не для развлечений и забав, а для того, чтобы жить или умереть вместе с вами в бою, чтобы отдать свою честь и кровь за веру, свое королевство и свой народ. Знаю, я всего лишь слабая женщина, но у

меня сердце и воля королей Англии, и посему мне претит мысль о том, что герцог Пармский, король Испании или любой другой европейский правитель когда-либо дерзнет пересечь границы моего королевства. И дабы не допустить бесчестия, я сама стану генералом, судьей или тем, кто вознаградит ваши подвиги на поле боя.

За свою готовность отдать жизнь за родину вы уже заслужили наград, и я даю слово королевы, что эти награды найдут вас. А пока место командующего займет мой генерал-лейтенант, которому еще никогда не вверялась столь благородная и достойная гордости миссия. Я не сомневаюсь, что подчинение его приказам, согласованность действий и мужество на поле боя помогут нам в короткое время одержать победу над врагами Бога, королевства и моего народа!

С этими словами она выбросила вперед руку с жезлом, и по равнине прокатился рев торжествующих голосов. Мужчины подбрасывали вверх шляпы, хлопали друг друга по плечам, воодушевленные проникновенной речью Елизаветы Тюдор. Теперь даже самый бедный и слабый англичанин был готов столкнуться лицом к лицу с гордым испанцем и стереть его с лица земли. В этот день не было ни одного человека, который не хотел бы добровольно отдать жизнь за королеву. Религия не имела никакого значения: все без исключения – католики или протестанты – обожали ее величество. Сегодня впервые за годы своего правления Елизавета Тюдор олицетворяла собой Англию.

Однако прекрасно вымуштрованной и бесконечно преданной королеве армии Елизаветы Тюдор так и не суждено было в этот день вступить в бой с испанцами. Почти после двух недель, наполненных мучительной неизвестностью, королева получила наконец донесение о том, что ее флот разгромил Непобедимую армаду в ожесточенном сражении, продолжавшемся два дня, 28 и 29 июля.

В ту воскресную ночь раздался залп одинокой пушки флагманского корабля англичан «Арк ройал». От остальных кораблей неслышно отделились ведомые добровольцами брандеры с легкими шлюпками на буксирах. Именно на них должны были вернуться назад храбрецы после выполнения поставленной перед ними задачи. Подгоняемые попутным ветром и отливом горящие корабли обрушились на испанскую флотилию, сея панику и хаос. Несмотря на то что герцог Медина-Сидона хранил спокойствие и отдавал приказы, направленные на то, чтобы избежать столкновения с охваченными огнем вражескими кораблями, большинство капитанов запаниковали, обрубив якорные канаты и начали отступление в открытое море. В кромешной тьме корабли сталкивались, их выбрасывало на берег, и там они подвергались нападению французов и англичан. Из несчастных моряков мало кто остался в живых.

К востоку от Кале, недалеко от Фландрии, располагалась гряда скрытых под водой песчаных отмелей. Именно здесь оказалась Непобедимая армада на рассвете в понедельник 29 июля. Дрейк, прекрасно знавший эти места, повел наступление с запада и ударил в тыл испанской флотилии. Снова и снова проплывали они мимо оборонявшихся испанских галеонов, осыпая их залпами из всех орудий. Почти половина команды флагманского корабля герцога Медина-Сидона «Сан-Мартин» была уничтожена. Палубу корабля устилали тела умирающих.

Вновь и вновь англичане: Дрейк, Хокинс, Фробишер, Сеймур, Винтер, Фентон, лорд-адмирал Говард – на своих кораблях атаковали испанцев, а еще одним дредноутом командовал забавный старый джентльмен из Чешира, которого всего тремя днями раньше посвятили в рыцари на флагманском корабле в присутствии Хокинса и Фробишера, восьмидесятидевятилетний сэр Джордж Бистон. В клубах непроглядного дыма и смертоносном грохоте пушек эти храбрые капитаны нанесли сокрушительный удар по кораблям Непобедимой армады. Это была невероятная победа, и к исходу дня ни один испанский корабль не мог продолжать сражение. Англичане прекратили огонь лишь из-за нехватки боеприпасов. Они и сами еще не понимали, сколь неправдоподобную победу им удалось одержать.

В ту ночь ветер переменился и погнал армаду на смертельную песчаную отмель, где корабли могли разбиться в щепки. К рассвету испанские лоцманы измерили глубину, и, по их данным, она составляла около тридцати шести футов, но и без этого все видели перекатывающиеся через банки волны. Чтобы сохранить жизнь оставшимся двадцати тысячам испанских моряков было, заготовлено предложение о капитуляции, которое должны, были доставить англичанам на легком полубаркасе, однако ближе к полудню ветер опять сменил направление. Теперь он дул на юго-восток, наполняя жизнью изрешеченные ядрами паруса изрядно пострадавших в бою испанских кораблей. Теперь они могли повернуть на север, минуя устье Темзы и порт Харидж, и на всем пути отступления израненной армады ее преследовал английский флот. В пятницу, 2 августа, ветер подул на северо-восток. Со скудными запасами провизии, оставшись почти без воды, англичане повернули к родным берегам, уверенные в том, что дальнейшее преследование бесполезно. Судя по останкам домашнего скота, выброшенным за борт испанцами, с продуктами у них тоже было туго.

А в Англии еще никто не знал, сколь сокрушительное поражение потерпели испанские завоеватели. Елизавете пока не доложили о победе ее флота, поскольку даже военачальники не были уверены в своем окончательном триумфе. Судя по всему, никто не хотел брать на себя ответственность и заявлять об успехе, когда ситуация могла измениться в худшую сторону, и флот ее величества продолжал преследовать испанцев, отгоняя все дальше от берегов Англии навстречу окончательному уничтожению, в то время как королева продолжала готовиться к войне, к вторжению до тех пор, пока не получила радостного известия о победе.

Глава 4

Когда англичане наконец узнали все подробности своей впечатляющей победы над испанцами и великой армадой, страна закружилась в водовороте ликования и торжества. Целую неделю на каждом холме по всему королевству полыхали костры. Прежде чем покинуть Тилбери, королева посетила каждый уголок лагеря, чтобы попрощаться со своими преданными солдатами и поблагодарить их за верность, а напоследок, сопровождаемая Лестером и молодым Эссексом, проехала вдоль выстроившихся в шеренги подданных, воздававших ей славу.

Когда они проводили ее на яхту, Робин Саутвуд не мог не заметить, как плохо выглядит Лестер. Волосы и борода у него стали совсем седыми, черты болезненно красного лица загрузбели, а еще он от сытой жизни и потакания собственным прихотям значительно прибавил в весе. Памятуя о том, как некогда стройный Лестер оскорбил его мать и злоупотребил своим положением его крестного, граф Линмут не испытывал к нему жалости. Да, он был предан королеве, но не всегда использовал свое привилегированное положение во благо. Когда королева появилась на причале, Робин Саутвуд выступил вперед, отвесил витиеватый поклон и поцеловал монаршую руку.

– А, – тепло улыбнулась Елизавета, – милорд Саутвуд. Направляетесь в Лондон?

– Да, мадам, но ненадолго. Честно говоря, лишь для того, чтобы заехать на склады О’Малли-Смолл и выбрать ткань для моей супруги. Не терпится отвезти ее в Линмут, показать новый дом и познакомить со своими дочерьми.

– Вы не собираетесь дожидаться возвращения вашей матушки, милорд?

– Весной мы получили от нее последнее письмо, в котором говорилось, что по возвращении она сначала направится в Биддефорд, мадам. Полагаю, она едет в Девон, чтобы повидать моих дочек.

– Красавица Скай – бабушка! – преувеличенно тяжело вздохнул Лестер. – Нет, это просто непостижимо!

– Все мы стареем, милорд, – не остался в долгу Робин.

Роберт Дадли бросил на своего более молодого тезку недобрый взгляд, но тот лишь обворожительно улыбнулся.

– Привезите свою жену ко двору, когда в следующий раз будете в Лондоне, милорд Саутвуд, – любезно пригласила королева. – Мы будем очень рады принять ее у себя.

– Вы слишком добры, мадам. Впрочем, как всегда. Да хранит Господь ваше величество.

Королева проследовала на яхту, а Робин Саутвуд направился к собственному судну. Благодаря приливу они быстро добрались вверх по Темзе в Лондон, уже всюду праздновавший победу храбрых английских моряков над испанской армадой. Улицы, украшенные праздничными голубыми флагами, были забиты толпами, питавшими надежду хоть одним глазком увидеть и поприветствовать королеву, спасительницу Англии. Прибыв из Тилбери, Елизавета пересела в величественную золотую карету, украшенную фигурами льва и дракона, которые держали в лапах герб Англии, с крышей, выполненной в форме короны и покоившейся на четырех золотых опорах. Облаченная в белое бархатное платье, королева принимала проявление почтения с мягкой улыбкой на лице, помахивая рукой в ответ на приветственные крики подданных.

Благодарственная служба состоялась в соборе Святого Павла, где, к удовольствию толпы, были выставлены на всеобщее обозрение флаги поверженного врага. Народ с размахом праздновало казавшуюся настоящим чудом победу: разжигались костры, прямо на улицах и площадях устраивались турниры, застолья и танцы. Официальный благодарственный молебен должен был состояться 7 ноября 1588 года. В этот самый день вся Англия собиралась праздновать тридцатую годовщину правления королевы Елизаветы Тюдор.

Пребывавшая в прекрасном расположении духа королева была чрезвычайно щедра и ласкова со своими подопечными, особенно со своей младшей крестной дочерью Велвет де Мариско, и потому большую часть времени девушка проводила в Линмут-Хаусе, а не при дворе: помогала Эйнджел выбирать ткани на платья. Еще никогда новоявленная графиня Линмут не сталкивалась со столь невероятной щедростью, которую проявил ее супруг. Она не помнила, чтобы когда-нибудь у нее было больше двух платьев одновременно, да и те, как правило, перешивались из старых нарядов, а если и оказывались новыми, то из самой простой ткани. Эйнджел буквально ошеломил такой богатый выбор роскошных тканей, представленных на ее суд. Словно зачарованная, она наблюдала, как Велвет, рожденная и выросшая в достатке, а потому знавшая толк в тканях, выбирает для нее отрез за отрезом, один роскошнее другого:

– Вот этот ярко-алый бархат, ту изумрудную парчу, розовый шелк и, конечно же, фиолетовый. Нет-нет! Желтый цвет совершенно не идет леди Линмут, болван! А вот этот аметистовый с серебряными полосками я бы взяла.

Велвет повернулась к невестке:

– Что думаешь, Эйнджел?

Девушка рассмеялась в ответ:

– Думаю, что этого слишком много. Ты уже набрала ткани на целую дюжину платьев.

– Моя дорогая Эйнджел, ты теперь графиня Линмут, а вовсе не какая-то там королевская воспитанница, так что платьев тебе понадобится гораздо больше двух.

– Сдаюсь! Вы с братом совершенно неисправимы. Мне и за сотню лет не сносить тех платьев, что вы намерены из всего этого сшить, равно как и драгоценностей, которыми меня осыпает Робин.

– Ничего, ты справишься, – с завидной уверенностью возразила Велвет. – Поживешь некоторое время в Саутвуде, пообвыкнешь, а после возвращения мамы, я уверена, тебя пригласят в Куинс-Молверн. Кстати, королева уже намекнула, что хотела бы видеть вас с Робинем при дворе, так что тебе понадобится не только вся эта ткань, но и больше!

– Какая она? – спросила Эйнджел.

– Кто?

– Твоя мама. Я слышала... словом, кто что говорит о ней, и порой одно противоречит другому.

Велвет рассмеялась:

– Она удивительная, и обязательно полюбит тебя, как я и Робин. Не сомневаюсь, что ты много чего слышала о ней: про Скай О’Малли ходят настоящие легенды, коими не может похвастаться, пожалуй, ни одна из дам в Англии. Мой отец ее шестой муж, и от всех, кроме одного, она рожала здоровых детей. На протяжении многих лет она была главой семьи у себя в Ирландии и заботилась обо всех своих родственниках, в число которых входит и сэр Роберт Смолл. Долгое время он был деловым партнером моей матери. С его помощью она создала огромную торговую империю. Корабли О’Малли многие годы доставляли в Англию специи, но теперь, когда Португалия обрела в Индии огромное влияние, с этим стало сложнее. Чтобы добиться для Англии таких же привилегий, какими Великие Моголы наделили португальцев, ее величество и отправила мою мать в путешествие. И все же, несмотря на ее довольно насыщенную жизнь, никто из ее детей не чувствовал себя брошенным или нелюбимым. Все мы очень близки.

Конечно же, Робин обладает самым высоким титулом, хотя и родился четвертым, после Эвана и Мерроу О’Флаэрти и сестры Уиллоу, теперь – графини Олсестер. После него появились на свет Дейдра и Падрек Берк. Мой отец женат на маме гораздо дольше, нежели все его предшественники, – они вместе уже шестнадцать лет.

– Расскажи мне о дочерях Робина. Какие они? – Эйнджел явно беспокоилась, понравится ли своим падчерицам.

– Бет в этом году исполнилось три, а Кейт – два, – день рождения у нее в январе. Маленькой Сесили два года исполнится в декабре. Это очаровательные малышки с голубыми, как были у Элисон, глазами, и светлыми, как у Робина, волосами. Они совсем не помнят своей матери, даже Бет, которая была совсем крохой, когда та умерла. Теперь их мать ты, Эйнджел, и таковой останешься, так что не стоит бояться и переживать.

Внезапно дверь в спальню Эйнджел распахнулась, и, когда девушки подняли головы, в комнату стремительно вошла невероятно красивая дама с черными волосами, янтарными глазами и чуть смугловатой кожей, что для англичанки было весьма необычно, и с ходу спросила у Велвет:

– Вот это невеста?

– Уиллоу! О, как я рада тебя видеть! И да, это Эйнджел, молодая жена Робина.

– Ты что, не могла сообщить мне о свадьбе, Велвет? Мы с Джеймсом поспешили в Лондон, чтобы отпраздновать великую победу королевы, а потом засвидетельствовали почтение ей самой. Именно тогда ко мне и пристал лорд Дадли со своими отвратительными намеками. На этот раз разговор касался молодой жены Саутвуда. У тебя хотя бы хватило вежливости сообщить остальным? Или же по какой-то причине брак нашего брата должен остаться тайной для членов семьи? Одобрит ли его матушка?

Несмотря на то что Уиллоу была на несколько дюймов ниже своей младшей сестры, ее царственные повадки неизменно нагоняли страх на тех, кто ее не знал. Велвет знала, поэтому совершенно спокойно ответила:

– Мы вернулись в Лондон всего два дня назад, так что у меня почти не было времени оповестить семью. Кроме того, Робин считал, что гораздо важнее должным образом одеть жену, чтобы она могла выглядеть соответственно своему статусу графини Линмут, да и мама вернется со дня на день.

– Вовсе нет – они не вернутся до следующей весны. Робин узнал об этом только сегодня. Лицо Велвет приняло такое выражение, словно она собиралась рыдать.

– Что-то случилось? Почему они так задерживаются?

– Не знаю, спроси у Робина: ведь это он получил депешу, тем более что это не так важно, как его женитьба, – огрызнулась Уиллоу и, развернувшись, вперила в Эйнджел прожигающий насквозь взгляд. – А вы, собственно, кто? Есть ли у вас земли? Я ведь ничего не знаю, но намерена узнать все!

– Мне нужно отыскать Робина, – прервала ее словесный поток Велвет и сказала невестке: – Не бойся, Эйнджел: Уиллоу громко лает, но не кусает. Просто в отсутствие матери она всегда была главой нашей семьи. Расскажи ей все, без утайки, и, уверена, она полюбит тебя так же, как остальные.

И, подобрав юбки, она поспешила прочь из комнаты, а вслед ей неслись слова старшей сестры:

– Ах ты, бесстыжая девчонка!

Сдвинув брови, Велвет быстро поднялась на второй этаж и ворвалась в библиотеку, даже не удосужившись постучать. Алекс и Робин, что-то рассматривавшие на карте, с раздражением подняли головы, когда дверь внезапно распахнулась.

– Это правда? Правда, что ты получил письмо от мамы? Правда, что она не вернется домой до следующей весны? Почему ты не сказал мне, Робин? Что я буду делать, когда явится этот проклятый шотландец? Я не хочу замуж!

Девушка разрыдалась, и Алекс, заключив ее в объятия, спокойно сказал, глядя на Робина поверх ее головы:

– Достаточно тайн! Я больше не хочу мучить Велвет. Дорогая, посмотрите на меня. Я граф Брок-Керн, тот самый проклятый шотландец, ваш будущий супруг. Умоляю, не нужно больше бояться, потому что я люблю вас.

Велвет не сразу поняла смысл сказанного, а когда до нее дошло, вырвалась и, едва ли не взвизгнув, бросила на брата испепеляющий взгляд.

– Так ты все знал, Робин? Ты знал, кто он такой?

– Конечно, знал, – ведь это мой старинный друг.

– Ты мне лгал! – выкрикнула девушка. – Вы оба мне лгали!

– О какой лжи ты говоришь? – вскинул брови Робин. – Никто не сказал тебе ни слова неправды.

– Ты сказал, что это лорд Гордон и его зовут Александр! – Велвет в ярости топнула ногой, и подол ее темно-голубого платья отозвался гневным шорохом шелка.

– Так и есть, маленькая злока: перед тобой Александр Гордон, граф Брок-Керн, так что тебе никто не лгал.

– Но и всей правды мне тоже не открыли, – не желала признавать очевидное Велвет. – А потому вам нет прощения! Ни одному из вас!

Внезапно Робин гневно прищурил свои зеленые глаза, схватил сестру за плечи и, что есть силы встряхнув ее, разразился гневной тирадой:

– Ах ты, маленькая капризная мерзавка! Ты хотя бы понимаешь, как тебе повезло с Алексом? У него есть все права на тебя, он может требовать немедленного исполнения договоренности, и, будь я немного умнее, непременно настоял бы на свадьбе, поскольку давно уже пришло время отдать тебя в руки хозяина и господина, который укажет тебе твое место. Бог свидетель, ни матери, ни Адаму не удалось тебя приструнить, вот и результат. Алекс считал, что тебе нужно дать время получше его узнать, чтобы ты смогла изменить мнение о нем. И он гораздо трепетнее отнесся к твоим чувствам, нежели ты – к его.

Велвет вырвалась и потерла плечи в тех местах, где их сжимали пальцы брата, потом выпрямилась в полный рост и заявила:

– Я немедленно возвращаюсь ко двору, Робин. Спасибо за гостеприимство. Выбрать ткани твоей жене я помогла, и теперь, когда прибыла Уиллоу, в моем присутствии больше нет необходимости: сестра гораздо лучше меня разбирается в моде.

– Ты останешься здесь, даже если мне придется запереть тебя в комнате, Велвет! Я сегодня же обращусь к королеве с просьбой освободить тебя от обязанностей фрейлины, и в самое ближайшее время мы отпразднуем свадьбу, чтобы вы с Алексом успели вернуться в Дан-Брок до наступления холодов.

Робин, как истинный граф и хозяин поместья, холодно посмотрел на сестру, но та, несколько не испугавшись, выкрикнула:

– Да пошел бы ты к черту, дорогой братец! Только попробуй силой заставить меня идти к алтарю, и я закачу такой скандал, каких при дворе Тюдоров еще не видывали!

Она резко развернулась и презрительно посмотрела на Алекса:

– А что на все это скажете вы, мой предполагаемый хозяин и господин?

– А вот что: я намерен освободить вас от необходимости следовать условиям соглашения, заключенного нашими родителями десять лет назад. Мне еще никогда не приходилось силой кого-то укладывать в свою постель, да и, если честно, вы не в моем вкусе с этими волосами цвета ржавчины, дурными манерами и несносным характером. Мне нужна мудрая спокойная леди, а не избалованный ребенок.

На лице Велвет отразилось негодование, а Робин с трудом сдержал улыбку.

– И все же, – продолжил Алекс, – наши отцы всегда мечтали породниться. Так что давайтеждемся возвращения ваших родителей и лишь тогда примем окончательное решение.

Алекс задел гордость Велвет, и она язвительно произнесла:

– Вот и отлично, милорд. А до тех пор, как вы понимаете, мы оба вольны искать удовольствия на стороне.

– Конечно, мадам, – холодно согласился Алекс, чем и вовсе вывел ее из себя.

В последний раз бросив на него полный негодования взгляд, Велвет развернулась на каблуках и пулей вылетела из библиотеки, с грохотом захлопнув за собой дверь.

– Нужно было ее выпороть! – раздраженно бросил Робин. – Спасибо, что предложил подождать со свадьбой.

– В сложившихся обстоятельствах это меньшее, что можно было сделать, – пожал плечами Алекс. – За прошедшие несколько недель мы с Велвет немного узнали друг друга, и мне показалось, что мы стали друзьями, но теперь я понимаю, что заблуждался.

– Черт возьми, приятель, нужно было позволить мне довести дело до конца. Велвет со временем смирилась бы, поняв, что у нее нет выбора. Она ужасно упряма, но отнюдь не глупа.

– Все верно, но было бы огромной ошибкой заставить ее пойти к алтарю сейчас: ведь расхлебывать последствия пришлось бы мне, Робин.

– И что ты намерен делать?

Алекс рассмеялся, но вовсе не расстроено, как можно было ожидать, а весело.

– Думаю, дружище, пришло время преподать госпоже Велвет де Мариско урок. Я люблю ее, и, кажется, она тоже ко мне равнодушна, но я сделаю так, что совсем скоро она начнет умолять меня взять ее замуж, обещаю.

– В таком случае, – усмехнулся Робин, разливая по кубкам золотистое вино, – нам стоит за это выпить. Когда ожидать результатов?

– Думаю, примерно к середине осени, – уверенно ответил шотландец. – Я, конечно, выгнал Анабеллу и ее мягкотелого муженька из Дан-Брока, но все же хотелось бы вернуться в замок до того, как она надумает снова там поселиться.

Друзья выпили за успех задуманного, только ни Алекс, ни Робин не приняли во внимание то обстоятельство, что Велвет де Мариско окажется гораздо упрямее графа Брок-Керна. Вернувшись ко двору и своим обязанностям фрейлины, она с удвоенной энергией окунулась в светскую жизнь. Некогда робкая девица Велвет исчезла, превратившись в красивую молодую леди, чрезвычайно жадную до удовольствий. Она внезапно стала заводилой во всех играх и забавах, до которых были так охочи придворные. Дамы не стали к ней более благосклонны, а вот джентльмены просто обожали эту новую разбитную Велвет.

Поначалу Алекс и Робин просто наблюдали за Велвет и посмеивались, но, по мере того как одна неделя сменяла другую, происходящее забавляло их все меньше. Нет, поведение Велвет не порождало сплетен, ибо она была совсем не глупа, а если и флиртowała, то делала это так, что ее репутации ничто не угрожало.

Брат и нареченный супруг не входили в круг ее многочисленных поклонников, а потому не знали наверняка, чем именно заполнены ее дни. До них долетали лишь какие-то обрывочные сведения, и оба заметно нервничали. Робин и Эйнджел ненадолго съездили в Девон, а вернувшись, поняли, что с каждым днем Велвет все больше и больше выходит из-под контроля.

– Я думал, у тебя есть какой-то план, чтобы обуздать мою сестру, – осуждающе заметил Робин как-то вечером после целого часа наблюдений за безумной игрой Велвет и ее друзей в прятки.

Молодые люди визжали, щекотали друг друга и даже осмеливались на поспешный поцелуй. Так произошло, когда граф Эссекс зажал Велвет в углу, а та ловко вывернулась, одарив брата и жениха лукавой улыбкой.

– План у меня действительно есть, – самодовольно кивнул Алекс, – но сначала я хотел дать ей время поразвлечься. А вот теперь заставлю ревновать.

– Ревновать? – недоверчиво переспросил Робин.

– Да, Роб, именно! Я сделаю вид, будто внезапно пал жертвой чар одной из придворных дам, какой-нибудь опытной красавицы, которая, однако, не примет моих ухаживаний всерьез, но охотно согласится пофлиртовать.

– Ох, Алекс, – покачала головой Эйнджел, – не думаю, что это удачная идея. За то недолгое время, что мы знакомы с Велвет, я поняла, что она никогда не поступает так, как подсказывает логика. Боюсь, вы лишь еще больше разозлите ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.